

Болеслав Прус

ФАРАОН

КНИГА ПЕРВАЯ

Вступление

В северо-восточном углу Африки лежит Египет — родина древнейшей в мире цивилизации. За три, четыре и даже пять тысячелетий до нашего времени, когда обитавшие в Средней Европе варварские племена еще носили звериные шкуры и жили в пещерах, Египет уже был страной с высокоразвитым общественным устройством, страной, где процветали сельское хозяйство, ремесла и литература. Но больше всего Египет прославился грандиозными инженерными работами и колоссальными сооружениями, развалины которых вызывают удивление даже у современных техников.

Египет — плодородная долина между двумя пустынями: Ливийской и Аравийской[1]. Глубина ее — несколько сот метров, длина — сто тридцать миль, ширина едва достигает одной мили. Пологие склоны голых ливийских холмов — по западную сторону этой долины и скалистые, изрытые трещинами отроги Аравийской возвышенности — по восточному образуют как бы коридор, на дне которого течет река Нил.

По мере удаления к северу стены коридора постепенно снижаются, а в двадцати пяти милях от Средиземного моря внезапно раздвигаются, и Нил, разбившись на несколько рукавов, выходит на широкую равнину, имеющую форму треугольника. Основанием этого треугольника, носящего название дельты Нила, служит берег Средиземного моря, а вершиной — место выхода Нила из ущелья у города Каира и развалин древней столицы, Мемфиса.

Если бы кому-нибудь удалось подняться на двадцать миль в воздух, он увидел бы всю страну в ее своеобразных очертаниях и чудесной смене красок.

С этой высоты на фоне белых и оранжевых песков Египет казался бы змеей, которая энергичными зигзагообразными движениями пробирается сквозь пустыни к Средиземному морю и уже погрузила в него свою треугольную голову с двумя сверкающими глазами: левым — Александрией и правым — Дамьеттой[2].

В октябре, когда воды Нила заливают весь Египет, эта длинная змея принимает голубую окраску воды, а в феврале, когда пойма реки покрывается весенней растительностью, она бывает зеленой с голубой полосой вдоль спины и множеством голубых жилок на голове, — это пересекающие Дельту каналы. В марте голубая полоса суживается, и кожа змеи сверкает на солнце золотом зреющих нив. В начале июня, в засуху и пыль, Нил кажется уже чуть заметно голубой чертой на теле змеи, покрытом, словно траурным крепом, серым налетом пыли.

Главная особенность Египта — жаркий климат. В январе здесь бывает десять градусов тепла, в августе — двадцать семь. Иногда жара доходит до сорока градусов, что соответствует температуре римской бани. Вблизи Средиземного моря, над Дельтой, дождь выпадает не больше десяти раз в год, а в Верхнем Египте — один раз в десять лет.

При таких условиях Египет был бы не колыбелью цивилизации, а одним из тех пустынных ущелий, какими так богата пустыня Сахара, если бы воды священного Нила ежегодно не воскрешали страну. С конца июня до конца сентября Нил непрерывно прибывает и заливал почти весь Египет. С конца октября до мая следующего года весенние воды постепенно спадают, обнажая даже самые низкие места. Речная вода так насыщена здесь минеральными и органическими веществами, что принимает бурю окраску, и, по мере спада, на заливных землях осаждаются плодородный ил, заменяющий самые полезные удобрения. Этот ил и жаркий климат дают возможность окруженному пустынями египтянину собирать три урожая в год, причем каждое зерно посева дает до трехсот зерен урожая.

Поверхность Египта не всюду равнинная, местами она холмистая. Поэтому некоторых земель Египта разлив не достигает, и они пьют благословенную воду раз в два-три месяца, а отдельные земли не видят ее целый год. Кроме того, случаются годы, когда вода в реке почти не прибывает, и тогда страна не получает плодородного ила. Наконец, в знойное время, когда земля быстро сохнет, приходится поливать ее, как в вазонах.

Все это привело к тому, что народ, населявший долину Нила, должен был либо погибнуть — если он был слаб, либо научиться регулировать воду — если он был гениальным. Древние египтяне, будучи народом гениальным, создали цивилизацию.

Еще за шесть тысяч лет до нашей эры египтяне заметили, что уровень воды в Ниле подымается, когда солнце восходит под звездой Сириус, и начинает понижаться, когда оно приближается к созвездию Весов. Это наблюдение побудило египтян заняться астрономией и ввести календарь. Чтобы сохранять воду круглый год, египтяне создали целую сеть каналов длиной в несколько тысяч миль, а чтобы предотвратить наводнения, воздвигали мощные плотины и строили водохранилища. Одно из них — искусственное Меридово озеро [3] — занимало площадь в триста квадратных километров при глубине в двенадцать ярусов. Кроме того, вдоль Нила и каналов сооружались простые, но очень выгодные гидравлические приспособления, с помощью которых можно было черпать плодородную воду и выливать ее на поля, лежащие на один-два яруса выше. Вдобавок ко всему приходилось ежегодно очищать заплывшие илом каналы, чинить плотины и прокладывать высоко расположенные дороги для войск, совершавших походы в любое время года.

Такие грандиозные работы требовали наряду со знанием основ астрономии, межевания и строительства превосходной организации. Все они, будь то укрепление плотины или очищение канала, производились одновременно на

огромном пространстве и должны были быть выполнены к определенному сроку. Отсюда явилась необходимость создания рабочей армии, насчитывающей десятки тысяч человек, которая действовала бы согласно определенному плану и под единым руководством, — армии, которая должна была иметь множество маленьких и больших начальников, множество отрядов, выполняющих различные работы, направленные к одной цели, — армии, которая требовала, естественно, огромных запасов продовольствия, а также вспомогательных сил и средств.

Египет сумел организовать такую армию рабочих, и ей обязан он своими бессмертными делами.

Создали ее, по-видимому, жрецы — египетские мудрецы, и они же намечали планы ее работ, которые затем выполнялись по указам царей-фараонов. Благодаря этому египетский народ во времена своего величия представлял как бы единый организм, в котором жрецы были мыслью, фараон — волей, народ — телом, а повиновение — цементом.

Таким образом, сама природа Египта, требовавшая большого, непрерывного и упорного труда, определила основу общественной организации этой страны: народ работал, фараон управлял, жрецы составляли планы. И пока эти три действующие силы единодушно стремились к целям, которые указывала им сама природа, до тех пор народ процветал и творил свои бессмертные дела.

Добродушный, веселый и отнюдь не воинственный египетский народ делился на два класса: земледельцев и ремесленников. Часть земледельцев, должно быть, владела мелкими участками земли, большинство же арендовало земли фараона, жрецов и знати. Ремесленники, изготавливавшие одежду, мебель, утварь, посуду, работали независимо друг от друга. Те же, кто трудился на больших стройках, составляли как бы армию.

Каждая отрасль, и прежде всего строительство, нуждалась в тягловой силе и орудиях: кто-то должен был целый день черпать воду из каналов или доставлять камень из каменоломен на место строительства. Эти самые тяжелые механические работы, и прежде всего в каменоломнях, выполняли преступники, осужденные на каторгу, или пленники.

Коренные египтяне гордились медным цветом своей кожи и с пренебрежением относились к черным эфиопам, желтым семитам и белым европейцам. Цвет кожи, помогая отличать соотечественника от чужеземца, способствовал сохранению народного единства сильнее, нежели религия, которую можно принять, или язык, которому можно научиться.

Однако с течением времени, когда государственное здание начало давать трещины, в страну все больше стали проникать чужеземцы. Они ослабляли спаянность народа, вносили раскол в общество и в конце концов, наводнив страну, растворили в себе ее коренное население.

Фараон правил государством с помощью постоянной армии и милиции, или полиции, а также множества чиновников, из которых постепенно создалась родовая аристократия.

Он именовался законодателем, верховным главнокомандующим, самым богатым землевладельцем, верховным судьей и жрецом и даже сыном богов и богом. Фараон не только принимал божеские почести от народа и чиновников, но иногда сам воздвигал себе алтари и воскурял благовония перед собственными изображениями.

Рядом с фараонами, а нередко и над ними, стояли жрецы — сословие мудрецов, вершивших судьбами страны. В настоящее время трудно даже представить себе ту необыкновенную роль, какую играли в Египте жрецы. Они были наставниками молодых поколений, прорицателями, а следовательно — советниками взрослых людей, и судьями умерших, которым якобы их воля и знания обеспечивали вечную жизнь. Жрецы не только исполняли обряды при божествах и фараонах, но лечили больных в качестве врачей, руководили ходом общественных работ в качестве инженеров, влияли на политику в качестве астрологов, и главное — как люди, знающие свою страну и ее соседей.

В истории Египта первостепенное значение имеют отношения существовавшие между жреческим сословием и фараонами. Чаще всего фараон подчинялся воле жрецов, приносил богатые жертвы богам и строил храмы. Тогда он жил долго; имя его и изображение, увековеченные на памятниках, передавались из поколения в поколение, овеянные славой. Многие же фараоны царствовали недолго, а некоторые не оставили в памяти народа не только своих дел, но даже имен. Случалось также несколько раз, что династия фараонов прекращала свое существование и клафф[4] — шапка фараона, украшенная змеей, — доставалась жрецу.

Египет процветал, пока монолитный народ, энергичные цари и мудрые жрецы трудились вместе на общее благо. Но настало время, когда население Египта в результате войн значительно уменьшилось, непомерные труды, тяжелый гнет и лихоимство чиновников надломили его силы, а наплыв чужеземцев разрушил расовое единство. А когда к тому же проникшая в страну азиатская роскошь поглотила энергию фараонов и мудрость жрецов и эти две силы начали между собою борьбу за монопольное ограбление народа, Египет подпал под власть чужеземцев, и тысячелетиями сиявший над Нилом свет цивилизации.

Нижеследующая повесть относится к XI веку до рождения Христова, когда пала XX династия и после сына солнца, вечно живущего Рамсеса XIII, насильственно завладел престолом и украсил чело свое уреем[5], вечно живущий сын солнца Сен-Амон-Херихор[6] — жрец храма Амона.

1

На 33-м году благополучного царствования Рамсеса XII[7] Египет праздновал два торжественных события, преисполнивших сердца его верноподданных гордостью и отрадой.

В месяце мехир, декабре, вернулся в Фивы осыпанный драгоценными дарами бог Хонсу[8]; он странствовал три года и девять месяцев по земле Бехтен[9], где исцелил царскую дочь Бентреш и изгнал злого духа не только из семьи царя, но даже из крепости Бехтен.

В месяце же фармути, феврале, повелитель Верхнего и Нижнего Египта, властелин Финикии и девяти народов, Мери-Амон-Рамсес XII, посоветовавшись с богами, коим он был равен, назначил эрпатром[10], или наследником престола, своего двадцатидвухлетнего сына — Хем-Семмерер-Амон-Рамсеса[11].

Выбор этот весьма обрадовал благочестивых жрецов, знатных номархов[12], доблестную армию, верный народ и все живое в стране египетской. Ибо старшие сыновья фараона, от хеттской[13] царевны, находясь под действием неведомых чар, были одержимы злым духом. У одного из них, которому было двадцать семь лет, по достижении зрелости отнялись ноги, другой вскрыл себе вены и умер, а третий, пристрастившись к отравленному вину, лишился рассудка, вообразил себя обезьяной и целые дни проводил на деревьях.

Лишь четвертый сын царя, Рамсес, рожденный царицей Никотрисой, дочерью верховного жреца Аменхотепа, был силен, как бык Апис[14], бесстрашен, как лев, и мудр, как жрецы. С детства он окружал себя военными и, еще будучи простым царевичем, говорил:

— Если бы боги сделали меня не младшим сыном царя, а фараоном, я покорил бы, подобно Рамсесу Великому[15], девять народов, еще неведомых Египту, построил храм, превосходящий величиной целые Фивы, а для себя воздвиг бы пирамиду, по сравнению с которой гробница Хеопса[16] была бы как куст розы рядом с высокой пальмой.

Получив столь желанный титул наследника, молодой царевич просил отца всемилостивейше назначить его предводителем корпуса Менфи[17], на что его святейшество Рамсес XII, посоветовавшись с богами, коим он был равен, ответил, что он согласен, если наследник престола докажет свою способность предводительствовать большими силами в военной обстановке.

По этому случаю был созван совет под председательством военного министра Сен-Амон-Херихора — верховного жреца величайшего храма Амона в Фивах.

Совет решил:

Наследник престола в половине месяца месоре (начало июля) соберет десять полков, размещенных на линии, соединяющей город Мемфис с городом Буто, расположенным у Себеннитского залива[18]. С этим десятитысячным корпусом, приведенным в боевую готовность, снабженным метательными машинами и обозом, наследник отправится на восток к большому караванному тракту, который тянется от Мемфиса до Хетема вдоль границы земли Гошен[19] и египетской пустыни.

Одновременно генерал Нитагор, главнокомандующий армией, охраняющей Египет от вторжения азиатских народов, выступит со стороны Горьких

озер[20] навстречу наследнику престола. Обе армии, азиатская и западная, встретятся в окрестностях города Пи-Баилоса[21] — в пустыне: чтобы не мешать полевым работам трудолюбивых хлебопашцев земли Гошен.

Наследник престола будет признан победителем, если не даст Нитагору застать себя врасплох, то есть успеет стянуть все полки и встретит противника в полной боевой готовности.

В лагере царевича Рамсеса будет находиться сам военный министр, досточтимый Херихор, который и сделает фараону доклад о ходе маневров.

Граница, отделявшая пустыню от земли Гошен, шла вдоль двух коммуникационных линий — судоходного канала от Мемфиса до озера Тимса[22] и большого караванного тракта. Канал проходил еще по земле Гошен, а караванный тракт — уже по пустыне, и оба пути огибали ее дугой. С тракта почти на всем его протяжении виден был канал.

Этими искусственными границами разделялись две совершенно различные области. Земля Гошен, несмотря на слегка волнистую поверхность, производила впечатление равнины, пустыня же состояла из известковых возвышенностей и песчаных долин. Земля Гошен была похожа на огромную шахматную доску, зеленые и желтые квадраты которой различались по цвету злаков и отделялись росшими на межах пальмами. А на рыжеватых песках пустыни и ее белых нагорьях зеленая поросль или купа деревьев и кустарников казались заблудившимися путниками.

На плодородной земле Гошен с каждого холма сбегали вниз темные рощи акаций, сикомор и тамариндов, издали напоминавших наши липы; в их гуще прятались небольшие дворцы с приземистыми колоннами или желтые хижины крестьян. Кое-где рядом с рощицей белели плоские крыши небольшого городка или, словно утесы-близнецы, грузно возвышались над деревьями пирамидальные пилоны[23] храмов, испещренные причудливыми письменами.

В пустыне из-за первой гряды поросших зеленью холмов выглядывали голые скалы, усеянные грудями камней.

Казалось, пресыщенная избытком жизни западная часть страны с царственной щедростью выплескивает на другой берег канала зелень и цветы, но вечно голодная пустыня поглощает их и к следующему году превращает в прах.

Жалкая растительность, вытесненная на скалы и пески, задерживалась в низинах, куда при помощи канав, прорытых в насыпи тракта, можно было подводить воду из канала. Кое-где между лысыми взгорьями, неподалеку от тракта, пили небесную росу укромные оазисы, где росли ячмень и пшеница, виноград, пальмы и тамаринды. В таких местах и люди жили обособленными семьями. Встретившись на базаре в Пи-Баилосе, они могли даже не знать, что живут рядом в пустыне.

Шестнадцатого месоре сосредоточение войск было почти закончено. Десять полков наследника престола, которые должны были встретить азиатские полки

Нитагора, уже собрались на тракте выше города Пи-Баилоса с обозом и частью метательных машин.

Движением их руководил сам наследник. Он организовал две линии разъездов, из которых задняя должна была выслеживать противника, а передняя — охранять свои войска от внезапного нападения, вполне возможного в холмистой и пересеченной оврагами местности. Он, Рамсес, в течение недели сам объехал и осмотрел продвигающиеся по дорогам полки, чтобы удостовериться, в порядке ли у солдат оружие, есть ли теплые плащи на ночь, достаточен ли запас сухарей, мяса, сушеной рыбы. Кроме того, он приказал, чтобы жены, дети и рабы военных, отправляемых на восточную границу, были перевезены по каналу на судах, что значительно сокращало обозы и облегчало передвижение самой армии.

Старые полководцы дивились знаниям, энергии и предусмотрительности наследника, а еще больше его трудоспособности и неприхотливости в походной жизни. Свою многочисленную свиту, княжеский шатер, колесницы и носилки он оставил в Мемфисе, сам же в одежде простого офицера разъезжал от полка к полку верхом, на манер ассирийцев, в сопровождении двух адъютантов.

Благодаря этому сосредоточение корпуса закончилось очень быстро, и полки в назначенное время расположились под Пи-Баилосом.

Иначе обстояло дело со штабом наследника, сопровождавшим его греческим полком и несколькими метательными машинами.

Штабу, собранному в Мемфисе, предстоял наиболее короткий переход; поэтому он выступил позже всех, таща за собой огромный обоз. Почти каждый офицер — а все это были молодые люди знатного рода — имел носилки, которые несли четыре негра, военную двуколку, богатый шатер, множество сундуков с одеждой и довольствием и кувшины с вином и пивом. Кроме того, за офицерами потянулась многочисленная труппа певиц и танцовщиц с музыкантами, причем каждая из них, как важная дама, хотела иметь колесницу, запряженную одной или двумя парами быков, и носилки.

Когда все это скопище людей хлынуло из Мемфиса, оно заняло на тракте больше места, чем армия наследника. Передвигалось же оно так медленно, что метательные машины, замыкающие колонну, двинулись в поход с опозданием на целые сутки. Вдобавок ко всему певицы и танцовщицы, увидав пустыню, совсем еще не страшную в этом месте, испугались и начали плакать. Для успокоения их пришлось сделать раньше времени привал на ночь, разбить шатры и устроить представление, а затем пиршество.

Ночное празднество в прохладе, под звездным небом на фоне дикой природы, очень понравилось танцовщицам и певицам, и они заявили, что впредь будут выступать только в пустыне.

Между тем наследник, узнав в пути о том, что творится в его штабе, прислал приказ немедленно вернуть женщин в город и ускорить продвижение задержавшихся частей.

При штабе находился военный министр достопочтенный Херихор, но только в качестве наблюдателя. Он не вез с собой певиц, но и воздерживался от всяких замечаний штабным офицерам. Он приказал вынести свои носилки в самое начало колонны и, в зависимости от того, как она подвигалась, то уходил вперед, то отдыхал под сенью огромного опахала, которое держал над ним адъютант.

Досточтимый Херихор был человек сорока с лишним лет, мощного сложения; замкнутый в себе, он говорил редко и так же редко смотрел на людей из-под полуопущенных век.

Как все египтяне, он ходил с обнаженными руками и ногами, с открытой грудью, в сандалиях, короткой юбочке вокруг бедер и переднике в белую и синюю полосу.

Как жрец он брил лицо и голову и носил шкуру пантеры, перекинутую через левое плечо.

Как военный он покрывал голову небольшим шлемом, из-под которого на шею и плечи ниспадал легкий назатыльный плат, тоже в белую и синюю полосу. На шее у него была тройная золотая цепь, а с левой стороны висел короткий меч в богато украшенных ножнах.

Носилки Херихора, которые несли шесть черных рабов, всегда сопровождало трое приближенных: один держал опахало, другой — секиру министра, а третий — шкатулку с папирусами. Этим третьим был писец министра жрец Пентуэр, худой аскет, даже в самый сильный зной не покрывавший бритой головы. Он происходил из народа, но благодаря своим исключительным способностям занимал важный государственный пост.

Хотя министр со своими приближенными находился впереди штабной колонны и не вмешивался в ход маневров, нельзя, однако, сказать, чтобы он не знал, что делается за его спиной. Каждый час, а иногда и каждые полчаса к носилкам вельможи подходил то низший жрец, простой «слуга божий», то отставший солдат, то торговец или раб и, как будто невзначай обгоняя молчаливую свиту министра, бросал на ходу два-три слова, которые Пентуэр иногда записывал, но чаще просто запоминал, так как память у него была необыкновенная.

В шумной толпе штабных никто не обращал внимания на эти мелочи. Офицеры, знатные молодые люди, в суете, за громкими разговорами или песнями не замечали, кто подходит к министру, тем более что по тракту все время сновало взад и вперед множество пешеходов.

Пятнадцатого месоре штаб наследника вместе с военным министром провел ночь под открытым небом на расстоянии одной мили от полков, строившихся уже в боевой порядок поперек тракта за городом Пи-Баилосом.

Около часа утра, что соответствует нашим шести часам, холмы пустыни окрасились в фиолетовый цвет. Из-за них выглянуло солнце. По земле Гошен разлился розовый свет, и городки, храмы, дворцы знатных вельмож и хижины крестьян мгновенно загорелись среди зелени разноцветными огоньками. Вскоре весь западный край неба потонул в золотистом сиянии. Казалось, будто цветущая

земля Гошен растворяется в золоте, а бесчисленные каналы струят вместо воды расплавленное серебро. Между тем фиолетовые холмы пустыни еще больше потемнели; длинные тени от них легли на пески, где редкая растительность выделялась черными пятнами.

Дозорные, стоявшие вдоль тракта, уже могли ясно видеть обсаженные пальмами поля за каналом. На одних зеленели лен, пшеница, клевер, на других золотился дозревающий ячмень второго посева. Из скрытых меж зелени лачуг стали выходить на работу земледельцы, они были почти голые, медно-коричневого цвета; весь наряд их состоял из узкого набедренника и чепца.

Одни направлялись к каналам — очищать их от ила или черпать и выливать на поля воду при помощи простых машин, напоминавших журавли наших колодцев. Другие, рассыпавшись между деревьями, собирали зрелые фиги и виноград. Тут же копошились голые дети и женщины в белых, желтых или красных сорочках без рукавов.

Повсюду царило оживление. В вышине хищные птицы пустыни охотились на голубей и галок земли Гошен. Вдоль канала покачивались скрипучие журавли, поднимая ведра с илистой водой, а собиравшие плоды люди то появлялись, то исчезали в зелени деревьев, словно пестрые бабочки.

Между тем в пустыне, на тракте, зашевелились полки и обозы. Проскакал отряд всадников, вооруженных копьями. За ним двинулись лучники, в чепцах и юбочках, с луками в руках, с колчанами за спиной и широкими тесаками на правом боку. За ними следовали пращники с мешками камней и короткими мечами.

На расстоянии ста шагов за ними шли два небольших отряда пехоты: один — вооруженный копьями, другой — секирами. И те и другие несли в руках прямоугольные щиты; грудь их была прикрыта, точно панцирем, нагрудниками из толстой ткани, чепцы с легкими назатыльными платами защищали их от солнца. Эти чепцы и нагрудники в синюю и белую или в желтую и черную полосу делали солдат похожими на огромных шершней.

За передним отрядом, окруженные секироносцами, двигались носилки министра, а за ними, в медных шлемах и панцирях, — греческие роты, мерная поступь которых напоминала удары тяжелых молотов. Сзади слышался скрип телег, рев скота и окрики возниц, а по обочине дороги, на носилках, подвешенных между двумя ослими, пробирался бородатый финикийский торговец. Надо всем этим клубилась туманом золотая пыль и дышал зной.

Вдруг со стороны сторожевого отряда прискакал верховой и сообщил министру, что приближается наследник. Министр сошел с носилок, и в ту же минуту на тракте показалась кучка всадников. Они спешили. Один из всадников и министр пошли навстречу друг другу, то и дело останавливаясь и кланяясь.

— Привет тебе, сын фараона, да живет он вечно! — возгласил министр.

— Привет тебе, и да здравствуешь ты долгие лета, святой отец! — ответил наследник и прибавил: — Вы тащитесь, как калеки, а между тем не позже как через два часа нагрянет Нитагор.

— Ты совершенно прав. Твой штаб подвигается очень медленно.

— К тому же Эннана сказал мне, — Рамсес кивнул на стоявшего позади него воина, увешанного амулетами, — что вы не выслали патрулей в ущелья. А будь это настоящая война, неприятель мог бы напасть на вас с этой стороны.

— Я не командующий, а только судья, — спокойно ответил министр.

— А что делает Патрокл?

— Патрокл с греческим полком конвоирует метательные машины.

— А мой родственник и адъютант Тутмос?

— Спит еще, должно быть.

Рамсес с досадою топнул ногой, но промолчал. Это был красивый юноша с почти женственным лицом. Гнев и загар еще больше красили его. На нем был род узкого кафтана в синюю и белую полосу, плотно облегающий его фигуру, такого же цвета плат свешивался у него из-под шлема; на шее висела золотая цепь, а слева — дорогой меч.

— Я вижу, — заговорил царевич, — что только ты один, Эннана, блюдешь здесь мою честь.

Увешанный амулетами офицер поклонился до земли.

— Тутмос — лентяй! — продолжал наследник. — Возвращайся, Эннана, на свое место. Пусть, по крайней мере, у сторожевого отряда будет военачальник.

Затем, взглянув на свиту, которая сразу окружила его, точно выросши из-под земли, он прибавил:

— Пусть мне подадут носилки. Я устал, как каменотес.

— Разве боги могут уставать?.. — прошептал у него за спиной Эннана.

— Ступай на свое место! — приказал Рамсес.

— А может быть, ты, подобие месяца, велишь мне сейчас обследовать ущелье? — тихо спросил офицер. — Приказывай, ибо, где бы я ни был, сердце мое следует за тобой, чтоб угадать твою волю и исполнить ее.

— Я знаю, что ты бдителен, — ответил Рамсес. — Ступай же и смотри за всем.

— Святой отец! — обратился Эннана к министру. — Прими уверение в моей готовности служить тебе.

Не успел Эннана ускакать, как в конце марширующей колонны поднялась еще большая суета: искали носилки наследника престола, но их нигде не было. Вместо носилок, расталкивая греческих солдат, показался юноша странной наружности. На нем была кисейная рубашка, богато вышитый передник и

золотая перевязь через плечо. Особенно же бросались в глаза его огромный парик из множества косичек и фальшивая борода, похожая на кошачий хвост.

Это был Тутмос, первый щеголь в Мемфисе, даже в походе не забывавший наряжаться и натирать себя благовониями.

— Здравствуй, Рамсес! — вскричал щеголь, энергично расталкивая офицеров. — Представь себе, твои носилки куда-то запропастились. Придется сесть в мои; они, правда, недостойны такой чести, но и не столь уж плохи.

— Я сердит на тебя, — ответил царевич. — Ты спишь, вместо того чтобы заботиться о войске.

Щеголь удивленно посмотрел на него.

— Я сплю?.. — воскликнул он. — Пусть отсохнет язык у того, кто говорит подобную ложь. Я знал, что ты прибудешь, и уже целый час одеваюсь и готовлю для тебя ванну и благовония...

— А тем временем солдаты идут одни.

— Как? Неужели я должен командовать колонной, в которой находятся военный министр и такой полководец, как Патрокл?..

Наследник престола ничего не ответил, а Тутмос, подойдя к нему, тихо заговорил:

— На кого ты похож, сын фараона?! Без парика, волосы и платье в пыли, кожа черная, вся потрескалась, как земля летом!.. Досточтимая царица-мать прогнала бы меня, если бы знала, в каком ты виде.

— Я просто устал.

— Так садись в носилки. Там тебя ждут венки из свежих роз, жаркое из дичи и кувшин кипрского вина. А кроме того, — прибавил он еще тише, — я спрятал в обозе Сенуру...

— Она здесь?..

Блестящие глаза царевича затуманились.

— Пусть войска проходят, — продолжал Тутмос, — мы тут подождем ее.

Рамсес словно очнулся.

— Отстань, искуситель!.. Ведь через два часа сражение.

— Ну, какое это сражение!

— Во всяком случае, оно решит мою дальнейшую судьбу.

— Пустяки! — улыбнулся щеголь. — Я готов поклясться, что еще вчера военный министр отправил царю рапорт с просьбой дать тебе корпус Менфи.

— Все равно сегодня я не могу думать ни о чем другом, кроме армии.

— Ты помешан на войне! А на войне человек месяцами не моется, чтобы в один прекрасный день погибнуть. Брр!.. Ты хоть посмотрел бы на Сенуру. Только взглянул бы на нее...

— Нет! — ответил Рамсес решительно. — Вот поэтому и не хочу видеть...

В тот момент, когда из-за греческих шеренг восемь человек вынесли огромные носилки Тутмоса, приготовленные для наследника, со стороны головного отряда прискакал всадник. Он спешил и побежал с такой быстротой, что на груди у него зазвенели изображения богов и дощечки с их именами. Это был запыхавшийся Эннана.

Все повернулись к нему, что, по-видимому, доставило ему удовольствие.

— Царевич, божественные уста! — воскликнул Эннана, склоняясь перед Рамсесом. — Когда, согласно твоему высокому приказу, я ехал во главе отряда, внимательно следя за всем, мне попались на дороге два дивных скарабея[24]. Священные жуки катили поперек дороги глиняные шарики, направляясь к пескам.

— Ну и что же? — перебил его наследник.

— Разумеется, — продолжал Эннана, глянув в сторону министра, — я и мои люди, воздав священные почести золотым подобиям солнца, остановили движение войска. Это столь важное знамение, что без особого приказа ни один из нас не осмелился бы продолжать путь.

— Я вижу, ты действительно благочестивый египтянин, хотя черты лица у тебя хеттские, — ответил досточтимый Херихор и, повернувшись к стоявшим поблизости вельможам, прибавил: — Мы не пойдем дальше по тракту, дабы не растоптать священных жуков. Пентуэр, можно ли этим ущельем, что направо, обойти тракт?

— Можно, — ответил писец министра. — Ущелье тянется на целую милю и выходит снова на тракт, почти против самого Пи-Баилоса.

— Потерять столько времени! — негодуя воскликнул наследник.

— Готов поклясться, что это не скарабеи, а духи моих финикийских ростовщиков, — заметил щеголь Тутмос. — Они отправились в загробный мир и уже не могут потребовать с меня долги, поэтому в наказание заставляют брести через пустыню!..

Свита наследника с беспокойством ожидала решения.

Рамсес обратился к Херихору:

— Что ты об этом думаешь, святой отец?

— Взгляни на офицеров, — ответил жрец, — и ты поймешь, что надо идти ущельем.

Но тут выступил вперед предводитель греков, генерал Патрокл.

— Если ты, царевич, разрешишь, — сказал он наследнику, — мой полк пойдет и дальше по тракту. Наши воины не боятся скарабеев.

— Ваши воины не боятся даже царских гробниц, — ответил министр. — Однако там, должно быть, небезопасно, ибо ни один из них оттуда не вернулся.

Грек смущенно отступил назад и затерялся в свите.

— Согласись, святой отец, — проговорил шепотом, еле сдерживая свое возмущение, наследник, — что такое препятствие не остановило бы в пути даже осла.

— Но осел никогда не будет фараоном, — спокойно ответил министр.

— В таком случае ты, министр, сам поведешь колонну через ущелье! — воскликнул Рамсес. — Я не сведущ в жреческой тактике. К тому же мне надо отдохнуть. Пойдем! — обратился он к Тутмосу и повернул к лысым холмам.

2

Досточтимый Херихор тотчас же поручил своему адъютанту, несшему секиру, принять командование сторожевым отрядом вместо Эннаны. Затем приказал, чтобы машины для метания больших камней свернули с тракта по направлению к ущелью и чтобы греческие солдаты помогли их передвижению в трудных местах. Колесницы же и носилки офицеров свиты должны были тронуться последними.

Пока Херихор отдавал приказы, адъютант, державший опахало, подошел к писцу Пентуэру и сказал шепотом:

— Теперь уже, видно, никогда нельзя будет ездить этим трактом!..

— Почему?.. — возразил молодой жрец. — Но сейчас, когда два священных жука пересекли нам дорогу, не следует идти по ней дальше. Может произойти несчастье.

— Оно и так уже произошло! Ты видел, что царевич Рамсес разгневался на министра? А наш господин не из тех, кто забывает...

— Не царевич рассердился на нашего господина, а наш господин на царевича и дал ему это понять, — ответил Пентуэр. — И хорошо сделал. А то молодому наследнику уже кажется, что он будет вторым Менесом[25].

— Уж не самим ли Рамсесом Великим?.. — вставил адъютант.

— Рамсес Великий повиновался богам, и за это во всех храмах ему посвящены хвалебные надписи. Менес же, первый царь Египта, ниспроверг старые порядки, и лишь отеческой кротости жрецов обязан он тем, что его имя не предано забвению... Хотя я не дал бы и одного медного дебена[26] за то, что мумия Менеса еще существует.

— Дорогой Пентуэр, — сказал адъютант, — ты человек умный и понимаешь, что нам все равно — десять господ у нас или одиннадцать...

— Но народу не все равно, должен ли он каждый год добывать одну гору золота — для жрецов, или две горы — для жрецов и для фараона, — возразил Пентуэр, сверкнув глазами.

— У тебя опасные мысли в голове, — проговорил шепотом адъютант.

— А сколько раз ты сам возмущался роскошью двора фараона и номархов?..

— Тише... тише!.. Мы еще поговорим об этом, только не сейчас.

Несмотря на песок, метательные машины, к которым припрягли по лишней паре быков, катились быстрее по пустынному ущелью, чем по тракту. Рядом с первой шел Эннана, озабоченный мыслью о том, почему министр отстранил его от командования сторожевым отрядом. Уж; не ждет ли его какое-нибудь более высокое назначение?

И в радостном ожидании, а может быть, чтобы заглушить тревожившие его опасения, он взял в руки шест и, где попадался более глубокий песок, подпирал баллисту^[27] или криком подгонял греков. Те, однако, мало обращали на него внимания.

Уже добрых полчаса колонна подвигалась по извилистому ущелью с голыми отвесными стенами. Вдруг головной отряд остановился. В этом месте ущелье пересекалось другим, по дну которого проходил довольно широкий канал.

Гонец, посланный к министру с сообщением о неожиданном препятствии, вернулся с приказом немедленно засыпать канал.

Около сотни греческих воинов с кирками и лопатами принялись за работу. Одни откалывали каменные глыбы, другие сваливали их в ров и засыпали песком.

В это время из глубины ущелья вышел человек; в руках его была мотыга, похожая на шею аиста, с острием в виде клюва. Это был египетский крестьянин, старик, совершенно голый. С минуту он с величайшим недоумением смотрел на работу солдат и вдруг бросился к ним с криком:

— Что вы делаете, безбожники? Ведь это же канал!..

— А ты как смеешь оскорблять воинов его святейшества? — спросил подоспевший Эннана.

— Я вижу, ты как будто египтянин и, должно быть, из начальников, — ответил крестьянин. — Так вот что я тебе сказку: этот канал принадлежит могущественному господину. Он служит управляющим у писца при человеке, который носит опахало над достопочтенным мемфисским номархом. Смотрите, как бы вы не попали в беду.

— Делайте свое дело, — приказал Эннана греческим солдатам, не без любопытства поглядывавшим на крестьянина. Они не понимали его языка, но их удивлял его тон.

— Они продолжают засыпать!.. — воскликнул крестьянин с растущим возмущением. — Несдобровать вам, собаки! — вскричал он, бросаясь с мотыгой на одного из солдат.

Грек вырвал мотыгу и так ударил крестьянина в зубы, что у того кровь брызнула изо рта. Потом снова принялся сыпать песок.

Ошеломленный ударом, крестьянин взмолился:

— Добрый господин! Ведь этот канал я рыл десять лет, сам, своими руками, все ночи и все праздники! Наш господин обещал, что, если я проведу воду в эту ложбину, он выделит мне участок у канала, даст пятую часть урожая и подарит свободу... Вы слышите?.. Свободу мне и троим моим детям!.. О боги!.. — Он воздел руки и снова обратился к Эннана: — Они не понимают меня, эти заморские бородачи, собачье племя, братья финикийян и евреев! Но ты, господин, выслушай меня... Десять лет, — в то время как другие отправлялись кто на ярмарку, кто на пляски, кто со священными процессиями, — я пробирался сюда, в это глухое ущелье. Я перестал ходить на могилу матери — и все рыл да рыл... забыл об умерших, только бы детям своим и себе хоть на один день перед смертью добыть свободу и землю... О боги, будьте свидетелями, сколько раз заставляла меня тут ночь! Сколько раз я слышал здесь протяжный вой гиены, видел зеленые глаза волков! Но я не бежал от них: куда мог бежать я, несчастный, когда на каждой тропинке стерегли меня всякие страхи, а свобода держала за ноги... Как-то раз из-за этой скалы вышел на меня лев, фараон всех зверей. Мотыга выпала у меня из рук. Я бросился перед ним на колени и взмолился: «Господин! Неужели ты не побрезгаешь мною? Ведь я только раб!» Хищный лев и тот сжалился надо мной. Волки обходили меня. Даже летучие мыши щадили мою бедную голову. А ты, египтянин...

Крестьянин замолчал, он увидел приближающиеся носилки Херихора и его свиту. Заметив опухшее и перекинутую через плечо шкуру пантеры, крестьянин понял, что это знатный человек и, по-видимому, жрец. Он подбежал, бросился на колени и припал к земле.

— Чего тебе, старик? — спросил вельможа.

— «Свет солнца, выслушай меня! — воскликнул крестьянин. — Да не будет стонов в твоих чертогах и да не постигнет тебя несчастье. Да не испытаешь ты неудачи в делах своих и не унесет тебя течение, когда ты будешь переплывать через Нил...»

— Я спрашиваю — чего ты хочешь? — повторил министр.

— «Добрый господин! — продолжал крестьянин. — Начальник, не знающий спеси, побеждающий ложь и творящий правду... Отец нищему, муж вдове, кров не имеющему матери. Дозволь мне возглашать имя твое, как возглашают закон в стране. Снизойди к словам уст моих... Выслушай и учини справедливость, благороднейший из благородных...»[28]

— Он просит, чтобы не засыпали этот ров, — пояснил Эннана.

Министр пожал плечами и двинулся дальше по направлению к каналу, через который перебросили мостки. Тогда крестьянин в отчаянии обхватил его ноги.

— Уберите его прочь!.. — крикнул министр, отпрянув, точно от укуса змеи.

Писец Пентуэр отвернулся; его худое лицо стало серым. Эннана же набросился на крестьянина, сдавив ему сзади шею, но не мог оторвать его от ног министра и кликнул солдат. Минуту спустя Херихор переправился на другую сторону рва, а солдаты почти на руках оттащили крестьянина в самый конец колонны и дали ему десяток-другой тумаков, а всегда вооруженные прутьями низшие офицеры отсчитали ему несколько десятков ударов и бросили у входа в ущелье.

Избитый, окровавленный, а главное, перепуганный бедняк с минуту неподвижно сидел на песке, потом протер глаза и вдруг, вскочив, побежал по направлению к тракту, оглашая воздух воплями.

— Поглоти меня, земля!.. Проклят тот день, когда я увидел свет, и ночь, когда сказали: «Родился человек». В плаще справедливости нет и лоскутка для рабов. Да и боги не взглянут на такую тварь, у которой только и есть, что руки, чтобы трудиться, глаза, чтобы плакать, спина, чтобы получать удары. О смерть! Обрати мое тело в прах, дабы мне и там, на полях Осириса[29], снова не родиться рабом...

3

Вне себя от негодования, царевич Рамсес взбирался на кручу, за ним шел Тутмос. У щеголя съехал набок парик, фальшивая бородка свалилась, и он нес ее в руках. Он устал и казался бы бледным, если б не слой румян на лице.

Наконец наследник остановился на вершине холма. Из ущелья доносился до них гул солдатских голосов и громыхание катящихся баллист. Перед ними простиралась земля Гошен, все еще утопавшая в лучах солнца. Казалось, будто это не земля, а золотистое облако, на котором мечта выткала пейзаж, расцветив его изумрудами, серебром, рубинами, жемчугом и топазами.

Наследник престола протянул руку вперед.

— Смотри, — обратился он к Тутмосу, — там моя земля, а тут моя армия... И вот там самые высокие здания — дворцы жрецов, а здесь жрец командует моими войсками!.. Можно ли терпеть все это?

— Так всегда было, — ответил Тутмос, боязливо оглядываясь кругом.

— Ложь! Я знаю историю этой страны, скрытую от вас. Военачальниками и высшими правителями страны были всегда только фараоны, по крайней мере, наиболее энергичные из них. У этих властителей дни проходили не в жертвоприношениях и молитвах, а в управлении государством.

— Но если такова воля царя... — попробовал вставить Тутмос.

— Воля моего отца вовсе не в том, чтобы номархи правили по своей прихоти, а наместник Эфиопии считался почти равным владыке Обеих стран[30]. И не в том,

чтобы египетская армия бежала от пары золотых жуков, потому что военный министр у нас — жрец.

— Это прославленный военачальник... — прошептал вконец испуганный Тутмос.

— Какой он военачальник! Не тем ли он славен, что разбил кучку ливийских[31] разбойников, которые удирают при одном виде египетских солдат? А посмотри, как ведут себя наши соседи: иудеи медлят с уплатой дани и платят все меньше и меньше, хитрые финикияне каждый год уводят по нескольку кораблей из нашего флота. Против хеттов нам приходится держать на востоке огромную армию, а в Вавилоне и Ниневии[32] разгорается движение, которое находит отклик во всей Месопотамии. И вот результаты жреческого управления: у моего прадеда было сто тысяч талантов[33] годового дохода и армия в сто шестьдесят тысяч человек, а у моего отца всего-навсего пятьдесят тысяч талантов и стодвадцатитысячная армия. И что это за армия! Если бы не греческий корпус, который сторожит ее, как овчарка овец, египетскими солдатами давно бы уже командовали жрецы, а фараон стал бы только жалким номархом.

— Откуда ты это знаешь? Откуда у тебя такие мысли? — удивился Тутмос.

— Ведь я сам из рода жрецов. И это они учили меня, когда я еще не был наследником престола. О, когда я после смерти отца — да живет он вечно! — стану фараоном, я поставлю ступню мою, обутую в бронзовую сандалию, им на шею! Но прежде всего, я завладею их сокровищницами, которые всегда были полны, а со времен Рамсеса Великого стали особенно разбухать и сейчас так богаты, что с ними не сравнится и фараонова казна.

— Горе нам! — вздохнул Тутмос. — У тебя такие замыслы, что под их тяжестью провалился бы вон тот холм, если бы он мог слышать и понимать. А где твои силы?.. Помощники?.. Солдаты?.. Против тебя встанет весь народ, предводительствуемый могущественной кастой. А кто будет на твоей стороне?

Царевич задумался. Наконец он ответил:

— Армия.

— Значительная часть ее пойдет за жрецами.

— Греческий корпус.

— Это бочка воды в Ниле.

— Чиновники.

— Половина их из жреческого сословия.

Рамсес печально потрянул головой и замолчал.

По голому каменистому откосу они стали спускаться в ложбину. Вдруг Тутмос, забежавший несколько вперед, воскликнул:

— Неужели мне это мерещится? Посмотри, Рамсес! Между этими скалами укрылся второй Египет!

— Наверно, какая-нибудь жреческая усадьба, не платящая налогов, — с горечью ответил наследник.

У ног их в глубине лежала плодородная долина, имевшая форму вил, зубья которых терялись в скалах. Вдоль одного из них стояло несколько хижин для рабочих и красивый домик владельца или управляющего. Здесь росли пальмы, виноград, оливы, смоковницы с воздушными корнями, кипарисы, даже молодые баобабы. Посредине струился поток, а по склонам гор, на расстоянии нескольких сот шагов друг от друга, были расставлены небольшие запруды.

Спустившись к виноградникам, полным зрелых гроздей, они услышали женский голос, звавший кого-то, или, вернее, грустно напевавший:

— Где ты, моя курочка? Откликнись! Где ты, любимая? Что же ты убежала от меня? Разве не даю я тебе свежей водицы, не кормлю из своих рук отборным зерном, — даже рабы смотрят на это с завистью. Где же ты? Откликнись! Берегись — ночь тебя застигнет, и не найдешь ты дороги к дому, где все заботятся о тебе. Или прилетит из пустыни рыжий ястреб и растерзает твое сердечко. Напрасно будешь звать тогда свою хозяйку, как сейчас я тебя... Отзовись же, а то я рассержусь и уйду, и придется тебе возвращаться домой пешком.

Песня раздавалась все ближе и ближе. Певунья была уже в нескольких шагах от путников, когда Тутмос, выглянув из кустов, воскликнул:

— Посмотри, Рамсес, какая красавица!..

Царевич, вместо того чтобы посмотреть, выбежал на тропинку навстречу поющей. Это была действительно красивая девушка с правильными чертами лица и кожей цвета слоновой кости. Из-под легкого покрывала выбивались длинные черные волосы, собранные в узел. На ней был легкий, ниспадавший мягкими складками белый хитон, который она с одной стороны поддерживала рукой; под прозрачной тканью розовела девичья грудь, словно два яблока.

— Кто ты, девушка? — спросил Рамсес.

Суровые морщины исчезли с его лба, глаза загорелись.

— О Яхве!^[34] Отец!.. — крикнула девушка, в испуге остановившись. Немного погодя она, однако, успокоилась, и ее бархатные глаза приняли выражение кроткой грусти.

— Как ты попал сюда? — спросила она Рамсеса слегка дрогнувшим голосом. — Я вижу, ты солдат, а сюда солдатам нельзя ходить.

— Почему нельзя?

— Потому что это земля великого господина Сезофриса.

— Ого-го! — рассмеялся Рамсес.

— Не смейся, а то сейчас побледнеешь. Господин Сезофрис служит писцом у господина Хайреса, который носит опахало над досточтимым номархом Мемфиса. Мой отец его видел и падал пред ним ниц.

— Ого-го! — повторял, продолжая смеяться, Рамсес.

— Слова твои дерзки! — сказала девушка, хмуря брови. — Если б не светилося твое лицо добротой, я подумала бы, что ты греческий наемник или бандит.

— Пока он еще не бандит, но когда-нибудь, пожалуй, станет величайшим бандитом, какого когда-либо носила земля, — вмешался щеголеватый Тутмос, оправляя свой парик.

— А ты, наверно, танцовщик? — ответила, уже осмелев, девушка. — О! Я даже уверена, что видела тебя на ярмарке в Пи-Баилосе. Это не ты ли заклинал змей?..

Юноши пришли в веселое настроение.

— А ты кто такая? — спросил девушку Рамсес, пытаясь взять ее за руку. Но она отдернула ее.

— Как ты смеешь? Я — Сарра, дочь Гедеона, управляющего этой усадьбой.

— Еврейка? — спросил Рамсес, и по лицу его пробежала тень.

— Ну и что же?.. Ну и что же? — воскликнул Тутмос. — Ты думаешь, еврейки хуже египтянок? Они только скромнее и неприступнее, и это придает их любви особую прелесть.

— Так вы язычники? — проговорила Сарра с достоинством. — Можете отдохнуть, если вы устали, нарвите себе винограду и уходите. Наши работники не рады таким гостям.

Она повернулась, чтобы уйти, но Рамсес удержал ее.

— Постой. Ты мне нравишься, и я не хочу, чтобы ты ушла от меня.

— Злой дух тебя обуял, что ли? Никто в этой долине не посмел бы так со мной говорить! — возмутилась Сарра.

— Видишь ли, — вмешался Тутмос, — этот юноша — офицер жреческого полка Птаха и служит писцом у писца того господина, который носит опахало над носящим опахало за номархом Хабу[35].

— Я вижу, что он офицер, — ответила Сарра, задумчиво посмотрев на Рамсеса, — а может быть, даже и большой господин? — прибавила она, приложив палец к губам.

— Кто бы я ни был, твоя красота превосходит мою знатность! — воскликнул Рамсес. — Скажи, однако, правда ли, что вы... что вы едите свинину?

Сарра посмотрела на него с обидой. Тутмос же заметил:

— Видно, что ты не знаешь евреек. Еврей готов скорее умереть, чем отведать свиного мяса, которое я, впрочем, считаю вовсе не плохим.

— А кошек вы убиваете? — продолжал спрашивать Рамсес, сжимая руку Сарры и глядя ей в глаза.

— И это выдумки, гнусные выдумки! — воскликнул Тутмос. — Ты мог бы спросить об этом меня и не болтать вздор. У меня были три любовницы еврейки.

— До сих пор ты говорил правду, а сейчас лжешь, — вспыхнула Сарра. — Еврейка не будет ничьей любовницей! — прибавила она с гордостью.

— Даже любовницей писца у такого господина, который носит опахало над номархом мемфисским? — спросил насмешливо Тутмос.

— Даже...

— Даже любовницей самого господина, что носит опахало?

Сарра смутилась, но все же ответила:

— Даже...

— И даже самого номарха?

У девушки опустились руки. Она растерянно переводила взгляд с одного юноши на другого. Губы у нее дрожали, глаза заволокло слезами.

— Кто вы такие? — спросила она с испугом. — Вы спустились сюда с гор, как путники, которые хотят утолить жажду и голод. А говорите со мной, как очень важные господа. Кто вы такие?.. Твой меч, — повернулась она к Рамсесу, — усыпан изумрудами, а на шее у тебя такая богатая цепь, какой нет даже в сокровищницах нашего господина, милостивейшего Сезофриса...

— Скажи мне лучше: нравлюсь ли я тебе? — настойчиво спрашивал Рамсес, сжимая ее руки и нежно заглядывая в глаза.

— Ты прекрасен, как архангел Гавриил, но я боюсь тебя, потому что не знаю, кто ты...

Вдруг из-за гор донесся звук рожка.

— Зовут тебя! — крикнул Тутмос.

— А если я такой большой господин, как ваш Сезофрис?

— Ты и в самом деле можешь им быть!.. — прошептала Сарра.

— А если я ношу опахало над мемфисским номархом?

— Ты можешь быть и столь знатным...

Где-то в горах прозвучал второй рожок.

— Идем, Рамсес, — стал настаивать встревоженный Тутмос.

— А если б я был наследником престола, ты пошла бы ко мне, девушка? — спросил царевич.

— О Яхве! — вскрикнула Сарра, падая на колени.

Теперь уже со всех сторон рожки трубили тревогу.

— Бежим! — кричал в отчаянии Тутмос. — Разве ты не слышишь, что в лагере тревога?

Наследник быстро снял свою цепь и набросил ее на шею Сарры.

— Отдай отцу, — сказал он, — я покупаю тебя. Прощай!..

Он страстно поцеловал ее в губы. Она обняла его ноги. Он вырвался, пробежал несколько шагов, снова вернулся и снова стал покрывать поцелуями ее прелестное лицо и черные волосы, как будто не слыша нетерпеливых звуков рожка.

— Именем фараона заклинаю тебя, иди за мной! — крикнул Тутмос, схватив царевича за руку.

Они пустились бегом в ту сторону, откуда раздавались звуки рожков. Рамсес временами шатался, словно пьяный, и все оглядывался назад. Наконец они стали взбираться на противоположный склон.

«И этот человек, — думал Тутмос, — хочет бороться с жрецами!..»

4

Наследник и его друг бежали с четверть часа по скалистому гребню взгорья, все яснее слыша звуки рожков, которые еще неистовее трубили тревогу. Наконец они очутились в таком месте, откуда можно было охватить взором окрестности. Слева тянулся тракт, за которым отчетливо был виден город Пи-Баилос, стоявшие за ним полки наследника и огромное облако пыли, клубившееся над наступающим с востока противником.

Справа зияло глубокое ущелье, по которому греческий полк тащил метательные машины. Недалеко от тракта ущелье это сливалось с другим, более широким, выходящим из глубины пустыни. Здесь творилось что-то странное. Греки с баллистами стояли в бездействии неподалеку от места слияния ущелий. На самом же месте слияния, между трактом и штабом наследника, выстроились, словно четыре часты, четыре плотные шеренги каких-то других войск, оцетинившиеся сверкающими копьями.

Несмотря на крутизну дороги, наследник бегом пустился к своей колонне, туда, где стоял военный министр, окруженный офицерами.

— Что тут происходит?.. — грозно закричал он. — Зачем вы трубите тревогу, вместо того чтобы идти вперед?

— Мы отрезаны! — заявил Херихор.

— Кто?.. Кем?..

— Наша колонна — тремя полками Нитагора, вышедшими из пустыни.

— Значит, там, около дороги, стоит неприятель?

— Да, сам непобедимый Нитагор.

Можно было подумать, что наследник вдруг сошел с ума. Рот у него перекосялся, глаза выкатились из орбит. Он рванул меч из неясен и, подбежав к грекам, крикнул хриплым голосом:

— За мной, на тех, кто осмелился преградить нам путь!

— Да живешь ты вечно, наследник фараона!.. — вскричал Патрокл, тоже поднимая меч. — Вперед, потомки Ахиллеса!.. — обратился он к своим солдатам. — Покажем египетским пастухам, что никто не в силах остановить нас!

Рожки затрубили атаку. Четыре короткие, но прямые и упругие, как струна, греческие шеренги двинулись вперед; взвилось облако пыли, и раздались клики в честь Рамсеса.

Через несколько минут греки очутились лицом к лицу с египетскими полками и в нерешительности замедлили шаг.

— За мной! — скомандовал наследник, устремляясь вперед с мечом в руке.

Греки взяли копья наперевес. В рядах противника поднялось какое-то движение, пробежал ропот, и копья их направились на атакующих.

— Кто вы такие, безумцы?.. — донесся мощный бас со стороны противника.

— Наследник престола!.. — ответил Патрокл.

На мгновение все стихло.

— Расступитесь!.. — раздался тот же громовой голос. Полки восточной армии медленно раздвинулись, словно тяжелые створы ворот, пропуская греческий отряд.

К наследнику приблизился седой военачальник в позолоченном шлеме и доспехах и, низко поклонившись, сказал:

— Победа за тобой, эрпатор! Только великий полководец выходит таким образом из трудного положения.

— Ты, Нитагор? Храбрейший из храбрых!.. — воскликнул царевич.

В это время к ним приблизился военный министр, слышавший их разговор.

— А если бы и у вас был такой же недисциплинированный военачальник, как сын царя, — спросил он язвительно, — чем кончились бы наши маневры?

— Оставь в покое молодого воина!.. — ответил Нитагор. — Разве тебе мало, что он показал львиные когти, как подобает потомку фараонов?..

Тутмос, услышав, какой оборот принимает разговор, вмешался и спросил Нитагора:

— Как ты очутился здесь, достойный военачальник, когда главные твои силы находятся впереди нашей армии?

— Я знал, что, в то время как наследник стягивает войска под Пи-Баилосом, мемфисский штаб еле-еле плетется. И вот, шутки ради, решил устроить вам, барчукам, западню... На мою беду, здесь оказался наследник и расстроил мои планы. Всегда так действуй, Рамсес, — конечно, перед настоящим врагом.

— А если он, как сегодня, наткнется на втрое превосходящие силы?.. — задал вопрос Херихор.

— Бесстрашный ум значит больше, чем сила, — ответил старый полководец. — Слон в пятьдесят раз сильнее человека, однако покоряется ему или гибнет от его руки.

Херихор ничего не ответил.

— Маневры были признаны оконченными. Наследник престола, в сопровождении министра и военачальников, направился к войскам, стоявшим у Пи-Баилоса. Здесь он приветствовал ветеранов Нитагора и простился со своими полками, приказав им идти на восток и пожелав успеха.

Окруженный многолюдной свитой, Рамсес направился обратно по тракту в Мемфис, приветствуемый толпами жителей земли Гошен, которые вышли ему навстречу, в праздничной одежде, с зелеными ветвями в руках. Вскоре тракт свернул в пустыню, и толпа заметно поредела; когда же они подошли к месту, где штаб наследника из-за скарабеев свернул в ущелье, — на тракте не осталось никого.

Рамсес кивнул Тутмосу и, указав ему на знакомый холм, шепнул:

— Пойдешь туда, к Сарре...

— Понимаю.

— Скажешь ее отцу, что я дарю ему усадьбу под Мемфисом.

— Понимаю. Послезавтра девушка будет твоей.

Обменявшись с наследником этими короткими фразами, Тутмос вернулся к маршировавшим за свитой полкам и вскоре скрылся.

По другую сторону тракта, шагах в двадцати от него, почти против ущелья, в которое утром свернули метательные машины, росло небольшое, хотя и старое тамариндовое дерево. Здесь стража, шедшая впереди свиты царевича, неожиданно остановилась.

— Опять какие-нибудь скарабеи? — шутя спросил у министра наследник.

— Посмотрим, — сухо ответил Херихор.

Но ни тот, ни другой не ожидали того, что увидели: на чахлом дереве висел голый человек.

— Что это? — спросил пораженный наследник.

Адъютанты подбежали поближе и узнали в повесившемся старика крестьянина, канал которого засыпали солдаты.

— Туда ему и дорога! — горячился в толпе офицеров Эннана. — Вы поверите, этот жалкий раб осмелился схватить за ноги министра!..

Услышав это, Рамсес сошел с коня и приблизился к дереву.

Крестьянин висел, вытянув вперед голову; рот его был широко открыт, ладони обращены к столпившимся воинам, в глазах застыл ужас. Казалось, он хотел что-то сказать, но голос не повиновался ему.

— Несчастный! — вздохнул с состраданием наследник.

Вернувшись к свите, он велел рассказать ему историю крестьянина, после чего долго ехал молча.

Перед глазами Рамсеса все время стоял образ самоубийцы, и душу терзало сознание, что с этим отверженным рабом поступили несправедливо, так несправедливо, что над этим стоило подумать даже ему, сыну и наследнику фараона.

Жара была нестерпимая, пыль забивалась в рот и жгла глаза людям и животным. Решили сделать короткий привал.

Нитагор тем временем заканчивал разговор с министром.

— Мои офицеры, — говорил старый полководец, — смотрят не под ноги, а вперед. Поэтому, может быть, неприятель еще ни разу не захватил меня врасплох.

— Хорошо, что вы упомянули об этом, достойнейший. Я чуть было не забыл, что мне надо расплатиться с долгами, — спохватился Херихор и велел созвать офицеров и солдат, какие окажутся поблизости.

— А теперь позовите-ка сюда Эннана, — распорядился министр, когда все собрались.

Увешанный амулетами воин появился так быстро, как будто только этого и ждал. Лицо его выражало радость, которую не в силах было сдержать смирение.

Увидав Эннана, Херихор обратился к собравшимся:

— Согласно воле царя, с окончанием маневров верховная военная власть опять переходит ко мне.

Присутствующие склонили головы.

— Этой властью я должен воспользоваться прежде всего, чтобы воздать каждому по заслугам...

Офицеры переглянулись.

— Эннана, — продолжал министр, — я знаю, что ты всегда был одним из наиболее исполнительных офицеров.

— Истина говорит твоими устами, — ответил Эннана. — Как пальма ждет живительной росы, так жду я приказаний моих начальников. Не получая их, я чувствую себя, как одинокий путник, заблудившийся в пустыне.

Покрытые шрамами офицеры Нитагора дивились бойкому ответу Эннаны и думали про себя: «Вот кто получит высшее отличие!..»

— Эннана, — продолжал министр, — ты не только исполнительен, но и благочестив, не только благочестив, но и зорок, как ибис над водой. Боги отметили тебя драгоценнейшими качествами: змеиною осторожностью и ястребиным зрением...

— Чистейшая правда струится из твоих уст, — вставил Эннана. — Если бы не мое острое зрение, я не заметил бы двух священных скарабеев...

— Да, — перебил министр, — и не спас бы нашу колонну от святотатства. За этот подвиг, достойный благочестивейшего египтянина, дарю тебе... — Министр снял с пальца золотой перстень. — ...дарю тебе вот этот перстень с именем богини Мут[36], милость и покровительство которой будут сопутствовать тебе до конца земного странствования, если ты этого заслужишь.

Министр-главнокомандующий вручил Эннана перстень, а присутствующие огласили воздух громкими кликами в честь фараона и звякнули оружием.

Видя, что министр не трогается с места, Эннана тоже продолжал стоять, глядя ему в глаза, как верный пес, который, получив из хозяйской руки кусок, виляет хвостом и ждет.

— А теперь, — продолжал министр, — признайся, Эннана, почему ты не доложил мне, куда исчез наследник престола, когда войско с трудом пробиралось по ущелью?.. Ты нас подвел, ибо нам пришлось трубить тревогу поблизости от неприятеля...

— Боги свидетели, я ничего не знал о достойнейшем наследнике, — ответил, недоумевая, Эннана.

Херихор покачал головой.

— Не может быть, чтобы человек, одаренный таким зрением, что за сто шагов в песке видит священных скарабеев, не заметил столь высокой особы, как наследник престола.

— Истинно говорю — не видел!.. — уверял Эннана, бия себя в грудь. — Впрочем, никто и не отдавал мне приказания наблюдать за царевичем.

— Разве я не освободил тебя от командования сторожевым отрядом?.. Или дал тебе какое-нибудь другое поручение? — спросил министр. — Ты был совершенно свободен, как и должно человеку, которому поручено наблюдать за важнейшими событиями. А ты справился с этой задачей?.. За подобную провинность в военное время тебя предали бы смерти...

Несчастный офицер побледнел.

— Но я питаю к тебе отеческие чувства, Эннана, — продолжал Херихор, — и, памятуя великую услугу, которую ты оказал армии, заметив скарабеев, символ священного солнца, я накажу тебя не как строгий министр, а как кроткий жрец, очень милостиво: ты получишь всего лишь пятьдесят палок.

— Ваше высокопреосвященство...

— Эннана, ты умел быть счастливым, так будь теперь мужественным и прими это маленькое предостережение, как и подобает офицеру армии его святейшества.

Не успел достойнейший Херихор окончить, как старшие офицеры уложили Эннана в удобном месте, в стороне от дороги, один уселся ему на шею, другой на ноги, а два прочих отсчитали ему по голому телу пятьдесят ударов гибкими камышовыми палками.

Бесстрашный воин не издал ни одного стога, напротив, напевал вполголоса солдатскую песню и по окончании экзекуции попытался даже сам встать. Ноги, однако, отказались ему повиноваться. Он упал лицом в песок, и его пришлось везти в Мемфис на двуколке; лежа в ней и улыбаясь солдатам, он размышлял о том, что не так быстро меняется ветер в южном Египте, как счастье в жизни бедного офицера.

Когда после короткого привала свита наследника тронулась дальше, достопочтенный Херихор пересел на коня и, продолжая путь рядом с генералом Нитагором, беседовал с ним вполголоса об азиатских делах, главным образом о пробуждении Ассирии.

В это время между двумя слугами министра — адъютантом, носящим опахало, и писцом Пентуэром — тоже завязался разговор.

— Что ты думаешь о случае с Эннаной? — спросил адъютант.

— А что ты думаешь о крестьянине, который повесился? — спросил писец.

— Мне кажется, что для него сегодняшний день — самый счастливый, а веревка вокруг шеи — самая мягкая из тех, какие попадались ему в жизни, — ответил адъютант. — Кроме того, я думаю, что Эннана будет теперь весьма внимательно наблюдать за наследником.

— Ошибаешься, — сказал Пентуэр, — отныне Эннана никогда больше не заметит скарабея, будь тот величиной с вола. А что касается крестьянина, то не кажется ли тебе, что ему все-таки очень и очень плохо жилось на священной египетской земле...

— Ты не знаешь крестьян, потому так говоришь...

— А кто же знает их, если не я? — хмуро ответил писец. — Я вырос среди них. Разве я не видел, как мой отец чистил каналы, сеял, жал, а главное — вечно платил подати? О, ты не знаешь, что такое крестьянская доля в Египте!..

— Зато я знаю, — ответил адъютант, — что такое доля чужеземца. Мой прадед или прапрадед был одним из знатных гиксосов[37]. Он остался здесь только

потому, что привязался к этой земле. И что же — мало того, что у него отняли его поместье, — даже мне до сих пор не прощают моего происхождения!.. Сам знаешь, что мне порою приходится терпеть от коренных египтян, несмотря на мой высокий пост. Как же я могу жалеть египетского мужика, если он, заметив желтоватый оттенок моей кожи, бурчит себе под нос: «Язычник!», «Чужеземец!» А сам он, мужик, — не язычник и не чужеземец!..

— Он только раб, — вставил писец, — раб, которого женят, разводят, бьют, продают, иногда убивают и всегда заставляют работать, обещая вдобавок, что и на том свете он тоже будет рабом.

Адъютант пожал плечами.

— Чудак ты, хоть умница!.. — сказал он. — Разве ты не видишь: каждый из нас, какое бы положение он ни занимал — низкое или самое низкое, — должен трудиться. И разве тебя огорчает, что ты не фараон и что над твоей могилой не будет пирамиды?.. Ты об этом не думаешь, потому что понимаешь, что таков уж на свете порядок. Каждый исполняет свои обязанности: вол пашет землю, осел возит путешественников, я ношу опахало министра, ты за него помнишь, думаешь, а мужик обрабатывает поле и платит подати. Что нам до того, что какой-то бык родится Аписом и все воздают ему почести или что какой-то человек родится фараоном либо номархом?..

— У этого крестьянина украли его десятилетний труд, — прошептал Пентуэр.

— А твой труд разве не крадет министр?.. — спросил адъютант. — Кому известно, что это ты правишь государством, а не досточтимый Херихор?..

— Ошибаешься, — сказал писец, — он действительно правит. У него власть, у него воля, а у меня — только знания. Притом ни меня, ни тебя не бьют, как того крестьянина.

— А вот избили же Эннану, и с нами это может случиться. Надо иметь мужество довольствоваться положением, какое кому предназначено. Тем более что, как тебе известно, наш дух, бессмертный Ка[38], очищаясь, поднимается каждый раз на более высокую ступень, чтобы через тысячи или миллионы лет вместе с душами фараонов и рабов и даже вместе с богами раствориться во всемогущем прародителе жизни, у которого нет имени.

— Ты говоришь как жрец, — ответил с горечью Пентуэр. — Скорее я должен был бы относиться ко всему с таким спокойствием. А у меня, напротив, болит душа, потому что я чувствую страдания миллионов.

— Кто же тебе велит?..

— Мои глаза и сердце. Они — точно долина между гор, которая не может молчать, когда слышит крик, и откликается эхом.

— А я скажу тебе, Пентуэр, что ты напрасно задумываешься над такими опасными вещами. Нельзя безнаказанно бродить по кручам восточных гор —

того и гляди, сорвешься, — или блуждать по западной пустыне, где рыскают голодные львы и вздымается бешеный хамсин[39].

Между тем доблестный Эннана, лежа в двуколке, где от тряски боль еще усиливалась, желая показать свое мужество, потребовал, чтобы ему дали поесть и напиток. Съев сухую лепешку, натертую чесноком, и выпив из высокого кувшина кисловатого пива, он попросил возницу, чтобы тот веткой отгонял мух от его израненного тела. Ледка ничком на мешках и ящиках в скрипучей двуколке, бедный Эннана заунывным голосом затянул песню про тяжкую долю низшего офицера:

«С чего это ты взял, что лучше быть офицером, чем писцом? Подойди и посмотри на рубцы и ссадины на моем теле, а я расскажу тебе про незавидную жизнь офицера.

Я был еще мальчиком, когда меня взяли в казарму. Утром вместо завтрака меня угощали тумачом в живот, так что даже в глазах темнело; в полдень вместо обеда, — кулаком в переносицу, так что даже лицо распухало. А к вечеру вся голова была в крови и чуть не раскалывалась на части.

Пойдем, я расскажу тебе, как я совершал поход в Сирию. Я шел навьюченный, как осел, — ведь еду и питье приходилось нести на себе. Шея у меня, как у осла, не сгибалась, спина ныла. Я пил протухшую воду и перед врагом был беспомощен, как птица в силках.

Я вернулся в Египет, но здесь я подобен дереву, источенному червями. За всякий пустяк меня раскладывают на земле и бьют по чему попало, так что живого места не остается. И вот я болен и должен лежать, меня приходится везти в двуколке, а пока слуга крадет мой плащ и скрывается.

Поэтому, писец, ты можешь изменить свое мнение о счастье офицера».[40]

Так пел доблестный Эннана. И его печальная песня пережила египетское царство.

5

По мере того как свита наследника престола приближалась к Мемфису, солнце склонялось к западу, и от бесчисленных каналов и далекого моря поднимался ветер, насыщенный прохладной влагой. Дорога снова шла по плодородной местности; на полях и в зарослях люди продолжали работать, хотя пустыня уже зарозовела, а макушки гор пылали огнем. Рамсес остановился и повернул лошадь. Его тотчас же окружила свита, подъехали высшие военачальники, и мало-помалу, ровным шагом, стали подходить полки.

Освещенный пурпурными лучами заходящего солнца, наследник казался статуей бога. Солдаты смотрели на него с гордостью и любовью, офицеры — с восторгом.

Рамсес поднял руку. Все смолкли. Он начал:

— Достойные военачальники, храбрые офицеры, послушные воины. Сегодня боги даровали мне счастье командовать такими, как вы, героями. Радостью

полно мое царственное сердце. Но я хочу, чтобы вы, военачальники, офицеры и воины, всегда разделяли со мной мою радость, и потому отдаю приказ выдать по одной драхме^[41] каждому солдату из тех, что пошли на восток, и тех, что вернутся с нами с восточной границы. Кроме того, еще по одной драхме греческим солдатам, которые сегодня под моим командованием открыли нам выход из ущелья, и по одной драхме солдатам тех полков благородного Нитагора, которые хотели отрезать нам путь к тракту...

Точно гром прокатилось по полкам:

— Да здравствует наш царевич!.. Да здравствует наследник фараона!.. Да живет он вечно!.. — кричали воины, и громче всех греки.

Наследник продолжал:

— Для раздачи низшим офицерам моей армии и армии благородного Нитагора я жалую пять талантов, достойнейшему же министру и главным военачальникам — десять талантов...

— Я отказываюсь от своей доли в пользу солдат, — сказал Херихор.

— Да здравствует наследник!.. Да здравствует министр! — кричали офицеры и солдаты.

Багровый диск солнца уже коснулся песков западной пустыни, когда Рамсес простился с войсками и, пришпорив коня, поскакал в Мемфис, а достойный Херихор под гром восторженных кликов сел в носилки и тоже приказал обогнать марширующие колонны.

Удалившись вперед настолько, что отдельные голоса слились в один общий гул, напоминавший шум водопада, министр, высунувшись из носилок, обратился к писцу Пентуэру:

— Все помнишь?

— Все, достойнейший.

— Твоя память — как гранит, на котором пишут историю, а твоя мудрость — как Нил, который все заливает и оплодотворяет, — сказал министр. — К тому же боги одарили тебя величайшей из всех добродетелей — разумным смирением...

Писец ничего не ответил.

— Ты правильнее, чем кто-либо другой, можешь оценить ум и поступки наследника престола, да живет он вечно!

Министр помолчал с минуту. Так много говорить было не в его привычках.

— Итак, скажи мне, Пентуэр, и запиши: подобает ли, чтобы наследник престола высказывал перед армией собственную волю?.. Так может поступать только фараон, или изменник, или... легкомысленный юнец, который с одинаковой легкостью совершает славные подвиги и бросает безбожные слова.

Солнце зашло, и скоро надвинулась звездная ночь. Над бесчисленными каналами Нижнего Египта стал сгущаться серебристый туман, легкий ветер относил его к самой пустыне, охлаждая усталых солдат и насыщая растения, изнывавшие от жажды.

— А еще, Пентуэр, подумай и скажи мне, — продолжал министр, — откуда наследник возьмет двадцать талантов, чтобы выполнить обещание, так необдуманно данное сегодня армии. Впрочем, откуда бы он ни взял деньги, кажется мне, а наверное, и тебе, небезопасным, чтобы наследник делал армии подарки в такое время, когда самому фараону нечем выплатить жалованье возвращающимся с востока полкам Нитагора. Я не спрашиваю твоего мнения, оно мне известно, как и тебе хорошо известны самые сокровенные мои мысли; прошу тебя только запомнить то, что ты видел, чтобы потом рассказать в коллегии жрецов.

— А скоро она будет созвана? — спросил Пентуэр.

— Пока еще нет повода. Я сперва попытаюсь обуздать разъяренного бычка при содействии родительской руки. Жаль ведь юношу, — у него большие способности и энергия южного вихря. Но если вихрь, вместо того чтоб сметать с лица земли врагов Египта, станет прибивать его пшеницу и вырывать с корнем пальмы...

Министр замолчал. Свита его скрылась в темной зелени аллеи, ведущей к Мемфису.

В это время Рамсес подъезжал к дворцу фараона.

Дворец стоял на холме за городом, среди парка. Там росли диковинные деревья: южные — баобабы, северные — кедры, сосны и дубы. Благодаря искусству садоводов они жили десятки лет и достигали большой высоты.

Тенистая аллея вела вверх, к воротам вышиною с трехэтажное здание. С каждой стороны ворот возвышалось мощное сооружение, вроде башни из песчаника в форме усеченной пирамиды, сорок шагов шириной и высотой в пять этажей. Ночью эти причудливые башни казались огромными шатрами. На каждом этаже у них было по одному квадратному окошку. Крыши были плоские. С вершины одной такой башни дворцовая стража смотрела вниз, на землю; с другой — дежурный жрец наблюдал звезды.

Вправо и влево от этих башен, называемых пилонами, тянулась каменная ограда, вернее, ряд длинных одноэтажных строений с узкими окнами и плоской крышей, по которой ходили часовые. По обеим сторонам главных ворот возвышались две статуи, достигавшие уровня второго этажа; у подножия статуй тоже ходили часовые.

Когда наследник в сопровождении нескольких всадников подъехал к воротам, часовой, несмотря на темноту, узнал его. Тотчас же выбежал из пилона дворцовый чиновник, в белой юбке, темной накидке и в парике, похожем на колпак.

- Во дворец уже поздно? — спросил наследник.
- Да, ваше высочество, — ответил тот. — Царь обряжает богов ко сну.
- А что он будет делать потом?
- Он соизволит принять военного министра Херихора.
- Ну, а после?
- После этого он будет смотреть танцы в большом зале, а затем примет ванну и совершит вечерние молитвы.
- Меня он не ждет к себе? — спросил наследник.
- Завтра, после военного совета.
- А что делают царицы?
- Первая царица молится в комнате покойного сына, ваша же благородная матушка изволит принимать финикийского посла, который привез ей подарки от женщин Тира[42].
- Есть и девушки?
- Есть несколько; на каждой драгоценностей, по крайней мере, на десять талантов.
- А кто там бродит с факелами? — спросил царевич, указывая рукой на нижнюю часть парка.
- Это снимают с дерева брата вашего высочества. Он сидит там с полудня.
- И не хочет спускаться?
- Теперь спустится, — за ним пришел шут первой царицы и пообещал, что сведет его в харчевню, где пьют парасхиты[43].
- А про сегодняшние маневры здесь уже что-нибудь слышали?
- В военной коллегии говорили, что штаб был отрезан от корпуса.
- А еще что?..
- Чиновник молчал в нерешительности.
- Рассказывай, что слышал.
- Еще говорили, что за это ты приказал отсчитать одному офицеру пятьсот палок, а проводника повесить.
- Какая ложь!.. — отозвался один из адъютантов наследника.
- Солдаты тоже говорят, что все это, наверно, враки, — ответил чиновник смелее.

Наследник повернул коня и поехал в нижнюю часть парка, где находился малый дворец, в котором он жил. Это был, в сущности, одноэтажный деревянный

павильон. Он имел форму шестигранника огромных размеров с двумя террасами — верхней и нижней, которые шли вокруг всего здания и держались на деревянных столбах. Внутри горели светильники, и видно было, что стены сделаны из резного дерева, ажурного, как кружево, и защищены от ветра разноцветными тканями. На плоской, обнесенной балюстрадой кровле было разбито несколько шатров.

Наследник вошел в дом, где его радостно встретили полунагие прислужники; одни освещали факелами дорогу, другие падали перед ним ниц. Здесь он снял запыленную одежду, искупался в каменной ванне и накинул на себя белую тогу, нечто вроде большой простыни, застегнув ее у шеи и перевязав у талии шнуром. На первом этаже он сел ужинать, ему подали пшеничную лепешку, горсть фиников и кружку легкого пива. Затем он поднялся на верхнюю террасу и, улегшись на ложе, покрытом львиной шкурой, велел прислуге разойтись и прислать к нему наверх Тутмоса, как только тот прибудет.

Около полуночи перед павильоном остановились носилки, из которых вышел адъютант наследника, Тутмос. Зевая от усталости, он тяжелой походкой поднялся на террасу. Наследник тотчас же вскочил с постели.

— Это ты? Ну что? — спросил он.

— Ты еще не спишь? — удивился Тутмос. — О боги, после стольких дней мучительной тряски!.. А я-то надеялся, что удастся соснуть хотя бы до восхода солнца.

— Как там Сарра?..

— Будет здесь послезавтра или ты у нее в усадьбе, на том берегу Нила.

— Только послезавтра?!

— Только?.. Выспался бы ты лучше, Рамсес. Слишком много накопилось у тебя в сердце черной крови. И оттого тебя бросает в жар.

— А что ее отец?..

— Он — человек порядочный и неглупый. Зовут его Гедеон. Когда я сказал ему, что ты хочешь взять его дочь, он бросился на землю и стал рвать на себе волосы. Я, конечно, выждал, пока окончатся эти излияния отцовского горя, поел кое-чего, выпил вина, и мы приступили к переговорам. Гедеон, обливаясь слезами, сначала клялся, что предпочел бы видеть свою дочь в могиле, чем чьей-нибудь наложницей. Тогда я сказал ему, что он получит под Мемфисом, на берегу Нила, имение, которое приносит два таланта годового дохода и свободно от налогов. Он вознегодовал. Я пообещал ему еще один талант ежегодно золотом и серебром. Он вздохнул и заметил, что его дочь три года училась в Пи-Баилосе. Я набавил еще талант. Но Гедеон все тем же безутешным тоном стал уверять, что теряет очень хорошую должность управляющего у господина Сезофриса. Я объяснил, что ему незачем бросать эту должность, и прибавил еще десять дойных коров с твоего скотного двора. Лицо его несколько прояснилось. Он признался мне под

глубочайшим секретом, что на его Сарру обратил уже внимание один очень важный господин, некто Хайрес, который носит опахало над мемфисским номархом. Я пообещал ему еще бычка, небольшую золотую цепь и ценное запястье. Таким образом, за Сарру придется отдать: усадьбу, два таланта наличными ежегодно, десять коров, бычка, цепь и золотое запястье. Это ее отцу, почтенному Гедеону. А ей самой — что ты пожелаешь.

— Ну, а как вела себя Сарра? — спросил наследник.

— Пока мы договаривались, она гуляла по саду, а когда закончили переговоры и sprыснули их хорошим еврейским вином, — знаешь, что она сказала отцу?.. Что если бы он не отдал ее тебе, она бросилась бы со скалы. А теперь ты можешь спать спокойно, — закончил Тутмос.

— Сомневаюсь, — ответил наследник. Он стоял, опершись на балюстраду, и глядел в пустынную часть парка. — Знаешь, мы по дороге натолкнулись на труп повесившегося крестьянина!..

— О! Это похуже скарабеев! — поморщился Тутмос.

— Бедняга покончил с собою с горя: солдаты засыпали канал, который он десять лет рыл в пустыне.

— Во всяком случае, он уже крепко спит... Пора, пожалуй, и нам...

— Бессовестно поступили с этим человеком, — продолжал наследник. — Надо найти его детей, выкупить их и дать им участок земли в аренду.

— Но это надо сделать под большим секретом, — заметил Тутмос. — Иначе все крестьяне начнут вешаться, и нам, их хозяевам, ни один финикийнин не поверит в долг и медного дебена.

— Брось шутки! Если б ты видел лицо этого крестьянина, ты тоже не заснул бы...

Вдруг снизу, из чащи парка, послышался голос не очень громкий, но отчетливый:

— Да благословит тебя, Рамсес, единый и всемогущий бог, которому нет имени на языке человека, ни изваяний в священных храмах!

Изумленные юноши перегнулись через перила.

— Кто ты?.. — громко спросил наследник.

— Я — угнетенный египетский народ, — медленно и спокойно произнес голос.

Потом все стихло. Ни малейшее движение, ни малейший шорох ветвей не выдали присутствия поблизости человека.

По приказу наследника выбежали прислужники с факелами, спустили собак и обыскали все кусты. Но никого не нашли.

— Кто бы это мог быть?.. — спросил Тутмоса взволнованный наследник. — Может быть, дух того крестьянина?

— Дух? — повторил адъютант. — Я никогда не слышал, чтобы духи говорили, хотя не раз стоял в карауле у храмов и гробниц. Я скорее готов предположить, что с нами говорил кто-нибудь из твоих друзей.

— Зачем же было ему скрываться?

— А не все ли тебе равно? — ответил Тутмос. — У каждого из нас десятки, если не сотни, незримых врагов. Будь же благодарен богам, что у тебя нашелся хоть один незримый друг.

— Я сегодня не засну... — прошептал взволнованный царевич.

— Брось... Вместо того чтобы бегать по террасе, послушайся меня и ложись. Знаешь, сон — божество важное, ему не подобает гоняться за теми, кто скачет, как олень. Сон любит удобства, и, когда ты ляжешь на мягком ложе, он сядет рядом с тобой и укроет тебя своим широким плащом, который заслоняет людям не только глаза, но и память...

Говоря это, Тутмос подвел Рамсеса к дивану, принес ему под голову подставку из слоновой кости в виде полумесяца и уложил его спать. Затем он спустил полотняную завесу шатра, сам расположился рядом на полу, и через несколько минут оба заснули.

6

Мемфисский дворец фараона входили через ворота между двумя пятиэтажными башнями, или пилонами. Наружные стены этих строений из серого песчаника снизу до самого верху были покрыты барельефами.

Над воротами на щите был изображен герб, или символ государства: крылатый шар, из-за которого выглядывали две змеи. Ниже восседал ряд богов, которым фараоны приносили жертвенные дары. На боковых колоннах в пять ярусов были высечены фигуры богов, а под ними — иероглифические надписи.

На стенах каждого пилона главное место занимал барельеф с изображением Рамсеса Великого. В одной руке у него была секира, а другой он держал за волосы людей, связанных в пучок, словно петрушка. Над царем стояли или сидели в два яруса боги, еще выше расположен был ряд фигур с жертвенными дарами, а у самой вершины пилонов изображения крылатых змей перемежались с изображениями скарабеев.

Эти пятиэтажные пилоны со своими суживающимися кверху стенами, соединяющие их трехэтажные ворота, барельефы, в которых строгая симметрия сочеталась с мрачной фантазией, а благочестие с жестокостью, производили угнетающее впечатление. Казалось: войти во дворец трудно, выйти невозможно, а жить в нем тяжело.

Ворота, перед которыми толпились солдаты и дворцовая челядь, вели во двор, окруженный галереями на столбах. Двор представлял собой красивый садик, где выращивались в кадках карликовые алоэ и карликовые пальмы, апельсиновые

деревья и кедры; все это было выстроено шпалерами и подобрано по росту. Посреди двора бил фонтан. Дорожки были усыпаны цветным песком.

Тут, под сводами галерей, сидели или медленно расхаживали высшие сановники государства, негромко переговариваясь между собой.

Со двора высокая дверь вела в зал, свод которого поддерживался двенадцатью колоннами в три этажа высотой. Зал был большой, но от массивных колонн казался тесным. Освещался он небольшими окошками в стенах и широким прямоугольным отверстием в потолке. В зале царили прохлада и полумрак, позволявший, однако, разглядеть желтые стены и колонны, покрытые многоярусной росписью: вверху — листья и цветы, ниже — боги, еще ниже — люди, несущие их изваяния или приносящие жертвенные дары, и всюду между рисунками ряды иероглифов.

Все это было раскрашено яркими и даже резкими красками: зеленой, красной и синей.

В этом зале с узорчатым мозаичным полом стояли в глубоком молчании жрецы, в белых одеждах, босые, а также высшие государственные сановники, военный министр Херихор и полководцы Нитагор и Патрокл, вызванные к фараону.

Его святейшество Рамсес XII, как обычно перед советом, совершал в своей молельне жертвоприношение богам. Это продолжалось довольно долго. Поминутно из отдаленных покоев появлялся какой-нибудь жрец или чиновник, сообщая последние сведения о ходе богослужения: «...Сломал печать на дверях молельни... Совершает омовение бога... Облачает его... Закрыл двери...»

Лица присутствующих выражали беспокойство и подавленность. Только Херихор сохранял хладнокровие, тогда как Патрокл не скрывал нетерпения, а Нитагор время от времени нарушал торжественную тишину мощными раскатами своего голоса. При каждом таком неприлично громком возгласе старого вояки придворные шарахались, словно испуганные овцы, и переглядывались между собой, как будто желая сказать: «Неотесанный мужлан, всю жизнь воюет с варварами — что с него спросишь?..»

В отдаленных покоях послышался звон колокольчика и бряцание оружия. В зал вошли двумя рядами телохранители в золотых шлемах и нагрудниках, с обнаженными мечами, затем два ряда жрецов, и, наконец, показались носилки с фараоном, который восседал на троне, окруженный облаками дыма из каминов.

Властелин Египта, Рамсес XII, был человек лет шестидесяти, с увядшим лицом. На нем был белый плащ, голову его украшал красно-белый колпак с золотой змеей, в руке фараон держал длинный жезл.

При появлении процессии все пали ниц. Один только Патрокл, как истый варвар, ограничился низким поклоном, а Нитагор опустился на одно колено, но тотчас же встал.

Носилки фараона остановились перед возвышением, на котором под балдахинном стоял трон из черного дерева. Фараон медленно сошел с носилок, окинул взором присутствующих и, воссев на трон, устремил глаза на орнамент, изображавший розовый шар с голубыми крыльями и зелеными змеями.

Направо от фараона стал верховный писец, налево — судья с жезлом, оба в огромных париках.

По знаку верховного судьи все или сели на пол, или опустились на колени. Верховный писец обратился к фараону:

— Господин наш и могучий повелитель! Твой слуга Нитагор, великий страж восточной границы, прибыл, чтобы воздать тебе почести, и привез дань от покоренных народов: малахитовую вазу, наполненную золотом, триста быков, сто коней и благовонное дерево тешен.

— Скучная это дань, господин мой, — проговорил Нитагор. — Настоящие сокровища мы нашли бы на берегах Евфрата, где гордым, но слабым царям очень не мешало бы напомнить времена Рамсеса Великого.

— Ответь моему слуге Нитагору, — обратился фараон к писцу, — что слова его будут приняты во внимание. А теперь спроси, что он думает о воинских способностях моего сына и наследника, с которым он вчера имел честь сразиться под Пи-Баилосом.

— Наш властелин, повелитель девяти народов, вопрошает тебя, Нитагор... — начал было верховный писец.

Но, к величайшему смущению придворных, старый полководец грубо перебил его:

— Я и сам слышу, что говорит господин мой... Устами же его, когда он обращается ко мне, мог бы быть лишь наследник престола, а не ты, верховный писец.

Писец с изумлением посмотрел на смельчака, но фараон ответил:

— Правду говорит верный слуга Нитагор.

Военный министр склонил голову, как бы в знак согласия.

Верховный судья возвестил жрецам, чиновникам и гвардии, что они могут пройти в сад, и сам, вместе с писцом, поклонившись трону, первый покинул зал. В зале остались только фараон, Херихор и оба полководца.

— Приклони ухо твое, повелитель, и выслушай мои жалобы, — начал Нитагор. — Сегодня утром прислуживающий жрец, пришедший по твоему повелению умастить мне волосы, сказал, чтобы я, входя к тебе, снимал сандалии. Между тем всем известно не только в Верхнем и Нижнем Египте, но и у хеттов, а также в Ливии, Финикии и в стране Пунт^[44], что двадцать лет назад ты пожаловал мне право являться пред тобой в сандалиях.

— Правда твоя, — сказал фараон. — Я вижу, что при дворе завелись непорядки...

— Прикажи только, о царь, и мои ветераны наведут порядок... — подхватил Нитагор.

По знаку военного министра явилось несколько слуг; один принес сандали и надел их на ноги Нитагору, другие расставили против трона три драгоценных табурета для министра и полководцев.

Когда трое вельмож сели, фараон спросил:

— Скажи мне, Нитагор, думаешь ли ты, что сын мой способен быть полководцем?.. Только говори правду.

— Клянусь Амоном Фиванским и славой моих предков, в жилах которых текла царская кровь, что Рамсес, твой наследник, станет великим полководцем, если будет на то воля богов, — ответил Нитагор. — Еще юноша, почти отрок, он с большим искусством стянул свои полки, снарядил их и облегчил им поход. Но больше всего радует меня, что он не потерял голову, когда я отрезал ему путь, а повел войска в атаку. Да, он будет полководцем и победит ассирийцев, которых надо разбить сейчас, чтобы наши внуки не застали их на берегах Нила.

— А ты что скажешь, Херихор? — спросил фараон.

— Что касается ассирийцев, то, я думаю, достойнейший Нитагор преждевременно беспокоится о них. Мы еще не оправились от прошлых войн и должны укрепнуть, прежде чем начать новую войну, — ответил министр. — Что же до наследника престола, то Нитагор справедливо говорит, что у юноши есть качества полководца: он осторожен, как лиса, и бесстрашен, как лев. Но, несмотря на это, он вчера совершил много ошибок...

— Кто из нас их не делал?.. — вставил молчавший до сих пор Патрокл.

— Наследник, — продолжал министр, — умело вел главный корпус, но не позаботился о штабе, отчего мы двигались так медленно и в таком беспорядке, что Нитагор мог отрезать нам путь...

— Может быть, Рамсес рассчитывал на вас, ваше высокопреосвященство? — заметил Нитагор.

— В делах управления и на войне ни на кого не следует рассчитывать. Можно споткнуться о самый крошечный, никем не замеченный камешек, — ответил министр.

— Если бы вы, ваше высокопреосвященство, — заметил Патрокл, — не приказали колонне свернуть с тракта из-за каких-то скарабеев...

— Вы, достойнейший, — чужеземец и иноверец, — ответил Херихор, — и потому так говорите. Мы же, египтяне, понимаем, что если народ и солдаты перестанут чтить скарабеев, то сыновья их перестанут бояться урея. Из неуважения к богам родится бунт против фараона.

— А для чего тогда секиры? — перебил Нитагор. — Кто хочет сохранить голову на плечах, должен слушаться верховного вождя.

— Каково же твое окончательное мнение относительно наследника? — спросил фараон Херихора.

— Живой образ солнца, сын богов! — ответил министр. — Прикажи умастить Рамсеса, дай ему большую цепь и десять талантов, но командиром корпуса Менфи не назначай. Царевич еще слишком молод для этого звания, слишком горяч, неопытен. Можно ли его сравнивать с Патроклом, который в двадцати сражениях разбил наголову эфиопов и ливийцев? Или поставить рядом с Нитагором, одно имя которого после двадцати лет постоянных побед заставляет бледнеть наших врагов на востоке и на севере?

Фараон опустил голову на руки и, подумав, сказал:

— Идите с миром и моей милостью. Я поступлю, как повелевают мудрость и справедливость.

Сановники склонились в глубоком поклоне, а Рамсес XII, не дожидаясь свиты, прошел в дальние покои.

Когда два военачальника оказались одни в дворцовых сенях, Нитагор сказал Патроклу:

— Я вижу, жрецы распоряжаются здесь, точно у себя дома... Ну и голова этот Херихор! Разбил нас в пух и прах, прежде чем мы успели рот раскрыть, и... не даст он корпуса наследнику!..

— Меня он так расхвалил, что я даже не решился ответить, — оправдывался Патрокл.

— Надо сказать, он не лишен дальновидности, хотя и не все говорит. Он знает, что при наследнике в корпус пролезут всякие барчуки, из тех, что берут с собой в поход певичек, и захватят все высшие должности. Старые офицеры станут бездельничать с досады, что их обходят чинами, а молодым щеголям некогда будет заниматься делом за весельем, и корпус развалится, не успев даже встретиться с врагом. О, Херихор мудрец!

— Только бы его мудрость не обошлась нам дороже, чем неопытность молодого наследника, — шепнул ему грек.

Через анфиладу покоев со множеством колонн и стенной росписью, где у каждой двери низко склонялись перед ним жрецы и дворцовые чиновники, фараон прошел к себе в кабинет. Это был двухэтажный зал со стенами из алебаstra, на которых золотом и яркими красками были изображены наиболее знаменательные события царствования Рамсеса XII: принесение дани населением Месопотамии, прием посольства царя бухтенского, триумфальное шествие бога Хонсу по стране Бухтен.

В этом зале находилась малахитовая статуя бога Гора^[45] с птичьей головой, изукрашенная золотом и драгоценными камнями, перед ней алтарь в виде

усеченной пирамиды, царское оружие, роскошно отделанные кресла и скамьи, а также столики, уставленные безделушками.

При появлении фараона жрец воскурил благовония, один из придворных доложил о приходе наследника, который вскоре вошел и низко поклонился отцу. На выразительном лице царевича заметно было лихорадочное волнение.

— Я рад, мой сын, — заговорил фараон, — что ты вернулся здоровым из трудного похода.

— Да живешь ты вечно и да наполнит слава твоих деяний оба мира! — ответил царевич.

— Только что, — продолжал фараон, — мои военные советники рассказали мне о твоём усердии и находчивости.

Лицо наследника вздрагивало и менялось, он то бледнел, то краснел. Он не сводил своих больших глаз с отца и слушал.

— Твои подвиги не останутся без награды. Ты получишь десять талантов, большую цепь и... два греческих полка, с которыми будешь проводить ученья.

Царевич остолбенел; однако минуту спустя спросил подавленным голосом:

— А корпус Менфи?..

— Через год мы повторим маневры, и если ты не сделаешь ни одной ошибки в командовании армией, то получишь корпус.

— Я знаю, это дело рук Херихора!.. — воскликнул наследник, едва сдерживая негодование. Он оглянулся кругом и прибавил: — Никогда я не могу побыть с тобой один, отец... Всегда между нами чужие...

Фараон чуть-чуть повел бровями, и его свита исчезла, подобно теням.

— Что ты хочешь мне сказать?

— Только одно, отец. Херихор — мой враг. Он пожаловался тебе и навлек на меня такой позор!..

Несмотря на смиренную позу, царевич кусал губы и сжимал кулаки.

— Херихор — мой верный слуга и твой друг. Благодаря его заступничеству ты стал наследником престола. Это я не доверяю корпусу молодому полководцу, который позволил отрезать себя от армии.

— Я с ней соединился!.. — ответил, подавленный словами отца, наследник. — Это Херихор приказал обойти двух жуков...

— Так ты хочешь, чтобы жрец пренебрег религией?

— Отец, — шептал Рамсес дрожащим голосом, — чтобы не помешать движению жуков, уничтожен строящийся канал и убит человек.

— Этот человек сам наложил на себя руки.

— По вине Херихора!

— В полках, которые ты с таким искусством собрал под Пи-Баилосом, тридцать человек умерло, не выдержав трудностей похода, и несколько сот заболело.

Царевич опустил голову.

— Рамсес, — продолжал фараон, — твоими устами говорит не государственный муж, заботящийся о сохранении каналов и жизни работников, а разгневанный человек. А гнев не уживается со справедливостью, как ястреб с голубем.

— Отец! — вспыхнул наследник. — Если во мне говорит гнев, то это потому, что я вижу недоброжелательство ко мне Херихора и жрецов...

— Ты сам внук верховного жреца. Жрецы учили тебя... Ты познал больше их тайн, чем кто-либо другой из царевичей...

— Я познал их ненасытную гордыню и жажду власти. Они знают, что я смирю их, и потому уже сейчас стали моими врагами. Херихор не хочет дать мне даже корпуса, он предпочитает один руководить всей армией.

Произнеся эти неосторожные слова, наследник сам испугался. Но повелитель поднял на него ясный взгляд и ответил спокойно:

— Армией и государством управляю я. От меня исходят все приказы и решения. В этом мире я олицетворяю собой весы Осириса и сам взвешиваю дела моих слуг — наследника, министра или народа. Недальновиден тот, кто считает, будто мне неизвестны все гири весов.

— Однако если бы ты, отец, собственными глазами наблюдал ход маневров...

— Быть может, я увидел бы полководца, — перебил его фараон, — который в решительный момент бегал в зарослях за иудейской девушкой. Но я о таких глупостях не хочу знать...

Царевич припал к ногам отца.

— Это Тутмос рассказал тебе?..

— Тутмос такой же мальчишка, как и ты. Он уже делает долги в качестве будущего начальника штаба корпуса Менфи и думает, что фараон не узнает о его проделках в пустыне.

7

Несколько дней спустя царевич Рамсес был допущен к царице Никотрисе, матери своей, которая была второй женой фараона, но теперь занимала самое высокое положение среди женщин Египта.

Боги не ошиблись, призвав ее стать родительницей царя. Это была высокая женщина, довольно полная и, несмотря на свои сорок лет, еще красивая. Ее глаза, лицо, вся ее осанка были исполнены такого величия, что даже когда она шла одна без свиты, в скромной одежде жрицы, люди невольно склоняли перед ней головы.

Царица приняла сына в кабинете, выложенном изразцами. Она сидела под пальмой, в кресле, украшенном инкрустациями. У ее ног на скамеечке лежала маленькая собачка; с другой стороны стояла на коленях черная рабыня с опахалом. Супруга фараона была в накидке из прозрачной, вышитой золотом кисеи. На ее парике сияла диадема из драгоценных камней в виде лотоса.

Когда царевич низко поклонился, собачка обнюхала его и снова легла, а царица, кивнув головой, спросила:

— Зачем, Рамсес, тебе нужно было меня видеть?

— Еще два дня тому назад, матушка...

— Я знала, что ты занят. А сегодня у нас с тобой достаточно времени, и я могу тебя выслушать.

— Ты так говоришь со мной, матушка, что на меня как будто пахнуло ночным ветром пустыни, и я не решаюсь высказать тебе свою просьбу.

— Наверно, тебе нужны деньги?

Рамсес смущенно опустил голову.

— Много?

— Пятнадцать талантов...

— О боги! — воскликнула царица. — Ведь только несколько дней тому назад тебе выплатили десять талантов из казны. Пойди, девочка, погуляй в саду, ты, наверно, устала! — обратилась царица к черной рабыне и, оставшись наедине с сыном, спросила его: — Это твоя еврейка так требовательна?

Рамсес покраснел, однако поднял голову.

— Ты знаешь, матушка, что нет, — ответил он. — Но я обещал награду солдатам и офицерам и... не могу ее выплатить!

Царица укоризненно посмотрела на сына.

— Как это нехорошо, — сказала она, — когда сын принимает решения, не посоветовавшись с матерью. Как раз, помня о твоём возрасте, я хотела дать тебе финикийскую невольницу, которую прислали мне из Тира с десятью талантами приданого, но ты предпочел еврейку.

— Она мне понравилась. Такой красавицы нет не только среди твоих прислужниц, но даже среди женщин фараона.

— Но ведь она еврейка...

— Умоляю тебя, оставь эти предубеждения, матушка!.. Это неправда, будто евреи едят свинину и убивают кошек...

Царица улыбнулась.

— Ты говоришь, как ученик низшей жреческой школы, — ответила она, пожимая плечами, — и забываешь, что сказал Рамсес Великий: «Желтолицый народ

многочисленнее и богаче нас. Будем же действовать против него, но осторожно, чтобы он не стал еще сильнее...» Поэтому я считаю, что девушка из этого племени не годится в первые любовницы наследника престола.

— Неужели слова великого Рамсеса могут относиться к дочери какого-то жалкого арендатора! — воскликнул наследник. — Да и где у нас евреи?.. Вот уже три столетия как они покинули Египет и сейчас создают какое-то смехотворное государство под управлением жрецов...

— Я вижу, — ответила царица, чуть-чуть нахмутив брови, — что твоя любовница не теряет времени. Будь осторожен, Рамсес. Помни, что вождь их, Моисей — это жрец-отступник, которого в наших храмах проклинали и поныне, что евреи унесли из Египта больше сокровищ, чем стоил весь их труд в течение нескольких поколений. Они похитили у нас не только золото, но и веру в Единого и в наши священные законы, которые сейчас объявляют своими. Кроме того, знай, — прибавила она с особым ударением, — что дочери этого народа предпочитают смерть ложу человека чужого племени. И если отдаются иногда вражеским полководцам, то только затем, чтобы или склонить их на сторону евреев, или убить...

— Поверь мне, матушка, что все эти сплетни распространяют жрецы. Они не хотят допустить к подножию трона людей другой веры, которые могли бы помочь фараону бороться с ними.

Царица встала и, скрестив руки на груди, с изумлением смотрела на сына.

— Так это правда, что ты враг жрецов, как мне говорили? — сказала она. — Ты, их любимый ученик?!

— Еще бы, у меня на спине до сих пор остались следы их палок... — ответил царевич.

— Но ведь и твой дед, мой отец, ныне живущий с богами Аменхотеп, был верховным жрецом и пользовался большим влиянием в стране.

— Именно потому, что я внук и сын властелинов, я не могу примириться с властью Херихора...

— Но эту власть вручил ему твоей дед, святой Аменхотеп...

— А я его свергну!

Мать пожала плечами.

— И ты, — промолвила она с грустью, — хочешь командовать корпусом? Ведь ты избалованная девчонка, а не муж; и военачальник.

— Как ты сказала?.. — перебил ее царевич, с трудом сдерживаясь, чтобы не вспылить.

— Я не узнаю моего сына... Я не вижу в тебе будущего повелителя Египта!.. Династия в твоём лице будет как челн без руля... Ты удалишь от двора жрецов, а кто же у тебя останется?.. Кто будет твоим оком в Нижнем и Верхнем Египте? За

рубежом?.. А ведь фараон должен видеть все, на что только падает божественный луч Осириса.

— Жрецы будут моими слугами, а не министрами...

— Они и есть самые верные слуги. Их молитвами отец твой царствует тридцать три года и избегает войн, которые могли быть пагубными.

— Для жрецов!..

— Для фараона, для государства, — перебила царица. — Ты знаешь, в каком положении наша казна, из которой ты в один день берешь десять талантов и требуешь еще пятнадцать?.. Ты знаешь, что если бы не самоотверженность жрецов, которые для казны даже у богов отнимают настоящие драгоценные камни, заменяя их поддельными, — царские владения были бы уже в руках финикиян?..

— Одна удачная война обогатит нашу казну, как разлив Нила — наши поля.

Царица рассмеялась.

— Нет, — сказала она, — ты, Рамсес, еще такой ребенок, что нельзя даже считать грехом твои безбожные слова. Займись, пожалуйста, своими греческими полками и поскорее освободись от еврейской девушки. А политику предоставь... нам.

— Почему я должен освободиться от Сарры?

— Потому что, если у нее родится от тебя сын, могут возникнуть осложнения в государстве, где и без того много хлопот. А на жрецов, — прибавила она, — можешь сердиться, лишь бы ты не оскорблял их публично. Они знают, что приходится многое прощать наследнику престола, особенно когда у него такой строптивый нрав. Но время все успокоит, во славу династии и на пользу государству.

Рамсес задумался и вдруг спросил:

— Значит, я не могу рассчитывать на деньги из казны?

— Ни в коем случае! Верховный писец уже сегодня вынужден был бы приостановить выплату денег, если бы я не дала ему сорок талантов, которые прислал мне Тир.

— Как же мне быть с армией?.. — сказал царевич, нетерпеливо потирая лоб.

— Удали от себя еврейку и попроси у жрецов... Может быть, они дадут тебе займы.

— Никогда! Лучше возьму у финикиян.

Царица покачала головой.

— Ты — наследник престола. Делай, как хочешь... Но предупреждаю, тебе придется дать большой залог, а финикиянин, став твоим заимодавцем, уже не выпустит тебя из рук. Он коварнее еврея.

— Для покрытия таких долгов хватит небольшой части моего собственного дохода.

— Посмотрим... Я искренне хотела бы тебе помочь, но у меня нет... — сказала царица, печально разводя руками. — Поступай, как знаешь, но помни, что финикияне пробираются в наши владения, как крысы в амбары: стоит одной пролезть в щелку — и за ней придут другие.

Рамсес не спешил уходить.

— Ты хочешь сказать мне еще что-нибудь? — спросила царица.

— Я хотел бы только узнать... Сердце говорит мне, что у тебя, матушка, есть какие-то планы относительно меня. Какие?

Царица погладила его по щеке.

— Не сейчас!.. Еще слишком рано!.. Ты пока свободен, как всякий знатный юноша в нашей стране. Ну и пользуйся этим. Но, Рамсес, придет время, когда тебе придется взять жену, дети которой будут детьми царской крови, а старший сын — твоим наследником. Вот об этом времени я и думаю...

— И что же?

— Пока еще ничего определенного. Во всяком случае, политическая мудрость подсказывает мне, что твоей женой должна быть дочь жреца...

— Может быть, Херихора? — рассмеялся царевич.

— А почему бы и нет? Херихор очень скоро станет верховным жрецом в Фивах, а его дочери сейчас всего четырнадцать лет.

— И она согласилась бы занять при мне место еврейки? — с иронией спросил Рамсес.

— Надо постараться, чтобы люди забыли эту твою ошибку.

— Целую твои ноги, мать, и ухожу, — сказал Рамсес, хватаясь за голову. — Я столько тут наслушался странных вещей, что начинаю опасаться, как бы Нил не поплыл вспять к порогам или пирамиды не передвинулись в восточную пустыню.

— Не кощунствуй, дитя мое, — проговорила шепотом царица, с тревогой глядя на сына, — в этой стране видали и не такие чудеса.

— Не те ли, — спросил с горькой усмешкой сын, — что стены царского дворца подслушивают своих хозяев?

— Случалось, что фараоны умирали, процарствовав всего несколько месяцев, и гибли династии, правившие девятью народами.

— Потому что эти фараоны ради камильницы забывали о мече, — ответил царевич.

Он поклонился и вышел.

По мере того как шаги наследника затихали в огромном коридоре, менялось выражение лица матери. Царственное спокойствие уступило место страданию и тревоге; в больших глазах засверкали слезы. Она подбежала к статуе богини, опустилась на колени и, подсыпав на уголья индийских благовоний, стала молиться:

— О Исида, Исида, Исида!^[46] Трижды повторяю твое имя. О Исида, рождающая змей, крокодилов и страусов, да будет трижды прославлено твое имя... О Исида, охраняющая хлебные зерна от губительных ветров и тела наших предков от разрушительной работы времени! О Исида, смилуйся и сохрани моего сына! Да будет трижды повторяться твое имя и здесь... и там... и повсюду... И ныне, и всегда, и во веки веков, доколе храмы наших богов будут смотреть в воды Нила.

Молясь так и рыдая, царица склонилась и коснулась лбом пола. В эту минуту над нею послышался тихий шепот:

— Голос праведного всегда будет услышан...

Царица вскочила и в глубоком изумлении огляделась вокруг. Но в чертоге никого не было, и только со стен смотрели на нее нарисованные там цветы, а с алтаря — статуя богини, преисполненная неземного спокойствия.

8

Наследник вернулся в свой павильон озабоченный и позвал к себе Тутмоса.

— Ты должен научить меня, как доставать деньги.

— Ага! — рассмеялся щеголь, — вот премудрость, которой не преподают в самых высших жреческих школах, а я мог бы стать там проповедником.

— Там учат не брать взаймы, — заметил царевич.

— Если б я не боялся, что уста мои богохульствуют, я сказал бы, что некоторые жрецы зря тратят время. Жалкие люди, хоть и святые!.. Не едят мяса, довольствуются одной женой или совсем избегают женщин и не знают, что значит занимать деньги... Я счастлив, Рамсес, — продолжал Тутмос, — что это искусство ты познаешь благодаря мне. Сейчас ты уже понял, какие страдания причиняет безденежье. Человек, нуждающийся в деньгах, теряет аппетит, вскакивает во сне, на женщин смотрит с удивлением, как будто спрашивая, к чему они? В прохладном храме у него пылает лицо, а в самый зной в пустыне его трясет лихорадка. Он, как безумный, смотрит в одну точку и не слышит, что ему говорят. Парик у него набекрень и не смочен благовониями... Успокоить его может только кувшин крепкого вина, да и то ненадолго, только придет бедняга в себя, как снова начинает чувствовать, будто земля разверзается у него под ногами... Я вижу, — продолжал щеголь, — по твоей торопливой походке и взволнованным жестам, что ты сейчас в отчаянии, оттого что у тебя нет денег. Но скоро ты испытаешь другое чувство — как будто с груди у тебя свалился великий сфинкс. Потом ты предашь приятному забвению свои прежние заботы и нынешних заимодавцев, а потом... Ах, счастливый Рамсес, тебя еще ждут большие

сюрпризы!.. Ибо, когда придет срок и займодавцы начнут навещать тебя якобы для того, чтоб засвидетельствовать свое почтение, ты будешь похож на оленя, преследуемого собаками, или на египетскую девушку, которая, зачерпнув воду из реки, увидела вдруг мозолистую спину крокодила...

— Все это очень забавно, — остановил его, смеясь, Рамсес, — однако не приносит ни единой драхмы...

— Можешь не кончать, — перебил его Тутмос. — Я немедленно отправляюсь за финикийским банкиром Дагоном, и нынче же вечером, если даже он еще и не даст тебе денег, ты успокоишься.

Тутмос выбежал из дворца, сел в небольшие носилки и, окруженный прислужниками и компанией таких же, как и он, ветрогонов, скрылся в аллеях парка.

Перед закатом солнца к дому наследника подъехал финикийянин Дагон, известнейший в Мемфисе банкир. Это был еще крепкий человек, желтый, сухой, но хорошо сложенный. На нем был голубой хитон и поверх него белая накидка из тонкой ткани. Рядом с париками египетских франтов и их фальшивыми бородками его длинные волосы, перехваченные золотым обручем, и пышно разросшаяся борода производили внушительное впечатление.

Покои наследника кишели аристократической молодежью. Одни купались и умащали себя благовониями, другие играли в шашки и шахматы, третьи в компании нескольких танцовщиц пили вино под сенью шатра на террасе.

Наследник не пил, не играл, не разговаривал с женщинами, а ходил вдоль террасы, с нетерпением поджидая финикийянина. Завидев в аллее его носилки, подвешенные к двум ослам, царевич сошел вниз, где была свободная комната. Через минуту в дверях появился Дагон. Он стал у порога на колени и воскликнул:

— Привет тебе, новое солнце Египта!.. Да живешь ты вечно и да достигнет слава твоя самых далеких берегов, куда только доходят финикийские суда...

По приказанию царевича он встал и заговорил, оживленно жестикулируя:

— Когда благородный Тутмос вышел из носилок перед моей хижинкой (мой дом — это хижина по сравнению с твоим дворцом, наследник), лицо его так сияло, что я сразу же крикнул жене: «Фамарь, благородный Тутмос пришел не ради себя, а ради кого-то, кто выше его — настолько, насколько Ливан выше приморских песков...» Жена спросила: «Откуда ты знаешь, господин мой, что благороднейший Тутмос явился не ради себя?» — «Потому что он не мог прийти с деньгами, ибо у него их нет, и пришел не за деньгами, потому что у меня их нет...» Тут мы оба поклонились благородному Тутмосу. Когда же он сказал нам, что это ты, достойнейший господин, хочешь получить от своего раба пятнадцать талантов, я спросил жену: «Фамарь, разве плохо подсказало мне мое сердце?» А она мне в ответ: «Дагон, ты такой умный, что тебе надо быть советником наследника престола».

Рамсес негодовал, но слушал ростовщика, — он, который так часто выходил из себя даже в присутствии собственной матери и фараона!

— Когда мы, — продолжал финикийнин, — хорошенько подумали и сообразили, что это тебе, господин, нужны мои услуги, наш дом осенила такая радость, что я приказал выдать прислуге десять кувшинов пива, а моя жена Фамарь потребовала, чтоб я купил ей новые серьги. Радость моя была так велика, что по дороге сюда я не позволил погонщику бить ослов. Когда же недостойные мои стопы коснулись твоего порога, я вынул золотой перстень (большой, чем тот, которым досточтимый Херихор наградил Эннану) и подарил этот драгоценный перстень твоему рабу, подавшему мне воду, чтобы омыть руки. Разрешите мне спросить тебя, откуда этот серебряный кувшин, из которого поливали мне на руки?

— Мне продал его Азария, сын Габера, за два таланта.

— Еврей? Ты, государь, водишься с евреями? А что скажут на это боги?..

— Азария такой же купец, как и ты, — заметил наследник.

Услышав это, Дагон схватился обеими руками за голову, стал плевать и причитать:

— О Баал, Таммуз!.. О Баалит!.. О Ашторет!..^[47] Азария, сын Габера, еврей — такой же купец, как я!.. О, ноги мои, зачем вы меня сюда принесли?.. О сердце, за что ты терпишь такие страдания и надругательства?.. О достойнейший господина — вопил финикийнин. — Побей меня, отрежь мне руку, если я буду подделывать золото, но не говори, что еврей может быть купцом. Скорее Тир превратится в развалины, скорее пески занесут Сидон^[48], чем еврей станет купцом. Они могут доить своих тощих коз или под кнутом египтянина месить глину с соломой, но никак не торговать. Тьфу!.. Тьфу!.. Нечистый народ рабов! Воры!.. Грабители!

Наследник готов был вспылить, но успокоился, сам удивляясь себе, так как до сих пор ни перед кем не привык сдерживаться.

— Так вот, — прервал он наконец финикийнина, — ты даешь мне займы, почтенный Дагон, пятнадцать талантов?

— О Ашторет! Пятнадцать талантов — это так много, что мне надо присесть, чтобы хорошенько подумать.

— Ну, так садись.

— За талант, — стал высчитывать финикийнин, усевшись в кресло, — можно получить двадцать золотых цепей или шестьдесят дойных коров, или десять рабов для черной работы, или одного раба, который умеет играть на флейте, либо рисовать, или даже лечить. Талант — это целое состояние!..

Царевич сверкнул глазами.

— Так если у тебя нет пятнадцати талантов... — перебил он ростовщика.

Финикийнин в испуге соскользнул с кресла на пол.

— Кто в этом городе, — воскликнул он, — не найдет денег, если ты прикажешь, сын солнца?.. Правда, сам я — жалкий нищий, и все золото, драгоценности и все аренды мои не стоят одного твоего взгляда, царевич. Но достаточно обойти наших купцов и сказать, кто меня послал, и завтра же мы раздобудем пятнадцать талантов хоть из-под земли. Если бы ты, сын царя, остановился перед засохшей смоковницей и сказал ей: «Дай денег!» — и та дала бы... Только не смотри на меня так, сын Гора, а то у меня замирает сердце и мутится разум, — проговорил жалобным тоном финикиянин.

— Ну, садись, садись, — сказал царевич, улыбаясь.

Дагон встал с пола и еще удобнее уселся в кресле.

— На сколько времени нужно тебе пятнадцать талантов? — спросил он.

— Я думаю, на год...

— Скажем лучше прямо: на три года. Только царь мог бы отдать в течение года пятнадцать талантов, а не молодой царевич, который должен принимать каждый день веселую знать и красивых женщин. Ах, эти женщины!.. Правда ли это, разреши спросить тебя, что ты взял к себе Сарру, дочь Гедеона?

— А сколько ты хочешь процентов? — перебил Рамсес.

— Пустяк, о котором не должны даже говорить твои священные уста. За пятнадцать талантов ты дашь мне по пять талантов в год, и в течение трех лет я получу все сам, так что ты даже и знать не будешь...

— Ты дашь мне сегодня пятнадцать талантов, а через три года получишь тридцать?

— Египетский закон позволяет, чтобы сумма процентов равнялась сумме займа, — ответил, смутившись, финикиянин.

— А не слишком ли это много?

— Слишком много?.. — вскричал Дагон. — Всякий большой господин владеет большим двором, большим состоянием и платит только большие проценты. Мне было бы стыдно взять меньше с наследника престола. Да и ты сам мог бы приказать избить меня палками и прогнать вон, если б я осмелился взять меньше...

— Когда же ты принесешь деньги?

— Принести?.. О боги! Это не под силу одному человеку. Я сделаю лучше: я расплачусь за тебя со всеми так, чтобы тебе не пришлось засорять голову такими ничтожными делами.

— Разве ты знаешь, кому я должен платить?

— Пожалуй, знаю, — ответил небрежно финикиянин. — Ты хочешь послать шесть талантов для восточной армии, — это сделают наши банкиры в Хетеме и Мигдоле^[49]. Три таланта достойному Нитагору и три достойному Патроклу, —

это можно будет устроить на месте. А Сарре и ее отцу Гедеону я могу выплатить через этого паршивого Азарию... Так даже будет лучше, а то они еще надуют тебя при расчетах.

Рамсес принялся нервно шагать по комнате.

— Значит, я должен дать тебе расписку на тридцать талантов?

— Какую расписку, зачем расписку?.. На что мне расписка?.. Сын царя сдаст мне в аренду на три года свои имения в номах: Такенс, Сет, Неха-Мент, Неха-Пеху, в Себт-Хет и Хабу[50].

— В аренду? — переспросил царевич. — Это мне не нравится.

— А как же я получу свои деньги, свои тридцать талантов?

— Подожди. Я должен справиться у управляющего имением, сколько приносят в год эти земли.

— Зачем вашему высочеству утруждать себя!.. Что знает управляющий! Он ничего не знает, поверь честному финикиянину. Год на год не приходится, какой урожай, такой и доход. Если я потерплю убытки на этом деле, разве управляющий мне их возместит?..

— Видишь ли, Дагон, мне кажется, что эти поместья приносят гораздо больше, чем десять талантов в год...

— Сын царя не доверяет мне? Хорошо! Если угодно, я могу скинуть имение в Сете. Как? Ты все еще думаешь, что я требую с тебя лишнее?.. Ладно, уступлю и Себт-Хет. Но при чем тут управляющий? Это он будет учить тебя уму-разуму?.. О Ашторет! Я бы потерял сон и аппетит, если бы какой-то управляющий, подчиненный, раб, смел указывать что-нибудь моему все милостивейшему государю. Тут нужен только писец, который напишет, что сын царя сдает мне в аренду на три года земли в таких-то и таких-то номах, да еще шестнадцать свидетелей того, что я удостоился такой чести со стороны вашего высочества. А зачем служащим знать, что их господин занимает у меня деньги?

Наследнику надоел этот разговор. Он махнул рукой и сказал:

— Завтра принеси деньги и приведи с собой писца и свидетелей. Я этим заниматься не стану.

— Вот это мудрые слова! — вскричал финикиянин. — Да живешь ты вечно!

9

На левом берегу Нила, на окраине одного из северных предместий Мемфиса, находилась усадьба, которую наследник предоставил для жительства Сарре, дочери иудея Гедеона.

Это был участок земли приблизительно в тридцать пять моргов[51] почти квадратной формы; с крыши жилого дома он весь был виден как на ладони. Приусадебные уголья на склоне холма были расположены в четыре яруса. Два

самых больших нижних участка, всегда заливаемых Нилом, были предназначены под поля и огороды. На третьем ярусе, который заливался не всегда, росли пальмы, смоковницы и другие плодовые деревья. Четвертый, самый верхний, был засажен оливковыми деревьями, виноградом, орешником и каштанами. Среди них и стоял жилой дом.

Дом был деревянный двухэтажный, как обычно — с террасой и полотняным шатром. Внизу жил черный невольник Рамсеса, наверху Сарра со своей родственницей и прислужницей Тафет. Дом был окружен оградой из необожженного кирпича; за оградой, в некотором отдалении, находились постройки для скота, работников и надсмотрщиков.

Комнаты Сарры были небольшие, но красиво убранные. Полы были устланы коврами, на дверях и окнах висели полосатые цветные драпировки. Здесь были резные кровати и стулья с инкрустацией, сундуки для одежды, столики на одной или на трех ножках, а на них горшки с цветами, стройные кувшины для вина, шкатулки с флаконами духов, золотые и серебряные кубки и бокалы, фаянсовые вазы и чаши, бронзовые светильники. Каждый, даже мельчайший, предмет обихода — мебель, посуда — был украшен резьбой или разноцветными рисунками, каждое платье — шитьем и бахромой.

Уже десять дней жила Сарра в этом уютном уголке, от страха и стыда избегая людей, так что даже работники не видели девушку. Она сидела в комнате с занавешенными окнами, шила, ткала полотно на небольшом станке или плела венки из живых цветов для Рамсеса. Иногда Сарра выходила на террасу и, осторожно откинув полог шатра, любовалась Нилом, усеянным лодками, в которых гребцы распевали веселые песни, или смотрела с тревогой на серые пилоны царского дворца, который возвышался на другом берегу реки, молчаливый и угрюмый, — и снова возвращалась к своим занятиям.

— Посиди здесь, тетушка, — говорила она, подзывая к себе Тафет. — Что ты там делаешь внизу?..

— Садовник принес фрукты, а из города прислали хлеб, вино и дичь; надо было принять.

— Посиди тут и поговори со мной, а то мне страшно.

— Глупенькая ты девочка! — отвечала, смеясь, Тафет. — Я тоже в первый день боялась нос из дому высунуть. Но как только выглянула за ограду — все прошло. Кого мне здесь бояться, когда все падают передо мной на колени? А уж перед тобой, наверно, будут становиться на голову!.. Выйди в сад, там хорошо, как в раю. Загляни в поле, где убирают пшеницу... Сядь в расписную лодку — лодочники сохнут от тоски, хотят посмотреть на тебя и прокатить по Нилу.

— Я боюсь.

— Чего?

— Сама не понимаю. Пока я занята работой, мне кажется, что я дома, там, в нашей долине, и вот-вот придет отец... Но чуть только ветер распахнет занавеску и я увижу сверху эту огромную, беспредельную страну, мне чудится... знаешь что? — будто меня схватил ястреб и унес к себе в гнездо, на скалу, откуда мне уже не сойти...

— Ах, если б ты видела, какую ванну прислал царевич, — медную ванну!.. И какой треножник для костра, горшки, ухваты!.. А сегодня я посадила двух наседок, скоро у нас будут цыплятки...

После заката солнца, когда никто не мог ее видеть, Сарра бывала смелее: она выходила на террасу и смотрела на реку. Когда же вдали показывалась лодка, освещенная факелами, бросавшими на черную воду огненно-красные полосы, Сарра прижимала руки к груди, где бедное ее сердце трепыхалось, как пойманная птичка. Она знала, что это плывет к ней Рамсес, и сама не могла понять, что творится в ее душе: то ли это радость перед свиданием с красавцем, которого она встретила в родной долине, то ли страх, что снова увидит великого властелина и повелителя, перед которым она робела.

Однажды, в канун субботы, пришел в усадьбу отец, в первый раз с тех пор, как она поселилась в этом доме. Сарра со слезами бросилась к нему: сама омыла ему ноги и окропила голову благовониями, покрывая ее поцелуями. Гедеон был человек пожилой, с суровыми чертами лица. На нем была длинная, до щиколоток, рубаха, окаймленная внизу пестрым шитьем, а поверх нее желтый кафтан без рукавов, род накидки, ниспадающей на грудь и на спину. На голове была небольшая шапка, суживавшаяся кверху.

— Ты пришел?.. пришел!.. — восклицала Сарра, снова принимаясь целовать его руки, лицо и волосы.

— Я и сам дивлюсь, как это я здесь! — грустно ответил Гедеон. — Я пробирался крадучись через сад, как вор; от самого Мемфиса мне казалось, что все встречные указывают на меня пальцем, а каждый проходящий еврей плюет мне вслед.

— Ведь ты же сам отдал меня наследнику, отец!.. — прошептала Сарра.

— Отдал... А что я мог сделать? Впрочем, мне только так кажется, что на меня указывают пальцами и плюют. Те из египтян, кто меня знает, кланяются мне тем ниже, чем они знатнее. За то время, что ты здесь, наш господин, Сезофрис, сказал, что надо будет расширить мой дом, господин Хайрес подарил мне бочонок великолепного вина, а достойнейший наш номарх прислал ко мне доверенного слугу справиться о твоём здоровье и спросить, не соглашусь ли я поступить к нему управляющим.

— А еврей? — спросила Сарра.

— Что еврей? Они знают, что я согласился не по доброй воле. Ну... и каждый не прочь бы, чтоб над ним учинили такое же насилие. Пусть нас рассудит господь бог. Лучше скажи, как ты поживаешь?

— И в раю ей не будет лучше, — вмешалась Тафет. — Целый день носят нам фрукты, вино, хлеб, мясо, чего только душа пожелает. А какая у нас ванна!.. Вся из меди. А какая кухонная посуда!..

— Три дня назад, — перебила ее Сарра, — был у меня финикиянин Дагон. Я не хотела его принять, но он так настаивал...

— Он подарил мне золотое колечко, — опять вмешалась Тафет.

— Он сказал мне, — продолжала Сарра, — что арендует землю у моего господина, подарил мне два ножных браслета, серьги с жемчугом и шкатулку благовоний из страны Пун.

— За что он тебе это подарил?

— Ни за что. Просил только, чтоб я хорошо к нему относилась и когда-нибудь при случае замолвила за него словечко перед моим господином, сказав, что Дагон — вернейший его слуга.

— У тебя скоро будет полный сундук браслетов и серег, — сказал, улыбаясь, Гедеон. — Эх, — прибавил он, помолчав, — собери побольше драгоценностей, и убежим в нашу землю! Здесь нам всегда будет горько. Горько, когда плохо, а еще горше — когда хорошо.

— А что скажет мой господин? — спросила Сарра печально.

Отец покачал головой.

— Не пройдет и года, как твой господин бросит тебя, и многие ему помогут в этом. Если бы ты была египтянкой, он взял бы тебя к себе в дом. Но еврейку...

— Бросит? — повторила Сарра, вздохнув.

— Зачем горевать о том, что будет; все в руках божьих! Я пришел провести с тобой субботу...

— А у меня как раз прекрасная рыба, мясо, лепешки и кошерное[52] вино, — поспешила вставить Тафет. — Да, кстати, я купила в Мемфисе семисвечник и восковые свечи... У нас будет ужин лучше, чем у самого господина Хайреса.

Гедеон вышел с дочерью на террасу. Когда они остались вдвоем, он сказал:

— Тафет говорила мне, что ты все сидишь дома. Почему? Надо выходить хотя бы в сад.

Сарра вздрогнула.

— Я боюсь, — прошептала она.

— Чего тебе бояться в своем саду?.. Ведь ты же здесь хозяйка, госпожа... большая госпожа...

— Я вышла как-то в сад днем, меня увидели какие-то люди и стали говорить между собой: «Смотрите, вот еврейка наследника престола, из-за которой запаздывает разлив Нила...»

— Дураки они, — сказал Гедеон, — разве в первый раз Нил запаздывает с разливом на целую неделю?.. Ну что ж, выходи пока по вечерам...

— Нет... Нет! — воскликнула Сарра, снова вздрогнув. — В другой раз я пошла вечером туда, в оливковую рощу. Вдруг на боковой дорожке показались две женщины, словно тени... Я испугалась и хотела бежать... Тогда одна из них, помоложе, невысокого роста, схватила меня за руку и говорит: «Не убегай, мы хотим на тебя посмотреть». А другая, постарше, высокая, остановилась в нескольких шагах и заглянула мне в лицо... Ах, отец, я думала, что превращусь в камень... Что это была за женщина!.. Что за взгляд!..

— Кто бы это мог быть? — спросил Гедеон.

— Та, что постарше, похожа была на жрицу.

— И они ничего не сказали тебе?

— Ничего. Только когда, уходя уже, они скрылись за деревьями, я услышала слова, вероятно, старшей: «Воистину она прекрасна...»

Гедеон задумался.

— Может быть, — сказал он, — это были какие-нибудь знатные женщины из дворца?..

Солнце заходило. На обоих берегах Нила собирались густые толпы людей, с нетерпением ожидавших сигнала о разливе, который действительно запаздывал. Уже два дня дул ветер с моря, и река позеленела. Уже солнце миновало звезду Сотис[53], а в жреческом колодце в Мемфисе вода не поднялась ни на одну пядь. Люди были встревожены, тем более что в Верхнем Египте, как сообщали, разлив шел нормально и даже обещал быть очень обильным.

— Что же удерживает его под Мемфисом? — спрашивали озабоченные земледельцы, с тоской ожидая сигнала.

Когда на небе показались звезды, Тафет накрыла в столовой белой скатертью стол, поставила светильник с семью зажженными свечами, придвинула три стула и возвестила, что сейчас подаст субботний ужин.

Гедеон покрыл голову, воздел над столом руки и, глядя молитвенно вверх, произнес:

— Боже Авраама, Исаака и Иакова, ты, который вывел народ наш из земли египетской, ты, давший отчизну рабам и изгнанникам, заключивший вечный союз с сынами Иуды... Бог Яхве, бог Адонаи, дозвожь нам вкусить без греха от плодов вражьей земли, исторгни нас из печали и страха, в каких мы пребываем, и верни на берега Иордана, который мы покинули во славу тебе...

Вдруг из-за ограды послышался голос:

— Достойный Тутмос, вернейший слуга царя и наследника престола...

— Да живут они вечно!.. — откликнулось несколько голосов из сада.

— Благороднейший господин, — продолжал первый голос, — шлет приветствие прекраснейшей розе Ливана.

Когда он смолк, раздались звуки арфы и флейты.

— Музыка!.. — воскликнула Тафет, хлопая в ладоши. — Мы будем встречать субботу с музыкой!..

Сарра и ее отец, сперва встревоженные, улыбнулись и сели за стол.

— Пусть играют, — сказал Гедеон, — их музыка не испортит нам аппетита.

Флейта и арфа сыграли несколько вступительных аккордов, и вслед за ними раздался тенор:

— «Ты прекрасней всех девушек, что глядятся в воды Нила. Волосы твои чернее воронова крыла, глаза нежнее глаз лани, тоскующей по своему козленку. Стан твой — словно ствол пальмы, а лотос завидует твоей прелести. Груды твои — как виноградные гроздья, соком которых упиваются цари...»

Снова раздались звуки флейты и арфы, а потом песня:

— «Выйди в сад отдохнуть... Слуги твои принесут бокалы и кувшины с разными напитками. Выйди, отпразднуем сегодняшнюю ночь и рассвет, что придет после нее. Под сенью моей, под сенью смоковницы, родящей сладкие плоды, твой возлюбленный возляжет рядом с тобой; и ты утолишь его жажду и будешь покорна всем его желаниям...»

И снова запели флейта и арфа, а после них тенор:

— «Я молчаливого нрава, никогда не рассказываю о том, что вижу, и сладость плодов моих не отравлю пустой болтовней».[54]

10

Вдруг песня умолкла, заглушенная шумом и топотом бегущей толпы.

— Язычники!.. Враги Египта!.. — кричал кто-то. — Вы распеваете песни, когда все повергнуто в горе, и славите еврейку, которая своим колдовством остановила течение Нила...

— Горе вам! — кричал другой голос в ответ. — Вы попираете землю наследника престола!.. Смерть постигнет вас и детей ваших!..

— Мы уйдем, но пусть выйдет к нам еврейка, чтобы мы могли высказать ей свои обиды...

— Бежим!.. — закричала Тафет.

— Куда? — спросил Гедеон.

— Ни за что! — возмутилась Сарра: ее прекрасное лицо пылало от негодования. — Разве я не принадлежу наследнику, перед которым эти люди падают ниц!

И прежде чем отец и прислужница опомнились, она выбежала на террасу, вся в белом, и крикнула толпе, волновавшейся за оградой:

— Вот я!.. Чего вы хотите от меня?..

Шум на минуту утих, но вскоре послышались грозные голоса:

— Будь проклята, чужеземка, твой грех задерживает воды Нила!

В воздухе просвистело несколько камней, брошенных наугад. Один из них попал Сарре в лоб.

— Отец!.. — вскрикнула она, схватившись за голову.

Гедеон подхватил ее на руки и унес с террасы. В темноте видны были голые люди в белых чепцах и передниках, перелезавшие через ограду.

Внизу кричала не своим голосом Тафет, а невольник-негр, вооружившись топором, встал в дверях дома, грозя разmozжить голову всякому, кто осмелится войти.

— Давайте сюда камни! Прикончить этого нубийского пса! — кричали в толпу люди, сидевшие на заборе.

Но толпа вдруг утихла. Из глубины сада вышел человек с бритой головой, одетый в шкуру пантеры.

— Пророк!.. Святой отец!.. — пронесся шепот.

Сидевшие на заборе стали соскакивать вниз.

— Народ египетский, — раздался спокойный голос жреца, — как дерзаешь ты поднять руку на то, что принадлежит наследнику?

— Там живет нечистая еврейка, которая задерживает разлив Нила... Горе нам!.. Нищета и голод нависли над Нижним Египтом.

— Люди слабой веры или слабого разума! — продолжал жрец. — Слыханное ли дело, чтоб одна женщина могла остановить волю богов? Каждый год в месяце тот Нил начинает прибывать, и разлив его растет до месяца хойяк. Бывало ли когда-нибудь иначе, хотя в нашей стране всегда жило много чужеземцев и нередко в числе их пленные жрецы и князья; изнывая в неволе и тяжком труде, они могли в гневе и злобе призывать на нашу голову самые страшные проклятия, и не один из них отдал бы жизнь за то, чтобы солнце в утренний час не взошло над Египтом или Нил не разлился в начале года. Но какой был толк от их молитв? Или их не слушали в небесах, или чужие боги бессильны перед нашими. Каким же образом женщина, которой живет у нас хорошо, могла бы навлечь бедствие, какого не удалось навлечь даже могущественнейшим нашим врагам?..

— Святой отец говорит правду!.. Мудры слова пророка! — послышались голоса в толпе.

— А все-таки Моисей, еврейский вождь, наслал тьму и мор на Египет... — возразил чей-то одинокий голос.

— Кто это сказал, пусть выйдет вперед! — воскликнул жрец. — Пусть выйдет, если он не враг египетского народа.

Толпа зашумела, как ветер, несущийся издалека сквозь чащу деревьев, но никто не вышел из толпы.

— Истинно говорю вам, — продолжал жрец, — между вами бродят дурные люди, подобные гиене в овечьем стаде. Не о вашей нужде пекутся они, а хотят толкнуть вас на злое дело, чтоб вы разрушили дом наследника престола и подняли бунт против фараона. Если бы сбылось их подлое желание и грудь многих из вас обогрилась кровью, эти люди укрылись бы от копий, как сейчас от моего призыва.

— Слушайте пророка!.. Хвала тебе, человек божий!.. — кричали в толпе, склоняя головы. Наиболее благочестивые пали на землю.

— Внемли же, народ египетский... За то, что ты поверил слову жреца, за повиновение фараону и наследнику, за почет, что воздаешь слуге божьему, явлена будет тебе милость. Разойдитесь с миром по домам, и, может быть, не успеете вы спуститься с этого пригорка, как Нил начнет прибывать...

— Да исполнятся твои слова!

— Ступайте!.. Чем крепче будет ваша вера и благочестие, тем скорее узрите вы знамение благодати...

— Идем!.. Идем!.. Будь благословен, пророк, сын пророков!..

Толпа стала расходиться, многие целовали одежду жреца. Вдруг кто-то крикнул:

— Чудо!.. Чудо свершается!..

— На башне в Мемфисе зажгли огонь... Нил прибывает!.. Смотрите, все больше огней!.. Воистину с нами говорил великий святой... Да живешь ты вечно!..

Все повернулись к жрецу. Но его уже не было. Он исчез в ночной темноте.

Толпа, недавно возбужденная и за минуту до того охваченная изумлением и благодарностью, забыла о своем гневе и о жреце-чудотворце. Ею овладела безумная радость. Все бросились к берегу реки, где пылало уже множество костров и раздавалась громкая песнь собравшегося народа:

— «Привет тебе, о Нил, священная река, явившаяся с миром на землю, чтобы дать жизнь Египту. О таинственный бог, разгоняющий тьму, ороситель лугов, приносящий корм бессловесным тварям! О путь, текущий с небес и напоющий землю, о покровитель хлебов, приносящий радость в хижины! О ты, повелитель рыб!.. Когда ты нисходишь на наши поля, ни одна птица не тронет на них урожай. Ты — творец пшеницы, родитель ячменя!.. Ты даешь отдых рукам миллионов несчастных и вечную нерушимость храмам».[55]

В это время освещенная факелами лодка наследника приплыла с того берега; ее встретили песнями и радостными кликами. Те самые люди, что полчаса назад хотели ворваться в усадьбу царевича, сейчас падали перед ним ниц или

бросались в воду, чтобы поцеловать весла и края лодки, в которой прибыл сын повелителя.

При свете факелов, оживленный и веселый Рамсес в сопровождении Тутмоса вошел в дом Сарры. Завидя его, Гедеон тихо сказал Тафет:

— Я очень беспокоюсь за свою дочь, но мне не хочется встречаться с ее господином. Присмотри за ней.

Он перелез через ограду и в темноте миновал сад, потом полями направился к Мемфису.

Во дворе усадьбы уже раздавался громкий голос Тутмоса:

— Здравствуй, прекрасная Сарра!.. Я надеюсь, ты хорошо примешь нас в благодарность за музыку, которую я тебе прислал...

На пороге появилась Сарра с повязанной головой, опираясь на негра и служанку.

— Что это значит? — спросил изумленный Рамсес.

— Ужас!.. Ужас!.. — воскликнула Тафет. — Язычники напали на твой дом. Один из них попал камнем в Сарру.

— Какие язычники?..

— Да вот эти... египтяне!..

Рамсес смерил ее презрительным взглядом, но, сообразив, в чем дело, пришел в бешенство.

— Кто ударил Сарру?.. Кто бросил камень?.. — крикнул он, схватив за плечо негра.

— Те... что на берегу... — ответил невольник.

— Эй, стража! — крикнул в ярости царевич. — Вооружить всех людей в усадьбе и догнать эту шайку!..

Негр снова вытащил топор, сторожа стали вызывать работников из лачуг, а воины из свиты Рамсеса схватились за мечи.

— Ради бога, что ты хочешь делать?.. — взмолилась шепотом Сарра, бросаясь на шею царевичу.

— Я хочу отомстить за тебя! — ответил он. — Кто бросил камень в то, что принадлежит мне, бросил его в меня!

Тутмос, весь бледный, покачал головой.

— Послушай, господин, — сказал он, — как же ты ночью в толпе узнаешь тех, кто совершил преступление?

— Мне все равно!.. Чернь это сделала, и чернь за это ответит...

— Так не скажет ни один судья. А ведь тебе предстоит быть верховным судьей, — попытался урезонить царевича Тутмос.

Рамсес задумался. Друг его продолжал:

— Подумай, что завтра скажет наш повелитель, фараон?.. И какая радость воцарится среди врагов Египта на востоке и на западе, когда они услышат, что наследник престола чуть ли не у стен царского дворца нападает ночью на свой народ...

— О, если б отец дал мне хоть половину армии! Тогда умолкли бы навеки наши враги, где б они ни были!.. — пробормотал царевич, топнув ногой.

— Наконец... вспомни того крестьянина, который повесился... Ты так жалел, что погиб невинный человек, а сейчас... Неужели ты сам захочешь губить невинных?..

— Довольно! — остановил его наследник. — Гнев мой — как сосуд, наполненный водой... Горе тому, на кого она прольется... Войдем в дом...

Испуганный Тутмос отступил назад. Наследник взял Сарру за руку и поднялся с нею во второй этаж, посадил за стол, на котором стоял недоконченный ужин, и, поднеся светильник к ее голове, сорвал с девушки повязку.

— Да это даже не рана, — воскликнул он, — а только синяк!

Он долго и пристально смотрел на Сарру.

— Никогда не думал, что у тебя может быть синяк... — сказал он. — Это очень меняет лицо...

— Я тебе больше не нравлюсь?.. — тихо спросила Сарра, поднимая на него большие, полные тревоги глаза.

— Ах, нет!.. К тому же ведь это пройдет...

Он позвал Тутмоса и негра и велел рассказать, что тут произошло.

— Он нас защитил, — сказала Сарра, — встал с топором в дверях...

— Это действительно так? — спросил царевич, пристально посмотрев на невольника.

— Разве мог я допустить, чтобы в твой дом, господин, ворвались чужие люди?

Рамсес погладил его курчавую голову.

— Это поступок мужественного человека, — сказал он. — Дарю тебе свободу. Завтра получишь плату и можешь возвращаться к своим.

Негр зашатался. Он протер глаза, белки их ослепительно сверкали; негр бросился на колени и, стукнувшись лбом об пол, воскликнул:

— Не гони меня от себя, господин!

— Хорошо, — ответил наследник, — оставайся со мной, но уже как свободный воин. Вот какие люди нужны мне, — прибавил он, взглянув на Тутмоса. — Он не умеет говорить так красноречиво, как смотритель книгохранилищ, но всегда готов сражаться...

И снова стал расспрашивать о подробностях нападения. Когда же негр рассказал ему о появлении жреца и совершенном им чуде, царевич схватился за голову и воскликнул:

— Я несчастнейший в Египте человек!.. Скоро я не скроюсь от жрецов даже у себя в постели... Откуда он?.. Кто такой?

Этого негр не мог объяснить, но сказал, что жрец защищал Сарру, что нападением руководили не египтяне, а люди, которых жрец назвал врагами Египта и которых он тщетно призывал выйти вперед.

— Чудеса!.. Чудеса!.. — задумчиво повторил царевич, бросаясь на кровать. — Мой черный невольник поступает, как храбрый воин и вполне разумный человек... Жрец защищает еврейку, потому что она принадлежит мне... Что это за странный жрец? Народ египетский, преклоняющий колени перед собаками фараона, нападает на дом наследника престола под предводительством каких-то врагов Египта... Я должен сам все это расследовать...

11

Окончился месяц тот и начинался месяц паопи, вторая половина июля. Вода Нила из зеленоватой стала белой, потом красной и все прибывала. Царский водомер в Мемфисе заполнился на высоту чуть не в два человеческих роста, а Нил поднимался с каждым днем на две пяди. Самые низменные места были залиты, с более высоких спешно убрали лен, виноград и хлопок. Где утром было еще сухо, там к вечеру уже плескались волны.

Казалось, будто в глубине реки бушует грозный, невидимый водоворот. Вздывает, словно плугом, широкие валы, заливая пеной борозды, на мгновение разглаживает поверхность вод и тотчас же вновь свивает их в бездонные воронки. Опять вздымает валы, затем сглаживает, свивает, нагоняет новые горы воды и пены, и все вздувает и вздувает бурлящую реку, поглощая новые пространства земли. Достигнув вершины какой-нибудь преграды, река переливается через нее и устремляется в низину, образуя сверкающее озеро там, где еще только что рассыпались в прах сожженные солнцем травы.

Хотя подъем воды достиг едва лишь третьей части наибольшего своего уровня, все побережье было уже затоплено. С каждым часом все новые усадебки на холмах превращались в острова, и если сперва их отделял от других лишь узкий проток, то понемногу он расширялся, окончательно отрезая жилье от соседей. Люди, выйдя на работу пешком, нередко возвращались домой в лодках.

Лодок и плотов появлялось все больше и больше. С одних ловили сетями рыбу, на других свозили урожай на гумна или мычащий скот в хлева, на третьих отправлялись в гости к знакомым, чтобы с веселым смехом и громкими возгласами объявить им, что Нил прибывает. Иногда лодки, сгрудившиеся в одном месте, как стая уток, разбегались во все стороны перед широким плотом, несшим из Верхнего Египта вниз огромные каменные глыбы, высеченные в прибрежных каменоломнях.

Воздух был наполнен шумом прибывающей воды, криком взволнованных птиц и веселыми песнями людей. Нил прибывает — будет вдоволь хлеба!

Весь месяц велось следствие о нападении на дом наследника. Каждое утро лодка с чиновниками и полицейскими подплывала к какой-нибудь усадьбе. Людей отрывали от работы, подвергали допросу с пристрастием, били палками, и к вечеру в Мемфис возвращались уже две лодки: одна с чиновниками, другая с арестованными.

Таким образом, было привлечено к делу более трехсот человек, из которых половина ничего не знала, а половине грозила тюрьма или несколько лет каторжных работ в каменоломнях. Но ни о зачинщиках нападения, ни о жреце, который убеждал народ разойтись, так и не удалось узнать.

В характере царевича Рамсеса сочетались крайне противоречивые черты. Он был порывист, как лев, и упрям, как бык, но вместе с тем обладал ясным умом и глубоким чувством справедливости.

Видя, что следствие, которое вели чиновники, не дает никаких результатов, царевич сам отправился однажды на лодке в Мемфис и велел пропустить его в тюрьму.

Тюрьма, выстроенная на холме и окруженная высокой стеной, состояла из большого числа каменных, кирпичных и деревянных строений. Но это были большей частью либо ворота, либо жилища надсмотрщиков. Узники же ютились в подземельях, высеченных в известняке.

Войдя во двор тюрьмы, наследник увидел кучку женщин, обмывавших и кормивших какого-то узника. Обнаженный человек, похожий на скелет, сидел на земле; руки и ноги его были продеты в четыре отверстия квадратной доски, заменявшей кандалы.

— Давно так страдает этот несчастный? — спросил наследник.

— Два месяца, — ответил надсмотрщик.

— И долго еще ему сидеть?

— Месяц.

— В чем же он провинился?

— Оскорбил чиновника, собиравшего налоги.

Царевич отвернулся и увидел другую кучку, состоявшую из женщин и детей. Среди них был старик.

— Это тоже арестованные?

— Нет, государь. Это семья преступника, приговоренного к удушению. Они ждут, чтобы получить его тело после исполнения приговора. Вот его ведут на казнь. — И, обернувшись к кучке, надсмотрщик сказал: — Потерпите еще немного, любезные, сейчас вам выдадут тело.

— Большое тебе спасибо, дорогой господин, — ответил старик, вероятно отец преступника. — Мы вышли из дому вчера вечером, и лен остался у нас в поле, а тут река прибывает!..

Царевич побледнел и остановился.

— Тебе известно, — обратился он к надсмотрщику, — что мне принадлежит право помилования?

— Да, эрпатор, — ответил надсмотрщик с поклоном, а потом прибавил: — Согласно закону, в память твоего пребывания в этом месте, сын солнца, осужденным за преступления против религии или государства, если они вели себя хорошо, должны смягчить наказание. Список этих людей будет повержен к твоим стопам в течение месяца.

— А тот, кого сейчас должны задушить, не имеет права воспользоваться моей милостью?

Надсмотрщик только поклонился и развел руками.

Они тронулись дальше. Прошли несколько дворов. В деревянных клетках на голой земле копошились преступники, приговоренные к тюремному заключению. В одном из зданий раздавались ужасные крики, там кого-то били, чтобы вынудить признание.

— Покажите мне людей, обвиняемых в нападении на мой дом, — приказал потрясенный этим зрелищем наследник.

— Их свыше трехсот человек.

— Отберите наиболее, по вашему мнению, виновных и допросите в моем присутствии. Но так, чтобы они меня не узнали.

Наследника престола проводили в помещение, где вел допрос следователь. Царевич велел ему занять обычное место, а сам сел за колонной.

Вскоре поодиночке стали появляться обвиняемые — исхудалые, с безумным взглядом, обросшие волосами.

— Тутмос, — обратился следователь к одному, — расскажи, как вы напали на дом достойнейшего наследника.

— Расскажу правду, как на суде Осириса. Это было вечером в тот день, когда Нил начал прибывать. Жена моя говорит мне: «Пойдем, старик, на горку, оттуда скорее увидим сигнал из Мемфиса». Пошли мы на горку, откуда легче было увидеть сигнал из Мемфиса. Тут подходит к моей жене какой-то солдат и говорит: «Пойдем со мной в этот сад, поедим там винограду или еще чего-нибудь». Ну, моя жена пошла с этим солдатом, а я страшно рассердился и следил за ними через забор. Бросали они камни в дом наследника или нет — я не могу сказать, потому что за деревьями, в темноте, ничего не видно было.

— Как же ты отпустил жену с солдатом? — спросил следователь.

— А что я мог сделать? Сами посудите, ваша милость. Ведь я только простой мужик, а он — воин, солдат его святейшества.

— А жреца ты видел, который говорил с вами?

— Это был не жрец, — убежденно ответил крестьянин. — Это, должно быть, был сам бог Хнум[56], потому что он вышел из ствола смоковницы и голова у него была, как у барана.

— Ты сам видел, что у него голова, как у барана?

— Прошу прощения, хорошо не помню, сам я видел или так люди рассказывали. У меня в голове мутилось, так я беспокоился за жену.

— Ты бросал камни?

— Для чего стал бы я бросать их, повелитель жизни и смерти? Если б я попал в жену, не было бы мне покоя целую неделю, а если в солдата — он так ткнул бы меня в брюхо, что у меня язык вывалился бы наружу. Ведь я только простой мужик, а он — воин бессмертного господина нашего.

Наследник сделал знак из-за колонны. Тутмоса увели, вместо него ввели Анупу. Это был крестьянин небольшого роста. На спине его видны были свежие следы палок.

— Скажи-ка, Анупу, — обратился к нему следователь, — как там было дело с нападением на сад наследника?

— Око солнца, — ответил крестьянин, — сосуд мудрости! Ты очень хорошо знаешь, что я не устраивал нападения. Подошел только ко мне сосед и говорит: «Пойдем на гору, Анупу, Нил прибывает». А я говорю: «Да прибывает ли?» А он: «Ты глупее осла, потому что осел услышал бы музыку на горе, а ты не слышишь». Тут я ему отвечаю: «Глуп я, потому что не учен грамоте; а только, прости меня, — одно дело музыка, а другое — подъем воды». А он на это: «Если б не было подъема, людям нечему было бы радоваться, играть и петь». Ну, мы и пошли на гору. А там уже музыкантов разогнали и бросают в сад камни.

— Кто бросал?

— Не заметил я. Те люди не похожи были на крестьян, скорее на нечистых парасхитов, которые бальзамируют умерших.

— А жреца видел?

— С разрешения вашей милости, это был не жрец, а скорее дух, охраняющий дом наследника, — да живет он вечно!..

— Почему дух?

— Потому что временами он становился невидимым.

— Может быть, его заслоняла толпа?

— Конечно, по временам его заслоняли люди, но и сам-то он казался то выше, то ниже...

— Может быть, он взбирался на пригорок и спускался с него?

— Пожалуй, что взбирался и спускался. А может, и сам становился длиннее и короче. Это был великий чудотворец. Только он сказал: «Сейчас Нил начнет прибывать», — и тотчас же Нил стал прибывать.

— А камни ты бросал, Анупу?

— Как же я посмел бы бросать камни в сад наследника престола?.. Ведь я простой крестьянин, и рука отсохла бы у меня по локоть за такое кощунство.

Царевич велел прекратить допрос. Когда же увели обвиняемых, он обратился к следователю:

— Так эти люди принадлежат к числу наиболее виновных?

— Воистину, государь, — ответил следователь.

— В таком случае надо сегодня же освободить всех. Нельзя держать людей в тюрьме за то, что они хотели посмотреть, прибывает ли священный Нил, или за то, что слушали музыку.

— Высшая мудрость говорит твоими устами, сын царя, — сказал следователь. — Мне велено найти наиболее виновных, и я отобрал тех, кого нашел. Но не в моих силах вернуть им свободу.

— Почему?

— Взгляни, достойнейший, на этот сундук. Он полон папирусов, на которых написаны акты этого дела. Мемфисский судья каждый день получает рапорт о его движении и доводит до сведения фараона. Во что же обратится труд стольких ученых писцов и великих мужей, если освободят обвиняемых?

— Да ведь они невинны! — воскликнул царевич.

— Но раз было нападение — значит, преступление налицо. А где есть преступление, должны быть и преступники. И кто раз очутился в руках властей и записан в актах, не может уйти без всяких последствий. В харчевне человек пьет и платит за это; на ярмарке он что-нибудь продает и покупает; в поле сеет и жнет; навещая гробницы, получает благословение предков. Как же может быть, чтобы кто-нибудь, придя в суд, вернулся ни с чем, как путник, который, остановившись на половине дороги, возвращается домой, не достигши цели?

— Ты говоришь мудро, — ответил наследник. — Скажи мне, однако: а его святейшество фараон тоже не имеет права освободить этих людей?

Следователь скрестил руки и склонил голову.

— Равный богам может сделать все, что захочет: освободить обвиняемых, даже приговоренных, уничтожить все акты по делу, но со стороны простого смертного это явилось бы святотатством.

Царевич простился со следователем и поручил надсмотрщику, чтобы за его счет всех обвиняемых лучше кормили. Затем, взволнованный, он переплыл на другой берег все прибывающей реки и отправился во дворец просить фараона прекратить это злополучное дело.

Но в этот день у царя было много религиозных церемоний и совещаний с министрами, так что наследнику не удалось с ним повидаться. Тогда царевич обратился к верховному писцу, который после военного министра имел наибольшее влияние при дворе. Этот старый чиновник, жрец одного из мемфисских храмов, принял царевича вежливо, но холодно и, выслушав его, ответил:

— Меня удивляет, что ты хочешь беспокоить подобными делами нашего господина. Это все равно, как если бы ты просил не уничтожать саранчу, севшую на поле.

— Но ведь это же невинные люди!..

— Мы, ваше высочество, не можем этого знать, ибо, виновны они или невиновны, решает закон и суд. Одно для меня безусловно ясно, что государство не может потерпеть, чтобы люди врывались в чужой сад, а тем более — чтобы поднимали руку на собственность наследника престола.

— Ты прав, конечно, но где же виновные? — спросил царевич.

— Где нет виновных — должны быть, по крайней мере, наказанные. Не преступление, а наказание, которое за ним следует, учит людей, что этого нельзя делать.

— Я вижу, — прервал его наследник, — что ты не поддержишь моей просьбы перед его святейшеством.

— Мудрость говорит твоими устами, эрпатор, — ответил вельможа. — Я никогда не позволю себе дать своему господину совет, который подрывал бы авторитет власти...

Царевич вернулся к себе измученный, в глубоком недоумении. Он сознавал, что несколько сотен людей терпят несправедливость, и видел, что не может их спасти, как не мог бы извлечь человека из-под обрушившегося обелиска или колонны храма.

«Мои руки слишком слабы, чтоб поднять эту громаду», — думал он со щемящим чувством.

Он впервые почувствовал, что есть какая-то сила, значащая бесконечно больше, чем его воля: интересы государства, которым подчиняется даже всемогущий фараон и перед которыми должен смириться и он, наследник.

Спустилась ночь. Рамсес велел слугам никого не принимать; он одиноко бродил по террасе своего павильона и думал: «Это ужасно!.. Там передо мной расступились непобедимые полки Нитагора, а тут — тюремный надсмотрщик, судебный следователь и верховный писец становятся мне поперек дороги... Кто

они такие? Жалкие слуги моего отца, — да живет он вечно! — который в любую минуту может низвести их до положения рабов и сослать в каменоломни. Но почему отец мой не может помиловать невинных?.. Так хочет государство?.. А что такое государство?.. Чем оно питается, где спит, где его руки и меч, которого все боятся?..»

Он поглядел в сад между деревьями, и взгляд его упал на два огромных пилона на вершине холма, где горели факелы стражи. Ему пришло в голову, что эта стража никогда не спит, а пилоны никогда не питаются и, однако, существуют. Древние, несокрушимые пилоны, могучие, как властелин, который их воздвиг, — Рамсес Великий! Сдвинуть с места эти твердыни и сотни им подобных? Обмануть бдительность этих стражей и тысячи других, охраняющих безопасность Египта? Нарушить законы, оставленные Рамсесом Великим и еще более могущественными владыками, которых двадцать династий освятило своим признанием?

И вот перед Рамсесом стал вырисовываться еще неясный, но гигантский образ — государство. Государство — это нечто более величественное, чем храм Амона в Фивах, более грандиозное, чем пирамида Хеопса, более древнее, чем сфинкс, более несокрушимое, чем гранит.

В этом необъятном, хотя и незримом здании люди — как муравьи в трещине скалы, а фараон — словно странствующий архитектор, который едва успевает положить в стену один камень и тут же уходит. А стены растут от поколения к поколению, и здание продолжает стоять нерушимо.

Никогда еще он, сын царя, не чувствовал себя таким ничтожным, как в эту минуту, когда взгляд его блуждал в ночной тьме над Нилом между пилонами дворца фараона и туманными, но полными величия, силуэтами мемфисских храмов.

Вдруг из-за деревьев, ветви которых достигали террасы, послышался голос:

— Я знаю твою печаль и благословляю тебя. Суд не освободит обвиняемых крестьян, но дело их будет прекращено, и они вернуться с миром в свои хижины, если управляющий твоим поместьем не станет поддерживать жалобы о нападении.

— Так это мой управляющий подал жалобу? — спросил с удивлением царевич.

— Да. Он подал ее от твоего имени, но если он не придет на суд, значит, не будет потерпевшего, а где нет потерпевшего, нет преступления.

Что-то зашуршало в кустах.

— Погоди! — воскликнул Рамсес. — Кто ты такой?

Никто не ответил, но ему показалось, будто в полосе света от факела, горевшего во втором этаже, мелькнула бритая голова и шкура пантеры.

— Жрец!.. — прошептал наследник. — Почему же он прячется?

Но тут же сообразил, что жрец может тяжело поплатиться за свой совет, мешающий делу правосудия.

12

Большую часть ночи Рамсес провел в лихорадочных грезах. То перед ним всплывал призрак государства в виде бесконечного лабиринта с мощными стенами, которые ничем не пробить, то появлялся призрак жреца, одно мудрое слово которого указало ему, как выбраться из лабиринта. Итак, перед ним предстали две могучие силы: интересы государства, — которые он до сих пор неясно себе представлял, хотя был наследником престола, — и жреческая каста, которую он хотел раздавить и подчинить себе.

Это была тяжелая ночь. Царевич метался на своем ложе и спрашивал себя: не был ли он до сих пор слепым и только сегодня прозрел, чтоб убедиться в своем неразумии и ничтожестве. Совершенно в ином виде представлялись ему сейчас и предостережения матери, и сдержанность отца в изъявлении своей высочайшей воли, и даже суровость министра Херихора.

«Государство и жрецы!..» — повторял он сквозь сон, обливаясь холодным потом.

Только боги небесные знают, что произошло бы, если б в душе Рамсеса успели разрастись и созреть мысли, которые родились в эту ночь. Может быть, став фараоном, он был бы одним из самых счастливых и царствовал бы дольше других повелителей. Может быть, имя его, высеченное на каменных стенах подземных и надземных храмов, дошло бы до потомства, окруженное величайшей славой. Может быть, он и его династия не лишились бы трона и Египет избежал бы великого потрясения в наиболее трудное для себя время.

Но утренний свет рассеял призраки, кружившие над разгоряченной головой царевича, а последующие дни резко изменили его представление о непоколебимости государственных интересов.

Посещение Рамсесом тюрьмы не осталось без последствий для обвиняемых. Следователь доложил об этом верховному судье. Судья вторично пересмотрел дело, сам допросил часть обвиняемых, в течение нескольких дней освободил большинство и ускорил разбор дела остальных.

Когда же истец не явился на суд, несмотря на то, что его выкликали и в зале суда, и на базарной площади, — дело о нападении было прекращено, и всех обвиняемых освободили.

Правда, один из судей заметил было, что по закону следовало бы возбудить процесс против управляющего усадьбой наследника за ложное обвинение и, если это будет доказано, подвергнуть его тому самому наказанию, какое грозило обвиняемым. Но вопрос этот замчали.

Управляющий имением, переведенный наследником в ном Такенс, исчез из поля зрения судей, а вскоре пропал куда-то и сундук с папирусами по делу о нападении.

Узнав об этом, Рамсес отправился к верховному писцу и с улыбкой спросил:

— Что ж, достойнейший, невинных освободили, дело о них святотатственно уничтожили, и, несмотря на это, престиж власти не пострадал?

— Дорогой мой царевич, — ответил с обычным хладнокровием верховный писец, — я не предполагал, что одной рукой ты подаешь жалобу, а другой — стараешься ее изъять. Чернь нанесла оскорбление сыну фараона — нашей обязанностью было наказать виновных. Но если ты простил обиду, государство не станет против этого возражать.

— Государство!.. Государство!.. — повторил Рамсес. — Государство — это мы, — прибавил он, прищурившись.

— Да, государство — это фараон и... его вернейшие слуги, — ответил писец.

Достаточно было этого разговора с высоким сановником, чтобы рассеять начавшее было пробуждаться в сознании наследника могучее, хотя еще неясное, представление о значении «государства». Итак, государство — не вечное несокрушимое здание, к которому фараоны должны камень за камнем прибавлять свои великие дела, а скорее куча песку, которую каждый повелитель пересыпает, как ему заблагорассудится. В государстве нет тех узких дверей, именуемых законами, проходя через которые каждый, кто бы он ни был — крестьянин или наследник престола, — должен наклонять голову. В этом здании есть разные ходы и выходы: узкие — для малых и слабых, весьма широкие и удобные — для сильных.

«Если так, — решил царевич, — я установлю порядок, какой мне нравится».

И ему вспомнились два человека: освобожденный негр, который, не ожидая приказа, готов был отдать жизнь за то, что принадлежало наследнику, и незнакомый жрец.

«Будь у меня больше таких людей, воля моя почиталась бы и в Египте и за пределами его!..» — сказал он себе и решил непременно разыскать жреца.

Это был, вероятно, тот самый, который сдержал людей, напавших на его дом. Он не только прекрасно знает законы, но и умеет управлять толпой.

— Неоценимый человек!.. Я должен его найти...

С этих пор Рамсес в небольшой лодке с одним гребцом стал объезжать крестьянские хижины в окрестностях своей усадьбы. В хитоне и большом парике, с длинной рейкой, на которой были насечены деления, он мог сойти за инженера, следящего за подъемом воды.

Крестьяне охотно давали ему всякие объяснения, касающиеся разлива, и при случае просили, чтобы правительство придумало какой-нибудь более легкий способ черпания воды, чем журавль с ведром. Они рассказывали также о нападении на усадьбу наследника, но не знали людей, бросавших камни. Вспоминали и жреца, которому удалось успокоить толпу. Но кто он — они не знали.

— Есть, — говорил один крестьянин, — в наших местах жрец, который лечит глаза, и есть другой, что заживляет раны и вправляет переломанные руки и ноги. Есть такие, которые учат читать и писать. Один играет на двойной флейте, и даже недурно. Но того, кто явился тогда в саду наследника, среди них нет, и они сами о нем ничего не знают. Наверно, это бог Хнум или какой-нибудь дух, охраняющий наследника, — да живет он вечно и никогда не теряет аппетита!..

«А может быть, это и в самом деле дух?» — подумал Рамсес.

В Египте скорее можно было встретить злого или доброго духа, чем дожждаться, например, дождя.

Нил из красного стал коричневым, и в августе, в месяце атир, достиг половины своей высоты. В береговых плотинах открыли шлюзы, и вода стала стремительно заполнять каналы и огромное искусственное Меридово озеро в области Фаюм[57], славящейся чудесными розами. Нижний Египет представлял собой как бы морской залив, окаймленный холмами, по склонам которых были разбросаны дома и сады. Сухопутное сообщение совершенно прекратилось, и по реке сновало множество лодок, белых, желтых, красных, темно-бурых, похожих на осенние листья. На самых высоких местах кончали сбор урожая хлопка, второй раз косили клевер и начинали собирать плоды тамариндов и олив.

Однажды, плывя мимо залитых водой усадеб, Рамсес заметил на одном из островков необычное движение. Оттуда же из-за деревьев доносился громкий крик женщин.

«Наверно, кто-нибудь умер», — подумал наследник.

С другого островка увозили на небольших лодках мешки с зерном и скот; люди, стоявшие у служб, ругались и грозили сидевшим в лодке.

«Поспорили соседи...» — решил Рамсес.

Дальше в усадьбах было спокойно, но жители, вместо того чтобы работать или петь песни, молча сидели на земле.

«Кончили работу и отдыхают».

От одного островка отчалила лодка с плачущими детьми; какая-то женщина бросилась ей вслед и, стоя по пояс в воде, грозила кулаком.

«Везут детей в школу», — подумал Рамсес.

В конце концов его заинтересовали все эти сцены...

С одного из следующих островков опять донесся крик. Царевич приставил руку к глазам и увидел лежавшего на земле человека, которого бил палкой негр.

— Что это тут происходит? — спросил Рамсес лодочника.

— Разве вы не видите, господин? Бьют бедного мужика! — ответил лодочник, ухмыляясь. — Прощтрафился, видно, вот и трещат косточки.

— А сам ты разве не крестьянин?

— Я?.. — с гордостью спросил лодочник. — Я — свободный рыбак. Отдам его святейшему, что полагается из улова, и могу плавать по всему Нилу, от первых порогов до самого моря. Рыбак — как рыба или как дикий гусь, а мужик — как дерево: кормит господ своими плодами и никуда не может убежать. Только кряхтит, когда надсмотрщики портят на нем кору. Ого-го!.. Посмотрите-ка вон туда, — вскричал довольный собою рыбак. — Эй, отец!.. Не выхлебай всю воду!.. А то будет неурожай!

Этот веселый возглас относился к кучке людей, занятых довольно странным делом. Несколько голых мужчин, стоя на берегу, держали за ноги какого-то человека и окунали его вниз головой в реку сначала по шею, затем по грудь и, наконец, по пояс. Рядом стоял какой-то человек с дубинкой, в грязном хитоне и в парике из бараньей шкуры. А немного поодаль кричала благим матом женщина, которую люди держали за руки.

Палочная расправа была так же распространена в счастливом государстве фараона, как еда и сон. Били детей и взрослых, крестьян, ремесленников, солдат, офицеров, чиновников. Каждый получал свою порцию палок, за исключением жрецов и высших вельмож, которых бить было уже некому. Поэтому наследник довольно равнодушно смотрел на крестьянина, избиваемого дубинкой, но его внимание привлек крестьянин, которого окунали в воду.

— Го! Го!.. — продолжал смеяться лодочник. — Здорово его накачивают!.. Разбухнет так, что придется жене распускать набедренник.

Рамсес велел подплыть к берегу. Тем временем крестьянина извлекли из воды, дали ему выкашляться и снова схватили за ноги, не обращая внимания на дикие крики женщины, которая царапала и кусала державших ее людей.

— Стой! — крикнул царевич палачам, тащившим крестьянина.

— Делайте свое дело! — заорал, для важности гнусава, человек в бараньем парике. — Экий, гляди, смельчак нашелся!..

В ту же минуту Рамсес со всего размаху ударил его по голове своей рейкой, которая, к счастью, оказалась не слишком увесистой. Владелец грязного хитона так и присел на землю и, схватившись за голову, посмотрел на нападавшего помутневшими глазами.

— Как видно, — проговорил он вполне естественным голосом, — я имею честь разговаривать со знатной особой... Да сопутствует тебе, господин мой, хорошее настроение, и пусть желчь никогда не разливается по твоему телу...

— Что вы тут делаете с этим человеком?.. — прервал его царевич.

— Ты спрашиваешь, мой господин, — ответил человек в бараньем парике, опять загнусавив, — как иностранец, который не знаком ни с местными обычаями, ни с людьми и разговаривает с ними слишком бесцеремонно. Так знай же, я — сборщик податей и служу благородному Дагону, первому банкиру в Мемфисе; и

если это не заставит тебя побледнеть, так знай вдобавок, что благородный Дагон является арендатором, уполномоченным и другом наследника престола, — да живет он вечно! — и что ты совершил насилие на земле царевича Рамсеса, что могут засвидетельствовать мои люди.

— Значит, это... — хотел перебить его царевич, но вдруг остановился. — По какому же праву вы мучаете так крестьянина, принадлежащего наследнику?

— Он, негодяй, не хочет платить налогов, а казна наследника опустела.

Его помощники при виде беды, какая постигла их начальника, выпустили из рук свои жертвы и стояли, беспомощностью своей напоминая обезглавленное тело. Освобожденный крестьянин снова принялся вытряхивать из ушей и выплевывать воду, а супруга его припала к ногам избавителя.

— Кто бы ты ни был, — причитала она, молитвенно протягивая руки к царевичу, — бог или даже посланец фараона, выслушай меня. Мы — крестьяне наследника престола, — да живет он вечно! — и заплатили мы все налоги — и просом, и пшеницей, и цветами, и бычьими шкурами. А тут приходит к нам вот этот человек и велит еще дать ему семь мер пшеницы. «По какому такому праву? — спрашивает мой муж. — Ведь все уже уплачено». А он валит его на землю, топчет ногами и кричит: «А по такому праву, что так приказал достойный Дагон». — «Откуда же мне взять, — отвечает мой муж, — когда у нас нет никакого хлеба и уже с месяц мы кормимся семенами или корешками лотоса, да и те стало трудно добывать, потому что большие господа любят забавляться его цветами».

Она зарыдала. Рамсес терпеливо ждал, пока она успокоится. Крестьянин же, которого перед тем окунали в воду, ворчал:

— Уж: эта баба своей болтовней накличет на нас беду. Говорил я тебе, что не люблю, когда бабы вмешиваются в мои дела.

Тем временем сборщик, подойдя поближе к лодочнику, спросил его потихоньку, указывая на Рамсеса:

— Кто этот молокосос?

— Чтоб у тебя язык отсох! — ответил лодочник. — Не видишь разве, что, должно быть, важный господин; хорошо платит и здорово дерется.

— Я сразу сообразил, — зашептал сборщик, — что это знатная особа. Когда я был молодым, мне не раз случалось участвовать в пирушках с важными господами.

— Ага, видно, от этих пирушек у тебя и остались жирные пятна на одежде, — буркнул в ответ лодочник.

Женщина, заплакавшись, снова заговорила:

— А сегодня пришел этот писец со своими людьми и говорит мужу: «Если нет у тебя пшеницы, отдай нам двух твоих сынишек; тогда достойный Дагон не только

снимет с тебя эти недоимки, но еще будет выплачивать за каждого мальчишку ежегодно по драхме...»

— Горе мне с тобой! — прикрикнул на нее муж, которого только что окунали в воду. — Сгубишь ты нас всех своей болтовней... Не слушай ее, добрый господин, — обратился он к Рамсесу. — Корова думает, что она хвостом отпугнет мух, а бабе кажется, что языком отгонит сборщиков податей. Не знают ни та, ни другая, что они дуры.

— Сам ты дурак, — оборвала его женщина. — Пресветлый господин наш... И вид-то у тебя как у царевича...

— Будьте свидетелями, — шепнул сборщик своим людям, — эта женщина кощунствует...

— Цветок душистый! Голос твой — что звук флейты... Выслушай меня, — молила женщина Рамсеса. — Так вот, муж мой и говорит этому чиновнику: «Я бы вам скорее отдал пару быков, если б они у меня были, чем своих мальчуганов, хоть бы вы мне платили за каждого по четыре драхмы в год. Уйдет ребенок из дому служить — никто его уж больше не увидит».

— Удавиться бы мне! Лучше бы уж рыбы клевали тело мое на дне Нила! — стонал муж. — Ты всех погубишь своими жалобами, баба...

Сборщик, видя поддержку с наиболее заинтересованной стороны, выступил вперед и опять заговорил, гнусава:

— С тех пор как солнце восходит из-за царского дворца и заходит за пирамидами, творились в этой стране разные чудеса... При фараоне Семемпсесе[58] происходили чудесные явления у пирамид Кахуна[59], и чума посетила Египет. При Боегосе[60] разверзлась земля под Бубастом и поглотила множество людей... В царствование Неферхеса[61] воды Нила в продолжение одиннадцати дней были сладки, как мед. Случались и не такие еще чудеса, о которых я знаю, ибо я преисполнен мудрости. Но никогда никто не видел, чтоб из воды вышел какой-то неизвестный человек и во владениях достойнейшего наследника стал препятствовать сбору налогов.

— Молчать! — крикнул Рамсес. — И убирайся вон отсюда. Никто не отберет у вас детей, — прибавил он, обращаясь к женщине.

— Мне нетрудно убраться, — ответил сборщик, — потому что в моем распоряжении легкая лодка и пять гребцов. Но дайте асе мне, ваша честь, какой-нибудь знак для господина моего Дагона.

— Сними парик и покажи Дагону знак на твоей башке и скажи ему, что такие же знаки я распишу по всему его телу.

— Вы слышите, какое оскорбление! — прошептал сборщик своим людям, пятясь к берегу с низкими поклонами. Он сел в лодку, и, когда его помощники отчалили и отплыли на несколько десятков шагов, он погрозил в сторону берега кулаком и крикнул:

— Чтоб вам все внутренности скрутило, бунтовщики! Святотатцы! Я отправлюсь отсюда прямо к наследнику и расскажу ему, что творится в его владениях.

Потом взял дубинку и стал тузить своих людей за то, что они не заступились за него.

— Так будет и с тобой!.. — кричал он, угрожая Рамсесу.

Царевич вскочил в свою лодку и, взбешенный, велел лодочнику плыть вдогонку за дерзким служащим ростовщика. Но человек в бараньем парике бросил дубинку и сам сел на весла, а люди его помогали ему так усердно, что погоня ни к чему не привела.

— Скорее сова догонит ласточку, чем мы их, прекрасный мой господин, — сказал, смеясь, лодочник Рамсесу. — А вы небось не инженер, следящий за подъемом воды, а офицер, и, пожалуй, из самой гвардии фараона? Сразу — бац по голове! Мне это дело знакомо: я и сам пять лет прослужил в армии и колотил по макушке да по пузу, и неплохо жилось мне на свете. А если меня, бывало, кто сшибет, — я сразу смекаю, что это кто-нибудь из важных... У нас в Египте — да не покинут его никогда боги! — страшно тесно: город на городе, дом на доме, человек на человеке. И кто хочет как-нибудь повернуться в этой гуще, должен лупить по голове.

— Ты женат? — спросил наследник.

— Хм! Когда есть баба и место на полтора человека, тогда женат, а вообще — холостой. Я ведь служил в армии и знаю, что баба хороша один раз в день — и то не всегда. Мешает.

— А не пойдешь ли ко мне на службу? Не пожалеешь...

— Прошу прощения, но я сразу увидел, что вы могли бы полком командовать, даром что так молоды. Только на службу я ни к кому не пойду, я — вольный рыбак. Дед мой был, прошу прощения, пастухом в Нижнем Египте, а род наш от гиксосов. Правда, донимает нас глупое египетское мужичье, но меня только смех берет. Мужик и гиксос, скажу прямо, как вол и бык. Мужик может ходить и за плугом, и перед плугом, а гиксос никому не станет служить. Разве что в армии его святейшества царя — на то она и армия!

Веселый лодочник продолжал разглагольствовать, но наследник больше не слушал. В душе его все громче звучали мучительнейшие вопросы, совершенно для него новые. Так, значит, эти островки, мимо которых он плыл, принадлежат ему. Странно, что он совсем не знал, где находятся и каковы его владения. И, значит, от его имени Дагон обложил крестьян новыми поборами, а то необычайное оживление, которое он наблюдал, плывя вдоль берегов, и было сбором податей. Крестьянину, которого били на берегу, очевидно, нечем было платить. Дети, горько плакавшие в лодке, были проданы по драхме за голову на целый год. А женщина, которая, стоя по пояс в воде, проклинала увозивших, — это их мать...

«Очень беспокойный народ эти женщины, — говорил себе царевич. — Одна только Сарра кротка и молчалива, а все другие только и знают, что болтать, плакать и кричать...»

Ему вспомнился крестьянин, уговаривавший свою сердитую жену: его топили, а он не возмущался; с ней же ничего не делали, а она орала.

«Да, женщины беспокойный народ!.. — повторял он мысленно. — Даже моя почтенная матушка... Какая разница между ней и отцом! Царь не хочет и знать о том, что я забыл о походе ради девушки, а вот царице есть дело даже до того, что я взял в дом еврейку. Сарра — самая спокойная женщина, какую я знаю. Зато Тафет тараторит, плачет, орет за четверых...»

Потом Рамсесу вспомнились слова жены крестьянина о том, что они уже месяц не едят хлеба, а только семена и корешки лотоса. Семена эти, как мак, а корни — без всякого вкуса. Он не стал бы их есть и три дня подряд. Ведь даже жрецы, занимающиеся лечением, рекомендуют менять пищу. Еще в школе его учили, что надо мясо чередовать с рыбой, пшеничный хлеб с финиками, ячменные лепешки с фигами. Но целый месяц питаться семенами лотоса!.. Да, а как же лошадь, корова?.. Лошади и коровы любят сено, а ячменные клецки приходится насильно пихать им в глотку. Возможно, и крестьяне предпочитают питаться семенами лотоса, а пшеничные и ячменные лепешки, рыбу и мясо едят без удовольствия. Впрочем, особенно благочестивые жрецы, чудотворцы, никогда не прикасаются ни к мясу, ни к рыбе. Очевидно, вельможи и сыновья фараона нуждаются в мясной пище, как львы и орлы, а крестьянам достаточно травы, как волу...

А что мужика окунали в воду за недоимки, так разве сам он, купаясь с товарищами, не толкал их в воду и сам не нырял? Сколько было при этом смеха! Нырять — это развлечение. Что же касается палки, то мало ли его били в школе?.. Это больно, но, должно быть, не всем. Собака, когда ее бьют, визжит и кусается, а вол далее не оглянется. Так и тут: человеку знатному больно, когда его бьют, а мужик кричит только для того, чтобы подрать глотку. Да и не все кричат. Солдаты или офицеры — те даже поют под палками...

Эти мудрые соображения не могли, однако, заглушить едва уловимого, но неотвязного беспокойства в душе наследника. Его арендатор Дагон требует с крестьян уплаты незаконных податей, чего они уже не в силах сделать!

Впрочем, в эту минуту наследника интересовали не столько крестьяне, сколько его мать. Ей-то, наверно, известно о хозяйничанье финикиянина. Что она скажет по этому поводу сыну, как посмотрит на него? Как лукаво улыбнется!.. Она не была бы женщиной, если б не напомнила ему при случае: «Ведь я же говорила тебе, Рамсес, что этот финикиянин разорит твои поместья!..»

«Если б эти предатели-жрецы, — продолжал размышлять царевич, — пожертвовали мне двадцать талантов, я бы завтра же прогнал Дагона, чтобы мои крестьяне не терпели побоев и не хлебали нильской воды, а мать не подсмеивалась надо мной... Десятая... сотая часть тех богатств, что лежат в

храмах, радуя лишь ненасытную алчность жрецов, на целые годы освободила бы меня от финикиян...»

И тут Рамсес пришел к неожиданному для себя заключению, что между крестьянами и жрецами существует глубокий антагонизм.

«Это из-за Херихора повесился тот крестьянин на границе пустыни. Это для того, чтобы содержать жрецов и храмы, тяжело трудятся около двух миллионов египтян... Если бы поместья жрецов принадлежали казне фараона, мне не пришлось бы занимать пятнадцать талантов и мои крестьяне не подвергались бы таким бесчеловечным притеснениям. Вот где источник бед Египта и слабости его владык!»

Царевич сознавал, что крестьяне терпят жестокую несправедливость, и, решив, что виновники зла — жрецы, обрадовался. Ему не приходило в голову, что его суждения могут быть ошибочны и несправедливы.

Впрочем, он не судил, а только возмущался. Но возмущение человека никогда не обращается против него самого, подобно тому как голодная пантера не ест самое себя, а, виляя хвостом и прижимая к голове уши, высматривает вокруг себя жертву.

13

Прогулки наследника престола с целью разыскать жреца, который спас Сарру, а ему дал дельный совет, привели к неожиданному результату. Жреца так и не удалось найти, зато среди египетских крестьян стали распространяться легенды о царевиче. Какой-то человек разъезжал по ночам в небольшом челноке из деревни в деревню и рассказывал крестьянам, что наследник престола освободил людей, которым за нападение на его дом грозила работа в каменоломнях; кроме того, царевич избил служащего, вымогавшего у крестьян незаконные налоги: «Царевич Рамсес находится под особым покровительством Амона — бога Западной пустыни, — который является его отцом», — добавлял незнакомец в заключение.

Простой народ жадно слушал эти рассказы и охотно верил им, во-первых, потому, что они совпадали с фактами, во-вторых, потому, что рассказывавший сам появлялся, как дух; приплывал неизвестно откуда и исчезал.

Рамсес совсем не говорил с Дагоном о своих крестьянах и даже не вызвал его к себе; ему было неудобно ссориться с финикиянином, от которого он получил деньги и к которому, пожалуй, еще не раз вынужден будет обращаться.

Однако спустя несколько дней после столкновения Рамсеса с писцом Дагона банкир сам явился к наследнику престола с каким-то завязанным в белый платок предметом. Войдя в комнату, он опустился на колени, развязал платок и вынул из него чудесный золотой кубок, богато украшенный разноцветными камнями и резьбой. На подставке был изображен сбор винограда, а на чаше — пиршество.

— Прими этот кубок, достойный господин, от раба твоего, — сказал банкир, — и пусть он служит тебе сто... тысячу лет... до скончания веков.

Рамсес, однако, догадался, чего добивается финикийнин. Поэтому, не прикасаясь к драгоценному подарку, он сказал, строго взглянув на Дагона:

— Ты видишь, Дагон, багряный отлив внутри кубка?

— Конечно, — ответил банкир, — как же мне не заметить этого багрянца, по которому видно, что кубок из чистейшего золота.

— А я тебе скажу, что это кровь детей, отнятых от родителей! — грозно ответил наследник престола и ушел, оставив Дагона одного.

— О Ашторет! — простонал финикийнин.

Губы у него посинели и руки стали дрожать так, что он с трудом снова завернул свой кубок.

Несколько дней спустя Дагон отправился с этим кубком к Сарре. Он нарядился в дорогое платье, тканное золотом; в густой бороде у него был спрятан стеклянный шарик, из которого струились благовония, в волосы он воткнул два пера.

— Прекрасная Сарра, — начал он, — да низольет Яхве столько благословений на твою семью, сколько сейчас воды в Ниле. Ведь мы, финикийяне, и вы, евреи, — соседи и братья. Я сам пылаю к тебе такой пламенной любовью, что если б ты не принадлежала достойнейшему господину нашему, я дал бы Гедеону, — да здравствует он благополучно! — десять талантов и сделал бы тебя своей законной женой. Такая у меня страстная натура!

— Упаси меня бог, — ответила Сарра, — не нужно мне другого господина, кроме моего. Но с чего это, почтенный Дагон, пришла тебе охота навестить сегодня прислужницу царевича?

— Скажу тебе правду, как если бы ты была Фамарью, женой моей, которая, хоть она и знатная дочь Сидона и принесла мне большое приданое, стара уже и недостойна снимать сандалии с твоих ног...

— Сладкий мед, что течет из твоих уст, отдаст полынью, — заметила Сарра.

— Сладость его, — продолжал Дагон, присаживаясь, — пусть будет для тебя, а горечь пусть отравляет мое сердце. У господина нашего, Рамсеса, — да живет он вечно! — львиные уста и ястребиная зоркость. Он соизволил сдать мне в аренду свои поместья, что наполнило радостью чрево мое. Но, увы, он не доверяет мне, и я ночи не сплю от огорчения, а только вздыхаю и обливаю слезами свое ложе, где лучше бы ты возлежала со мною, Сарра, вместо моей старухи, которая не в силах уже пробудить во мне страсть...

— Вы хотели говорить о чем-то другом... — перебила его Сарра, покраснев.

— Я уж и сам не знаю, о чем хотел говорить, с тех пор, как увидел тебя, и с тех пор, как наш господин, проверяя, как я хозяйничаю в его владениях, избил

дубинкой моего писца, собиравшего подати с крестьян, так что тот лишился здоровья. Ведь эти подати не для меня, Сарра, а для нашего господина... Не я буду есть фиги и пшеничный хлеб из этих поместий, а ты, Сарра, и наш господин... Я дал господину деньги, а тебе драгоценности. Почему же подлое египетское мужичье должно разорять нашего господина и тебя, Сарра?.. А чтобы ты поняла, как волнуешь ты мою кровь своей красотой, и чтобы знала, что от этих поместий я не ищущу никакой прибыли, а все отдаю вам, возьми, Сарра, вот этот кубок из чистого золота, разукрашенный камнями и резьбой, которая привела бы в восторг самих богов...

С этими словами Дагон вынул из белого платка кубок, не принятый царевичем.

— Я не настаиваю, Сарра, чтоб этот золотой кубок хранился у тебя в доме и чтобы ты давала из него пить нашему господину. Отдай его твоему отцу Гедеону, которого я люблю, как брата, и скажи ему такие слова: «Дагон, твой брат-близнец, злополучный арендатор поместий наследника престола, разорен. Пей, отец мой, из этого кубка, думай о брате-близнеце Дагоне и проси Яхве, чтобы господин наш, царевич Рамсес, не избивал его писцов и не подстрекал своих крестьян, которые и без того не хотят платить подати». А ты, Сарра, знай, что если б ты допустила меня когда-нибудь к себе, я бы дал тебе два таланта, а твоему отцу талант, и еще стыдился бы, что даю так мало, ибо ты достойна, чтобы тебя ласкал сам фараон, и наследник престола, и благороднейший министр Херихор, и доблестный Нитагор, и самые богатые финикийские банкиры. Ты так прекрасна, что, когда я вижу тебя, теряю голову, а когда не вижу, закрываю глаза и облизываюсь. Ты слаще фиг, душистее роз... Я дал бы тебе пять талантов... Возьми же кубок, Сарра...

Сарра, опустив глаза, отодвинулась.

— Я не возьму кубка, — ответила она, — мой господин запретил мне принимать от кого-либо подарки.

Дагон уставился на нее удивленными глазами.

— Ты, вероятно, не представляешь себе, Сарра, как дорого стоит эта вещь?.. К тому же я дарю ее твоему отцу, моему брату...

— Я не могу принять... — тихо повторила Сарра.

— О боги!.. — вскричал Дагон. — Ну хорошо, Сарра, ты заплатишь мне как-нибудь, только не говори своему господину... Такая красавица, как ты, не может обходиться без золота и драгоценностей, без своего банкира, который доставал бы для нее деньги, когда ей захочется, а не только тогда, когда пожелает ее господин!..

— Не могу!.. — прошептала Сарра, не скрывая своего отвращения к Дагону.

Финикиянин сразу же переменил тон и продолжал, смеясь:

— Прекрасно, Сарра!.. Я хотел только убедиться, верна ли ты нашему господину. Теперь я вижу, что верна, хотя глупые люди болтают...

— Что?.. — вспыхнула девушка, бросаясь к Дагону со сжатыми кулаками.

— Ха-ха-ха! — смеялся финикийнин. — Как жаль, что этого не слышал и не видел наш господин. Но я ему когда-нибудь расскажу, когда он будет в хорошем настроении, что ты не только верна ему, как собака, но даже отказалась взять золотой кубок, потому что он не велел тебе принимать подарки. А этот кубок, поверь мне, Сарра, соблазнил уже не одну женщину... и какие это были женщины!

Дагон посидел еще немного, расточая похвалы добродетели и покорности Сарры, и наконец любезно распрощался с нею, сел в свою лодку с шатром и отплыл в Мемфис. Но по мере того как лодка удалялась, улыбка исчезала с лица финикийнина, сменяясь выражением гнева. Когда же дом Сарры скрылся за деревьями, Дагон встал и, воздев руки, стал причитать:

— О Баал Сидон! О Ашторет! Отомстите за мою обиду проклятой дочери Иуды. Да сгинет ее коварная красота, как капля дождя в пустыне! Да источат болезни ее тело, безумство да обуяет ее душу! Да прогонит ее господин из дому, как паршивую свинью! Да придет время, что люди будут отталкивать ее иссохшую руку, когда она, истомленная жаждой, будет молить их, чтобы они дали ей глоток мутной воды!

И он долго еще плевался, продолжая что-то бурчать себе под нос, пока черная туча не закрыла на минуту солнце и не забурлила вода вокруг лодки, вздымаясь пенистыми валами.

Когда он кончил, солнце снова засияло, но река продолжала клокотать, как будто начинался новый подъем воды.

Гребцы Дагона испугались и перестали петь, но, отделенные от своего господина завесой шатра, они не видели, что он там делал.

С тех пор финикийнин не показывался больше на глаза наследнику престола. Однако, вернувшись как-то раз к себе в павильон, царевич застал в своей спальне прекрасную шестнадцатилетнюю финикийскую танцовщицу, весь наряд которой достоял из золотого обруча на голове и тонкого, как паутина, шарфа на плечах.

— Кто ты? — спросил он.

— Я — жрица и твоя прислужница. А прислал меня господин Дагон, чтобы я отвратила твой гнев от него.

— Как же ты это сделаешь?

— Вот так... Садись сюда, — сказала она, усаживая его в кресло. — Я стану на цыпочки, чтобы быть выше, чем твой гнев, и вот этим освященным шарфом буду отгонять от тебя злых духов. Кыш!.. Кыш!.. — зашептала она, кружась перед Рамсесом. — Пусть руки мои прогонят тучи с твоего чела... Пусть мои поцелуи вернут глазам твоим ясный взор... Пусть биение моего сердца наполнит музыкой слух твой, повелитель Египта! Кыш!.. Кыш!.. Он не ваш... он мой... Любовь требует такой тишины... что даже гнев должен смолкнуть перед ней.

Танцуя, она играла волосами Рамсеса, обнимала его, целовала в глаза. Наконец, утомленная, присела у его ног и, положив голову к нему на колени, пытливо смотрела на него, полуоткрыв губы и прерывисто дыша.

— Ты не гневаешься больше на твоего слугу Дагона? — шептала она, глядя лицо царевича.

Рамсес хотел было поцеловать ее в губы, но она соскочила с его колен и убежала.

— О нет, нельзя!

— Почему?

— Я — девственница, жрица великой богини Астарты. Ты должен очень любить и чтить мою покровительницу и только тогда мог бы поцеловать меня.

— А тебе можно?..

— Мне все можно, потому что я жрица и дала обет сохранить чистоту.

— Зачем же ты сюда пришла?

— Рассеять твой гнев. Я это сделала и ухожу. Прощай и будь всегда здоров и милостив!.. — прибавила она, бросив на Рамсеса неотразимый взгляд.

— Где же ты живешь? Как тебя зовут? — спросил царевич.

— Меня зовут Ласка, а живу я... Э, да стоит ли говорить тебе? Ты еще не скоро придешь ко мне.

Она махнула рукой и исчезла, а царевич, как одурманенный, продолжал сидеть в кресле. Однако немного погодя он встал и, выглянув в окно, увидел богатые носилки, которые четыре нубийца быстро несли к берегу Нила.

Рамсес не жалел, что она ушла. Она его поразила, но не увлекла.

«Сарра спокойнее... и красивее, — подумал он. — К тому же... эта финикиянка, должно быть, холодна и ласки ее заученны».

Но с этой минуты царевич перестал сердиться на Дагона, а как-то раз, когда он был у Сарры, к нему пришли крестьяне и, поблагодарив за защиту, сообщили, что финикиянин не заставляет их больше платить новые подати.

Так было под Мемфисом. Зато в других владениях царевича арендатор старался наверстать свое.

14

В месяце хойяк, с половины сентября до половины октября, воды Нила достигли самого высокого уровня и начали чуть заметно убывать. В садах собирали плоды тамариндов, финики и оливки. Деревья зацвели во второй раз.

В эту пору его святейшество Рамсес XII покинул свой солнечный дворец под Мемфисом и с огромной свитой на нескольких десятках разукрашенных судов

отправился в Фивы благодарить тамошних богов за обильный разлив, а заодно совершать жертвоприношения на могилах своих вечно живущих предков.

Всемогущий повелитель весьма милостиво простился со своим сыном и наследником. Однако управление государственными делами на время своего отсутствия поручил Херихору.

Царевич Рамсес так принял к сердцу это доказательство монаршего недоверия, что три дня не выходил из своего павильона, ничего не ел и только плакал. Потом он перестал бриться и перебрался к Сарре, чтобы избежать встреч с Херихором и назло матери, которую считал виновницей своих несчастий.

На следующий же день в этом уютном уголке его навестил Тутмос, притащив с собой две лодки с музыкантами и танцовщицами и третью, нагруженную всякими яствами, цветами и винами. Царевич, однако, отправил музыкантов и танцовщиц обратно и, взяв Тутмоса под руку, пошел с ним в сад.

— Наверное, тебя прислала сюда моя мать, — да живет она вечно! — чтоб отвлечь меня от еврейки? — спросил он своего адъютанта. — Так передай ей, что если бы даже Херихор стал не только наместником, но сыном фараона, — это не мешало бы мне делать то, что я хочу. Я понимаю, что это значит... Сегодня у меня захотят отнять Сарру, а завтра власть. Пускай же знают, что я не откажусь ни от того, ни от другого.

Наследник был раздражен. Тутмос пожал плечами и, помолчав, ответил:

— Как буря уносит птицу в пустыню, так гнев выбрасывает человека на скалы несправедливости. Разве можно удивляться недовольству жрецов тем, что наследник престола связывает свою жизнь с женщинами другой страны и веры? Сарра им тем более негодна, что она у тебя одна. Если бы ты имел несколько женщин и разных, как у всех молодых людей высшего круга, никто бы не обращал внимания на еврейку. Да, в конце концов, что они ей сделали дурного? Ничего. Напротив, какой-то жрец защитил ее от разъяренной толпы головорезов, которых ты соблаговолил потом освободить из тюрьмы.

— А моя мать? — перебил его наследник.

Тутмос рассмеялся.

— Твоя досточтимая матушка любит тебя, как свои глаза и сердце. Но, по правде говоря, ей тоже не нравится Сарра. Знаешь, что сказала мне однажды царица?.. Чтоб я отбил у тебя Сарру!.. Вот ведь какую придумала шутку!.. Я ответил ей тоже шуткой: «Рамсес подарил мне свору гончих и двух сирийских лошадей, когда они ему надоели. Пожалуй, он когда-нибудь отдаст мне и свою любовницу, которую я должен буду принять от него, да еще, возможно, с некоторым приложением».

— Напрасно ты так думаешь. Я теперь не расстанусь с Саррой — и именно потому, что из-за нее отец не назначил меня своим наместником.

Тутмос покачал головой.

— Ты сильно ошибаешься, — возразил он, — так ошибаешься, что меня это даже пугает. Неужели ты действительно не знаешь истинной причины немилости фараона, которая известна всякому здравомыслящему человеку в Египте?

— Ничего не знаю.

— Тем хуже, — проговорил в смущении Тутмос. — Разве тебе неизвестно, что со времени маневров солдаты, особенно греки, во всех кабаках пьют за твоё здоровье?..

— Для того они и получили деньги.

— Да, но не для того, чтоб орать во всю глотку, что когда ты после его святейшества, — да живет он вечно! — вступишь на престол, ты начнешь большую войну, в результате которой в Египте произойдут перемены. Какие перемены?.. И кто при жизни фараона смеет говорить о планах наследника?..

Наследник нахмурился.

— Это одно, а теперь скажу тебе и другое, — продолжал Тутмос, — потому что зло, как гиена, никогда не ходит в одиночку. Ты знаешь, что крестьяне поют песни про то, как ты освободил из тюрьмы нападавших на твой дом, и, что еще хуже, говорят, что когда ты вступишь на престол, то снимешь с простого народа налоги. А ведь известно, что всякий раз, как среди крестьян начинались разговоры о притеснениях и налогах, дело кончалось мятежом. И тогда или внешний враг вторгнулся в ослабленное государство, или Египет распался на столько частей, сколько в нем было номархов... Сам посуди наконец, подобающее ли это дело, чтобы в Египте чье-нибудь имя произносилось чаще, чем имя фараона, и чтобы кто-нибудь становился между народом и нашим повелителем. А если ты мне разрешишь, я расскажу тебе, как смотрят на это жрецы.

— Разумеется, говори...

— Так вот, один премудрый жрец, наблюдающий с пилонов храма Амона движение небесных светил, рассказал такую притчу: «Фараон — это солнце, а наследник престола — луна. Когда луна следует за лучезарным богом поодаль, бывает светло днем и светло ночью. Когда же луна слишком близко подходит к солнцу, тогда она теряет свое сияние и ночи бывают темные. А если случается, так, что луна становится впереди солнца, тогда наступает затмение и во всем мире переполох».

— И вся эта болтовня, — перебил Рамсес, — доходит до ушей его святейшества? Горе мне! Лучше бы мне не родиться сыном фараона!..

— Фараон, будучи богом на земле, знает все. Однако он слишком велик, чтобы обращать внимание на пьяные выкрики солдатни или на ропот мужиков. Он знает, что каждый египтянин отдаст за него жизнь, и ты — первый.

— Верно! — ответил огорченный царевич. — Но во всем этом я вижу лишь новые козни жрецов, — прибавил он, оживляясь. — Значит, я затмеваю величие нашего владыки тем, что освобождаю невинных из тюрьмы или не позволяю своему

арендатору вымогать у крестьян незаконные подати? А то, что достойнейший Херихор управляет армией, назначает военачальников и ведет переговоры с чужеземными князьями, а отца заставляет проводить дни в молитвах...

Тутмос зажал уши и затопал ногами.

— Замолчи! Замолчи!.. Каждое твое слово — кощунство. Государством управляет только фараон, и все, что творится на земле, совершается по его воле. Херихор же слуга фараона и делает то, что повелевает ему владыка. Когда-нибудь ты сам убедишься в этом (пусть никто не поймет моих слов в дурном смысле!).

Лицо царевича так омрачилось, что Тутмос поспешил проститься с другом.

Усевшись в лодку с балдахином и занавесками, он облегченно вздохнул, выпил добрый кубок вина и предался размышлениям.

«Ух!.. слава богам, что у меня не такой характер, как у Рамсеса, — думал он. — Это самый несчастный человек, несмотря на то, что так высоко вознесен судьбой... Он мог бы обладать красивейшими женщинами Мемфиса, а остается верен одной, чтобы досадить матери! Но досаждают не царице, а всем добродетельным девам и верным женам, которые сохнут от огорчения, что наследник престола, и к тому же такой красавец, не посягает на их добродетель и не принуждает их к неверности. Он мог бы не только пить лучшие вина, но даже купаться в них, а между тем предпочитает простое солдатское пиво и сухую лепешку, натертую чесноком. Откуда у него эти мужицкие вкусы? Непонятно! Уж не загляделась ли царица Никотриса некстати на обедающего невольника?..

Он мог бы с утра до вечера ничего не делать. Всякие знатные господа, их жены и дочери готовы кормить его с ложечки, как ребенка. А он не только сам протягивает руку, чтобы взять себе поесть, но, к великому огорчению знатной молодежи, сам моется и одевается, а его парикмахер от безделья все дни напролет ловит силками птиц, зарывая в землю свой талант.

О Рамсес, Рамсес!.. — горестно вздыхал щеголь. — Ну разве при таком царевиче может развиваться мода?.. Из года в год носим мы все такие же передники, а парик удерживается только благодаря придворным вельможам, так как Рамсес совсем отказался от него, и это весьма умаляет достоинство благородной знати.

А всему виною... брр... проклятая политика... Какое счастье, что мне не надо гадать, о чем думают в Тире или Ниневии, заботиться о жалованье войскам, высчитывать, на сколько прибавилось или убавилось население в Египте и какие можно собрать с него налоги! Страшное дело говорить себе: мои крестьяне платят мне не столько, сколько мне надо или сколько я расходу, а сколько позволяет разлив Нила. Ведь кормилец наш Нил не спрашивает у моих кредиторов, сколько я им должен...»

Так размышлял утонченный Тутмос, то и дело подкрепляясь золотистым вином. И, пока лодка доплыла до Мемфиса, его сморил такой глубокий сон, что рабам пришлось нести его до носилок на руках.

После его ухода, который похож: был скорее на бегство, наследник престола глубоко задумался. Его охватило тревожное чувство. Как воспитанник жреческой школы и представитель высшей аристократии, царевич был скептиком. Он знал, что в то время как одни жрецы умерщвляют свою плоть и постятся, надеясь обрести умение вызывать духов, другие считают это пустой выдумкой и шарлатанством. Он не раз видел, как священного быка Аписа, перед которым падает ниц весь Египет, колотили палкой самые низшие жрецы, задававшие ему корм и подводившие к нему коров для случки.

Понимал он также, что отец его, Рамсес XII, который был для народа вечно живущим богом и всемогущим повелителем мира, в действительности такой же человек, как и все, — только он больше хворает, чем другие люди его возраста, и очень связан в своих действиях жрецами.

Все это знал царевич и над многими вещами иронизировал про себя, а иногда и вслух. Но его вольнодумство склонялось перед непреложной истиной: шутить с именем фараона никому нельзя!..

Царевич знал историю своей страны и помнил, что в Египте знатным и сильным прощалось многое. Знатный господин мог засыпать канал, убить тайно человека, посмеиваться втихомолку над богами, принимать подношения от чужеземных послов... Но что не допускалось ни под каким видом, так это разоблачение жреческих тайн и измена фараону. Тот, кто совершал то или другое, исчезал бесследно, иногда и не сразу, а спустя целый год, хотя бы его и окружали многочисленные друзья и слуги. О том, куда он девался и что с ним случилось, никто не смел и спрашивать.

С некоторых пор Рамсес понял, что солдаты и крестьяне, превознося его имя и толкуя о каких-то его планах, предстоящих переменах и будущих войнах, оказывают ему дурную услугу. Ему казалось, что безыменная толпа нищих и бунтовщиков насильно поднимает его, наследника престола, на вершину высочайшего обелиска, откуда он может только упасть и разбиться насмерть. Когда-нибудь впоследствии, когда после долгой жизни отца он станет фараоном, он будет обладать и правом и средствами совершать такие дела, о которых никто в Египте не смеет даже подумать. А сейчас ему действительно следует остерегаться, как бы его не сочли бунтовщиком, посягающим на основы государства.

В Египте существует один признанный повелитель — фараон. Он управляет, он высказывает желания, он думает за всех, и горе тому, кто осмелился бы сомневаться в его всемогуществе либо говорить о своих планах и намерениях и даже о возможности каких бы то ни было перемен.

Все планы возникали лишь в одном месте — в зале, где фараон выслушивал своих ближайших советников и высказывал свое мнение. Всякие перемены исходили только оттуда. Там горел единственный зримый светоч государственной мудрости, озаряющий весь Египет. Но и об этом безопаснее было молчать.

Эти мысли с быстротой вихря проносились в голове наследника, когда он сидел в саду Сарры на каменной скамье под каштановым деревом и смотрел на окружающий ландшафт.

Воды Нила уже начинали спадать и становились прозрачными, как хрусталь. Но вся страна еще была похожа на большой залив, густо усеянный островками, где виднелись дома, окруженные садами и огородами, или купы высоких раскидистых деревьев.

Вокруг этих островков торчали журавли с ведрами, при помощи которых обнаженные меднокожие люди в грязных набедренниках и чепцах черпали воду из Нила и передавали ее все выше и выше в расположенные один над другим водоемы.

Один уголок особенно привлек внимание Рамсеса.

Это был крутой холм, на склоне которого работали три журавля, — один черпал воду из реки и переливал ее в самый нижний водоем, другой из нижнего поднимал ее на несколько локтей выше в средний, третий из среднего передавал воду в водоем, расположенный на самой вершине. А там такие же голые люди черпали воду и поливали огороды или с помощью ручных насосов опрыскивали деревья.

Движения то опускающихся, то поднимающихся вверх журавлей, мелькание ведер, струи, выбрасываемые насосами, были до того ритмичны, что управляющих ими людей можно было принять за автоматы. Никто не обмолвится словом с соседом, не переменит места и только мерно сгибается и разгибается с утра до вечера, из месяца в месяц, и так — с детства до самой смерти.

«И эти существа, — размышлял царевич, глядя на работающих земледельцев, — хотят сделать меня исполнителем своих бредней. Каких перемен могут они требовать в государстве?.. Разве чтобы тот, кто черпает воду в нижний водоем, перешел наверх и, вместо того чтобы поливать гряды из ведра, стал обрызгивать деревья из насоса?»

Его охватила ярость против этих людей: из-за их дурацкой болтовни он не был назначен наместником.

Вдруг он услышал тихий шорох деревьев, и чьи-то неясные руки легли на его плечи.

— Что ты, Сарра? — спросил царевич, не поворачивая головы.

— Ты грустишь, господин мой. Моисей не так обрадовался земле обетованной, как я, когда ты сказал, что переезжаешь сюда, чтобы жить со мной. И вот уже целые сутки мы вместе, а я еще не видела улыбки на твоём лице. Ты даже не говоришь со мной, ходишь хмурый и ночью не ласкаешь меня, а только вздыхаешь.

— Я очень огорчен...

— Поделись со мной. Печаль — как сокровище, данное нам на хранение. Пока стережешь его один, даже сон бежит от глаз, и только тогда становится легче, когда найдешь другого сторожа.

Рамсес обнял ее и посадил рядом с собой на скамейку.

— Когда крестьянин, — сказал он с улыбкой, — не успеет до разлива убрать с поля урожай, ему помогает жена. Она же доит коров, носит ему обед из дому, обмывает его, когда он возвращается с работы. Отсюда и создалось представление, что женщина может облегчить мужчине заботы.

— А ты в это не веришь, господин?

— Заботы наследника престола, — ответил Рамсес, — не в силах облегчить женщина, даже такая умная и властная, как моя мать...

— О господи! Какие же это заботы, скажи мне, — не отставала Сарра, прижимаясь к плечу Рамсеса. — По нашим преданиям, Адам ради Евы покинул рай; а это был, пожалуй, самый великий царь самого прекрасного царства.

Царевич задумался. Потом сказал:

— И наши мудрецы учат, что не один мужчина отказывался от высоких почестей ради женщины. Но не слышно, чтобы кто-нибудь благодаря женщине возвысился. Разве какой-нибудь военачальник, которому фараон отдал дочь с богатым приданым и наградил высокой должностью. Нет, помочь мужчине стать великим или хотя бы вырваться из сетей забот женщины не в силах.

— Может быть, потому, что ни одна не любит так, как я тебя, господин мой, — прошептала Сарра.

— Я знаю, что такая любовь встречается редко... Ты никогда не требовала подарков, не покровительствовала людям, которые не стесняются искать карьеры даже в спальнях фараоновых любовниц. Ты кротка, как овечка, и тиха, как ночь над Нилом. Поцелуи твои — как благовония страны Пунт, а объятия сладки, как сон утомленного трудом человека. Я не нашел бы достойных слов, чтобы восхвалить тебя. Ты — чудо среди женщин, уста которых всегда наполняют мужчину тревогой, а любовь обходится дорого. Но, при всех своих совершенствах, чем можешь ты облегчить мои заботы? Можешь ли ты сделать так, чтобы его святейшество предпринял большой поход на Восток и назначил меня главнокомандующим, или дал мне хотя бы корпус Менфи, которого я добивался, или сделал меня правителем Нижнего Египта? И можешь ли ты внушить всем подданным царя, чтобы они думали и чувствовали, как я, самый преданный ему?

Сарра опустила руки на колени и печально прошептала:

— Правда, это я не могу... Я ничего не могу!..

— Нет, ты можешь многое!.. Можешь развеселить меня, — ответил, улыбаясь, Рамсес. — Я знаю, что ты училась танцевать и играть. Сбрось свое платье,

длинное, как у жрицы, охраняющей огонь, переоденься в прозрачную кисею, как... финикийские танцовщицы. И танцуй, ласкай меня, как они...

Сарра схватила его за руку и с пылающими глазами воскликнула:

— Ты знаешься с этими распутницами? Скажи... Пусть я услышу о своем несчастье... А потом отошли меня к отцу в нашу долину среди пустыни, где я встретила тебя на своей горе.

— Ну, полно, успокойся, — сказал царевич, играя ее волосами. — Мне приходится видеть танцовщиц если не на пирушках, то на царских торжествах или во время молебствий в храмах. Но все они вместе не стоят тебя одной... Да и кто из них мог бы сравниться с тобой? Ты как статуя Исиды, изваянная из слоновой кости, а у тех у каждой какой-нибудь недостаток. Одни слишком толсты, у других слишком худые ноги или безобразные руки, а есть и такие, что носят чужие волосы. Нет ни одной, которая была бы так прекрасна, как ты!.. Будь ты египтянкой — все храмы добивались бы иметь тебя предводительницей хора. Да что я говорю, — если бы ты сейчас появилась в Мемфисе в прозрачном платье, жрецы примирились бы с тобой, только бы ты согласилась участвовать в процессиях.

— Нам, дочерям Иудеи, нельзя носить нескромные одежды.

— И ни танцевать, ни петь? Зачем же ты училась этому?

— Наши женщины и девушки танцуют только друг с другом во славу господина, а не для того, чтобы возбуждать в сердцах мужчин пламя страсти. А поем мы... Подожди, господин мой, я спою тебе...

Она встала со скамейки, ушла в дом и вскоре вернулась обратно. За ней молодая девушка с испуганными черными глазами несла арфу.

— Кто эта девушка? — спросил царевич. — Погоди, где-то я видел этот взгляд... Ах да, когда я был здесь в последний раз, чьи-то испуганные глаза следили за мной из-за кустов.

— Это Эсфирь, моя родственница и прислужница. Она живет у меня уже месяц, но боится тебя, господин, и всегда убегает. Возможно, что она когда-нибудь и смотрела на тебя из-за кустов.

— Можешь идти, дитя мое, — сказал царевич ошеломленной от робости девушке. Когда же она скрылась за деревьями, спросил: — Она тоже еврейка? А этот сторож твоей усадьбы, который смотрит на меня, как баран на крокодила?

— Это Самуил, сын Ездры, тоже мой родственник. Я взяла его вместо негра, которого ты, господин, отпустил на свободу. Ты ведь разрешил мне самой выбирать слуг?

— О да, конечно! А надсмотрщик над работниками? У него тоже желтый цвет кожи, и глядит он смиренно, как ни один египтянин. Он тоже еврей?

— Это Езекиил, сын Рувима, родственник моего отца, — ответила Сарра. — Тебе он не нравится, господин мой?.. Это все очень преданные тебе слуги.

— Нравится ли он мне? Он здесь не для того, чтобы мне нравиться, а чтоб охранять твое добро, — отвечал царевич, барабаня пальцами по скамье. — Впрочем, мне нет никакого дела до этих людей... Пой, Сарра...

Сарра опустилась на траву у его ног и, взяв несколько аккордов на арфе, запела:

— «Где тот, у кого нет тревог, кто, отходя ко сну, мог бы сказать: „Вот день, который я провел без печали“? Где человек, который, сходя в могилу, сказал бы: „Жизнь моя протекла без забот и страданий, как тихий вечер над Иорданом“?»

А как много таких, что каждый день поливают хлеб свой слезами и дом их полон вздыханий!

С плачем вступает в мир человек, со стоном покидает он землю. Исполненный страха входит он в жизнь, исполненный горечи нисходит в могилу, и никто не спрашивает его, где бы он хотел остаться.

Где тот, кто не изведал горечи жизни? Быть может, ребенок, которого смерть лишила матери? Или младенец, не знающий материнской груди, ибо голод иссушил ее раньше, чем он успел прильнуть к ней устами?

Где человек, уверенный в себе, который без страха ждет завтрашнего дня? Не тот ли, что работает в поле, зная, что не в его власти дождь и не он указывает дорогу саранче? Не купец ли, отдающий свои богатства на волю ветров, не зная, откуда они подуют, и жизнь доверяющий слепой пучине, которая все поглощает без возврата?

Где человек без тревоги в душе? Не охотник ли, преследующий быстроногую лань и встречающий на своем пути льва, для которого его стрела — игрушка? Или солдат, что, в трудах и лишениях шествуя к славе, встречает лес острых копий и бронзовых мечей, жаждущих крови? Или великий царь, что под порфирой носит тяжелые доспехи, недремлющим оком следит за войсками могучих соседей, а ухом ловит каждый шорох, дабы у него же в шатре не сразила его измена?

Всегда и повсюду исполнено печали сердце человека. В пустыне угрожают ему лев и скорпион, в пещерах — дракон, между цветами — ядовитая змея. При свете солнца жадный сосед замышляет, как бы отнять у него землю, ночью коварный вор нащупывает дверь в его кладовую. В детстве он беспомощен, в старости бессилен, в цвете лет окружен опасностями, как кит водною бездной.

Потому, о господь, создатель мой, к тебе обращается исстрадавшаяся душа человека. Ты ее послал в этот мир, где столько засад и сетей. Ты вселил в нее страх смерти, ты преградил все пути к покою, кроме одного, который ведет к тебе. Как дитя, не умеющее ходить, хватается за подол матери, чтобы не упасть, так жалкий человек взывает к твоему милосердию и обретает успокоение...»

Сарра умолкла. Царевич задумался и немного погодя сказал:

— Вы, евреи, мрачный народ. Если б в Египте так верили, как учит ваша песня, на берегах Нила замер бы смех, богатые попрятались бы в подземельях храмов, а

народ, вместо того чтобы работать, укрылся бы в пещерах и тщетно ждал бы там милости богов. У нас другая жизнь. Мы всего можем достичь, но каждый должен надеяться лишь на себя. Наши боги не помогают трусам. Они спускаются на землю лишь тогда, когда герой, отважившийся на сверхчеловеческий подвиг, исчерпает все свои силы. Так было с Рамсесом Великим, когда он бросился в гущу вражеских колесниц, — их было две с половиною тысячи и в каждой по три воина. Лишь тогда бессмертный отец Амон пришел ему на помощь и довершил разгром. А если б, вместо того чтобы драться, он стал ожидать помощи вашего бога, тогда на берегах Нила египтянин давно ходил бы лишь с ведром и глиной, а презренные хетты — с папирусами и дубинками! Поэтому, Сарра, твоя красота скорее, чем твоя песнь, рассеет мою тоску. Если бы я вел себя, как еврейские мудрецы, и дожидался защиты неба, вино убежало бы от уст моих и женщины забыли бы дорогу к моему дому. А главное — я не был бы наследником фараона, подобно моим сводным братьям, из которых один не может пройти через комнату, не опираясь на двух рабов, а другой прыгает по деревьям!..

15

На следующее утро Рамсес послал своего негра с поручениями в Мемфис, и к полудню к усадьбе Сарры причалила большая лодка с греческими солдатами в высоких шлемах и блестящих доспехах.

По команде шестнадцать человек, вооруженных щитами и короткими копьями, высадились на берег и построились в две шеренги. Они собирались уже двинуться к дому Сарры, как их остановил второй посланец царевича; он приказал солдатам остаться на берегу и вызвал к наследнику только начальника их, Патрокла.

Отряд, повинувшись команде, стоял неподвижно, словно два ряда колонн, обитых блестящей жостью. За посланным пошел только Патрокл, в шлеме с перьями и пурпурной тунике, в золоченых латах, украшенных на груди изображениями женской головы с клубком змей вместо волос.

Наследник принял славного военачальника в воротах сада. Он не улыбнулся, как всегда, даже не ответил на низкий поклон Патрокла, а, холодно взглянув на него, сказал:

— Передай, достойнейший, воинам моих греческих полков, что я не буду производить с ними учений, пока фараон, наш повелитель, вторично не назначит меня их начальником. Они лишились этой чести, когда спьяну вздумали кричать обо мне в кабаках то, что я считаю для себя оскорблением. Обращаю также твое внимание на недопустимую распущенность греческих полков. Твои воины в общественных местах болтают о политике, о какой-то предполагаемой войне, что похоже на государственную измену. О таких делах могут говорить только фараон и члены государственного совета. Мы же, солдаты и слуги нашего повелителя, какое бы положение ни занимали, обязаны только молча исполнять приказы всемилостивейшего властелина. Прошу тебя, достойнейший, передать это моим полкам и желаю тебе здравствовать!

— Приказание твое будет исполнено, — ответил грек и, повернувшись на месте, звеня оружием, направился к своей лодке.

Он знал о разговорах солдат в харчевнях и сразу понял, что случилось что-то неприятное для наследника, которого армия обожала. Поэтому, подойдя к отряду, стоявшему на берегу, он придал своему лицу грозное выражение и, неистово размахивая руками, крикнул:

— Доблестные греческие воины! Собаки паршивые, чтоб вас источила проказа!.. Если с этой минуты кто-нибудь из греков произнесет в кабаке имя наследника престола, я разобью кувшин об его голову, а черепки всажу ему в глотку — и вон из полка! Будете свиней пасти у египетских мужиков, а в ваши шлемы станут яйца класть куры. Такая судьба ждет безмозглых солдат, не умеющих держать язык за зубами. А теперь — налево кругом и марш в лодку, чтоб вас мор истребил! Солдат его святейшества должен прежде всего пить за здоровье фараона и благороднейшего военного министра Херихора, — да живут они вечно!

— Да живут они вечно! — повторили солдаты.

Все сели в лодку хмурые. Однако, подъезжая к Мемфису, Патрокл расправил морщины на лбу и велел запеть песню, под которую особенно легко шагалось и особенно бойко ударяли о воду весла. Это была песня про дочь жреца, которая так любила военных, что клала в свою постель куклу, а сама проводила все ночи с часовыми в караульной.

Под вечер к усадьбе Сарры причалила другая лодка, из которой вышел на берег главный управляющий поместьями Рамсеса.

Царевич и этого вельможу принял в воротах сада — может быть, из строгости, а может быть, не желая, чтоб тот заходил в дом к наложнице-еврейке.

— Я хотел, — заявил наследник, — повидать тебя и сказать, что среди моих крестьян ходят какие-то нелепые рассказы о снижении податей или о чем-то в этом роде... Надо, чтобы крестьяне знали, что я их от податей не избавлю. Если же кто-нибудь, несмотря на предупреждение, не перестанет болтать об этом, — будет наказан палками.

— Может быть, лучше брать с них штраф... дебен или драхму, как прикажешь? — вставил главный управляющий.

— Может быть. Пусть платят штраф, — ответил царевич после минутного раздумья.

— А не наказать ли самых строптивых палками, чтобы лучше помнили милостивый приказ?

— Можно. Пусть строптивых накажут палками.

— Осмелюсь доложить, — проговорил шепотом, не разгибая спины, управляющий, — что одно время крестьяне, подстрекаемые каким-то неизвестным, действительно говорили о снятии налогов. Но вот уже несколько дней, как эти разговоры вдруг прекратились.

— Ну, в таком случае можно и не наказывать, — решил Рамсес.

— Разве для острастки на будущее? — предложил управляющий.

— А не жаль вам палок?

— Этого добра у нас всегда хватает.

— Во всяком случае, умеренно, — предупредил его царевич. — Я не хочу, чтобы до фараона дошло, что я без нужды истязую крестьян. За крамольные разговоры нужно бить и взимать штрафы, но если нет причин, можно показать себя великодушным.

— Понимаю, — ответил управляющий, глядя в глаза царевичу, — пусть кричат, сколько вздумается, только бы не болтали втихомолку чего не следует.

Эти разговоры с Патроклом и управляющим облетели весь Египет.

После отъезда управляющего Рамсес зевнул и окинув все кругом скучающим взглядом, мысленно сказал себе:

«Я сделал, что мог. А теперь, если только выдержу, ничего больше не буду делать...»

В этот момент со стороны служб до него донесся тихий стон и частые удары. Рамсес обернулся и увидел, что надсмотрщик Езекиил, сын Рувима, колотит дубинкой работника, приговаривая:

— Тише!.. Не кричи!.. Подлая скотина!..

Работник зажимал рукою рот, чтобы заглушить свои вопли.

Рамсес бросился было, словно пантера, к службам, но одумался.

«Что я могу с ним сделать?.. — подумал он. — Ведь это имение Сарры, а еврей — ее родственник...»

Он стиснул зубы и скрылся между деревьями, тем более что расправа была уже окончена.

«Значит, вот так хозяйничают покорные евреи? Значит, вот так? На меня смотрит, как испуганная собака, а сам бьет работников. Неужели они все такие?»

И впервые в душе Рамсеса шевельнулось подозрение, что, быть может, и Сарра только притворяется доброй.

В душевном состоянии Сарры действительно совершались некоторые перемены. В первую минуту встречи в долине Рамсес понравился ей; Но она сразу же насторожилась, узнав, к своему огорчению, что этот красивый юноша — сын фараона и наследник престола. Когда же Тутмос договорился с Гедеоном о том, что Сарра переедет в дом царевича, она долго не могла прийти в себя. Ни за какие сокровища она не отреклась бы от Рамсеса, но вряд ли можно утверждать, что она любила его и в эту пору. Любовь требует свободы и времени, чтобы взрастить лучшие свои цветы; ей же не дали ни времени, ни свободы. На

следующий же день после встречи с Рамсесом, ее, почти не спросив согласия, перевезли в его усадьбу под Мемфисом. А через несколько дней она стала любовницей царевича и, изумленная, испуганная, не понимала, что с ней творится.

Не успела она освоиться с новой жизнью, как ее взволновало и испугало недоброжелательное отношение к ней, еврейке, окрестных жителей, потом посещение каких-то незнакомых знатных женщин и, наконец, нападение на усадьбу.

То, что Рамсес заступился за нее и хотел погнаться за нападающими, привело ее в еще больший ужас. Она поняла, что находится в руках такого властного и горячего человека, который может пролить чужую кровь, убить...

Сарра пришла в отчаяние; ей казалось, что она сойдет с ума. Она слышала, как грозно царевич призывал к оружию прислугу.

Но одно незначительное словечко, мимолетно брошенное им тогда, отрезвило ее и придало новое направление ее чувствам.

Рамсес, думая, что она ранена, сорвал с ее головы повязку и, увидав синяк, воскликнул:

— Это только синяк! Но как он меняет лицо...

Сарра забыла в ту минуту и боль и страх. Ее охватило новое беспокойство. Синяк изменил ее лицо. Это удивило царевича. Только удивило!..

Синяк прошел через несколько дней, но в душе Сарры осталось и продолжало расти незнакомое дотоле чувство: она стала ревновать Рамсеса и бояться, чтобы он ее не бросил.

И еще одна забота мучила ее: она чувствовала себя перед ним служанкой, рабой. Она была и хотела быть вернейшей его служанкой, самой преданной рабыней, послушной, как тень, но в то же время мечтала, чтобы он, по крайней мере, в минуту ласк не обращался с ней как господин и владыка.

Ведь она принадлежит ему, а он ей. Почему же он не покажет, что любит ее хоть немного, а каждым словом, всем своим поведением дает понять, что их разделяет какая-то пропасть? Какая?.. Разве она не держала его в своих объятиях? Разве он не целовал ее уста и грудь?

Однажды Рамсес приехал к ней с собакой. Он пробыл всего несколько часов, но все время собака лежала у его ног на месте Сарры; а когда она хотела сесть там же, собака заворчала на нее. Царевич смеялся и так же погружал пальцы в шерсть нечистого животного, как в ее волосы, и собака так же смотрела ему в глаза, как она, только, пожалуй, смелее.

Сарра не могла успокоиться и возненавидела умное животное, которое отнимало у нее часть его ласк и так бесцеремонно обращалось с ее господином, как она сама не решилась бы никогда. Разве могла бы она так равнодушно смотреть в сторону, когда рука наследника лежала на ее голове?

Недавно он снова упомянул о танцовщицах. Сарра вспыхнула:

«Как? Он мог позволить этим голым бесстыжим женщинам ласкать себя?.. И Яхве, видя это с высокого неба, не поразил громом распутниц?..»

Правда, Рамсес сказал, что она ему дороже всех. Но слова его не успокоили Сарру. Она решила не думать больше ни о чем, кроме своей любви. Что будет завтра — неважно.

И когда она пела у ног Рамсеса песнь о страданиях и печалях, сопутствующих человеку от колыбели до могилы, она излила в ней свою душу, свою последнюю надежду — на бога.

Теперь Рамсес был с ней, и она могла быть счастлива.

Но тут-то как раз и началось для Сарры самое горькое.

Царевич жил с ней под одной кровлей, гулял с ней по саду, иногда брал с собой в лодку и катал по Нилу, однако нисколько не стал к ней ближе, чем тогда, когда жил на другом берегу, в дворцовом парке.

Он был с нею, но думал о чем-то другом, и Сарра даже не могла угадать, о чем. Он обнимал ее или играл ее волосами, но смотрел в сторону Мемфиса, не то на огромные пилоны фараонова дворца, не то куда-то вдаль...

Иногда он даже не отвечал на ее вопросы или вдруг смотрел на нее, точно проснувшись, как будто удивленный, что видит ее рядом с собой.

16

Таковы были, довольно редкие, впрочем, минуты особенной близости между Саррой и ее царственным возлюбленным. Отдав приказ Патроклу и управляющему поместьями, наследник проводил большую часть дня за пределами усадьбы, чаще всего в лодке. И, плавая по Нилу, либо ловил сетью рыбу, которая целыми косяками ходила в благословенной реке, либо бродил по болотам и, прячась между высокими стеблями лотоса, стрелял из лука дичь, носившуюся над его головой крикливыми стаями, густыми, словно мошкара. Но и тут не покидали его честолюбивые мечты. Он устраивал себе нечто вроде гадания. Иногда, завидя на воде выводок желтых гусей, он натягивал тетиву и задумывал: «Если не промахнусь, буду вторым Рамсесом Великим...». Тихо просвистев, стрела падала, и пронзенная птица, трепыхая крыльями, издавала такой душераздирающий крик, что над всем болотом поднимался переполох. Тучи гусей, уток и аистов взлетали ввысь и, описав над умирающим товарищем большой круг, садились где-нибудь подальше. Когда все стихало, Рамсес осторожно проталкивал лодку, всматриваясь туда, где колышется камыш, и прислушиваясь к отрывистым голосам птиц. Завидев же среди зелени зеркало чистой воды и новую стаю, он снова натягивал тетиву лука и говорил:

— Если попаду, буду фараоном. Если не попаду...

Стрела на этот раз шлепалась в воду и, подскочив несколько раз на ее поверхности, исчезала среди лотоса. А Рамсес, уже войдя в азарт, выпускал все новые и новые стрелы, убивая птиц или только спугивая их.

В усадьбе узнавали, где он находится, по крику птичьих стай, которые поминутно поднимались в воздух над его лодкой.

Когда под вечер, усталый, он возвращался домой, Сарра уже ждала его на пороге с тазом воды, кувшином легкого вина и венками из роз. Царевич улыбался ей, гладил по щеке, но, заглядывая в ее кроткие глаза, думал:

«Хотелось бы мне знать, способна ли она бить египетских крестьян, как ее всегда испуганные родичи? О, моя мать права, не доверяя евреям! Но Сарра, может быть, не такая, как другие!»

Однажды, вернувшись домой раньше обыкновенного, он застал во дворе перед домом весело игравших голых ребятишек. Завидев его, все эти желтокожие существа разбежались с криком, как дикие гуси на болоте, и не успел он подняться на крыльцо, как их и след простыл.

— Что это за мелюзга, которая от меня убегает? — спросил он у Сарры.

— Это дети твоих слуг, — ответила Сарра.

— Евреев?

— Моих братьев.

— Боже! Ну и плоховит ваш народ! — засмеялся царевич. — А это кто такой? — прибавил он, указывая на человека, боязливо выглядывавшего из-за угла.

— Это Аод, сын Барака, мой родственник. Он хочет служить тебе, господин. Можно мне взять его сюда?

Рамсес пожал плечами.

— Усадьба твоя, — ответил он, — и ты можешь брать на службу всех, кого хочешь. Однако если эти люди будут так множиться, они скоро заполнят весь Мемфис.

— Ты не любишь моих братьев? — прошептала Сарра, с тревогой глядя на Рамсеса и опускаясь к его ногам.

Царевич с удивлением посмотрел на нее.

— Да я о них и не думаю, — ответил он пренебрежительно.

Эти мелкие размолвки, которые огненными каплями жгли сердце Сарры, не изменили отношения к ней Рамсеса. Он был приветлив и, как всегда, ласков с ней, хотя все чаще и чаще глаза его устремлялись на другой берег Нила, к мощным пилонам дворца.

Вскоре добровольный изгнанник заметил, что не только он тоскует. Однажды с того берега отчалила нарядная царская ладья, пересекла Нил по направлению к Мемфису и стала кружить так близко от усадьбы, что Рамсес мог разглядеть

плывших в ней. Он узнал свою мать, которая восседала под пурпурным балдахинном, окруженная придворными дамами; против нее на низкой скамейке сидел наместник Херихор. Правда, они не смотрели в его сторону, но Рамсес понимал, что они наблюдают за ним.

«Ага! — усмехнулся он про себя. — Моя достопочтенная матушка и господин министр хотят извлечь меня отсюда до возвращения фараона».

Настал месяц тоби, конец октября и начало ноября. Воды Нила спадали на уровень в полтора роста человека, с каждым днем открывая новые пространства черной вязкой земли. Как только вода сходила, сейчас же на это место устремлялась узкая соха, влекомая двумя волами. За сохой шел нагой пахарь, рядом с волами — погонщик с коротким кнутом, а за ним сеятель; увязая по щиколотку в иле, он нес в переднике зерна пшеницы и разбрасывал их полными горстями.

Для Египта начиналось лучшее время года — зима. Температура не превышала пятнадцати градусов, земля быстро покрывалась изумрудной зеленью, среди которой, словно искры, вспыхивали нарциссы и фиалки; их аромат все чаще примешивался к терпкому запаху земли и воды.

Уже несколько раз лодка с царицей Никотрисой и наместником Херихором появлялась поблизости от дома Сарры. Каждый раз царевич видел, что его мать весело разговаривает с министром, и убеждался, что они нарочно не смотрят в его сторону, как будто желая выказать ему свое пренебрежение.

— Подождите! — сердито прошептал наследник. — Я вам покажу, что и я не скучаю.

И вот, когда однажды, незадолго до заката солнца, отчалила от того берега раззолоченная царская ладья со страусовыми перьями по углам разбитого над ней пурпурного шатра, Рамсес приказал приготовить лодку на двоих и сказал Сарре, что поедет с ней кататься.

— Яхве! — воскликнула Сарра, всплеснув руками. — Да ведь там твоя матушка и наместник!

— А здесь будет наследник! Возьми с собой свою арфу, Сарра.

— Как, и арфу? — спросила она, дрожа. — А если твоя досточтимая матушка захочет говорить с тобой?.. Я тогда брошусь в воду!

— Не будь ребенком, Сарра, — ответил, смеясь, наследник. — Досточтимый наместник и моя мать очень любят пение. Ты можешь даже привлечь к себе их симпатию, если споешь какую-нибудь красивую еврейскую песню, что-нибудь про любовь.

— Я не знаю таких, — ответила Сарра, в душе которой слова Рамсеса пробудили надежду. А вдруг и в самом деле ее пение понравится этим могущественным особам, и тогда...

В дворцовой лодке заметили, что наследник престола садится с Саррой в простой челнок и даже сам гребет.

— Смотрите, ваше высокопреосвященство, — шепнула царица министру, — он плывет нам навстречу со своей еврейкой.

— Наследник повел себя так разумно в отношении своих воинов и крестьян и проявил столько раскаяния, удалившись от двора, что вы, ваше величество, можете простить ему эту маленькую бестактность, — ответил министр.

— О, если бы не он сидел в этой скорлупке, я бы приказала потопить ее! — с возмущением сказала царица-мать.

— Почему? — спросил министр. — Царевич не был бы потомком верховных жрецов и фараонов, если бы не старался разорвать узду, которую, к сожалению, налагает на него закон или наши, быть может, и несовершенные обычаи. Как бы там ни было, он показал, что в важных случаях умеет владеть собою. Он способен даже признать собственные ошибки, что является редким достоинством, неоценимым в наследнике престола. А то, что он хочет подразнить нас своей возлюбленной, доказывает, что ему причиняет боль та немилость, в которой он очутился, хотя побуждения у него были самые благородные.

— Но эта еврейка! — шептала царица, нервно теребя веер из перьев.

— Она меня больше не беспокоит, — продолжал министр. — Это красивое, но неумное создание, которое не собирается, да и не сумело бы использовать свое влияние на наследника. Она не принимает подарков и даже никого не видит, запершись в своей не слишком уж дорогой клетке. Со временем, быть может, она научилась бы пользоваться своим положением любовницы наследника престола и сумела бы урвать из его казны несколько десятков талантов. Но пока это случится, она надоест Рамсесу.

— Да гласит твоими устами Амон всеведущий!

— Я в этом не сомневаюсь. Царевич никогда не совершал ради нее безумств, как это случается с молодыми людьми нашего круга, которых одна какая-нибудь ловкая интриганка может лишить состояния, здоровья и даже довести до суда. Он забавляется ею, как зрелый мужчина невольницей. А то, что Сарра беременна...

— Вот как?.. — воскликнула царица. — Откуда ты знаешь?

— Об этом не знает ни наследник, ни даже сама Сарра, — улыбнулся Херихор. — Но мы должны все знать. Впрочем, этот секрет нетрудно было раскрыть. При Сарре находится ее родственница Тафет, женщина необычайно болтливая.

— Уже приглашали врача?

— Повторяю, Сарра ничего не знает. А почтенная Тафет из опасения, чтобы царевич не охладил к ее воспитаннице, охотно уморила бы ребенка. Но мы ей не позволим. Ведь это будет ребенок наследника.

— А если сын?.. Он может причинить нам много хлопот, — сказала царица.

— Все предусмотрено, — продолжал жрец. — Если будет дочь, мы дадим ей приданое и воспитание, какое подобает девушке высокого рода. Если же сын — он останется евреем.

— Мой внук — еврей!..

— Не отталкивай его от себя раньше времени, государыня. Наши послы сообщают, что народ израильский начинает мечтать о своем царе. Пока ребенок подрастет — мечты эти созреют. И тогда мы... мы дадим им повелителя, и поистине хорошей крови!

— Ты, как орел, охватываешь взором восток и запад, — сказала царица, глядя на него с восхищением. — Я чувствую, что мое отвращение к этой девушке начинает ослабевать.

— Самая ничтожная капля крови фараонов должна сиять над народами, как звезда над землей, — произнес Херихор.

Теперь лодочка наследника была всего в нескольких десятках шагов от большой дворцовой ладьи, и супруга фараона, закрывшись веером, посмотрела сквозь его перья на Сарру.

— Воистину она хороша собой!.. — прошептала она.

— Ты говоришь это уже второй раз, досточтимая госпожа.

— Тебе и это известно, — улыбнулась царица.

Херихор потупил взор.

На челноке царевича зазвучала арфа, и Сарра дрожащим голосом запела:

— «Как велик твой господь! Как велик твой господь бог, Израиль!»

— Чудесный голос! — прошептала царица.

Верховный жрец внимательно слушал.

— «Дни его не имеют начала, — пела Сарра, — а дом его не имеет границ. Вечное небо меняется пред оком его, подобно одеждам, которые человек надевает на себя и снимает. Звезды загораются и гаснут, как искры от твердого дерева, земля же — словно камешек, которого путник коснулся ногой и пошел дальше.

О, как велик господь твой, Израиль! Нет никого, кто посмел бы сказать ему: «Сделай так!» Нет лона, которое бы его породило. Он сотворил безбрежные бездны и носится над ними по своей воле. Тьму он превращает в свет, из праха земного создает живых тварей и наделяет их голосом.

Страшные львы для него — что мелкая саранча; огромный слон для него ничто, а кит при нем — что младенец.

Его трехцветная радуга делит небеса на две части, упираясь в края земли. Где врата, что сравнились бы с ней величиной своею? Грохот его колесницы

повергает в трепет народы, и нет ничего под солнцем, что укрылось бы от его искрометных стрел.

Его дыхание — северный ветер, оживляющий истомленные деревья; его дуновение — хамсин, сжигающий землю.

Когда он протянет руку свою над водами, — воды превращаются в камень. Он переливает моря с места на место, как женщина брагу из кадки в кадку. Он раздирает землю, как истлевший холст, и покрывает серебряным снегом нагие вершины гор.

Он скрывает в пшеничном зерне сотню новых зерен, и он же учит птицу высиживать птенцов. Он пробуждает в спящей куколке золотистую бабочку и велит человеческому телу в могиле ожидать воскресения...»

Заслушавшись песней, гребцы подняли весла, и пурпурная царская ладья медленно поплыла по течению реки. Вдруг Херихор поднялся и скомандовал:

— Правьте обратно к Мемфису!

Весла ударили по воде, ладья круто повернула и с шумом стала пробиваться вверх по течению. Ей вслед неслась постепенно стихавшая песнь Сарры:

— «Он видит биение сердца травяной тли и таинственные тропы, по которым бродит одинокая мысль человека. Но нет человека, который бы заглянул в его сердце и отгадал его намерения.

Перед лучезарностью его одежд сильнейшие духом заслоняют свое лицо. Перед его взглядом боги могучих народов и городов чахнут и засыхают, как увядший лист.

Он — сила. Он — жизнь. Он — мудрость. Он — твой господь, твой бог, Израиль!..»

— Почему ты приказал гребцам плыть обратно? — спросила царица Никотриса Херихора.

— Ты знаешь, государыня, какая это песнь?.. — ответил Херихор на языке, понятном только жрецам. — Эта глупая девчонка поет среди Нила молитву, которую разрешается произносить только в святая святых наших храмов.

— Значит, это кощунство?

— К счастью, в нашей лодке находится только один жрец, — ответил министр. — Я этого не слышал, а если бы даже и слышал, то забуду. Боюсь, однако, чтобы боги не наложили руку на эту девушку.

— Но откуда она знает эту страшную молитву?.. Ведь не мог же Рамсес ее научить?..

— Царевич тут ни при чем. Не забывай, государыня, что евреи не одно такое сокровище унесли из Египта. Потому-то мы и считаем их святотатцами.

Царица взяла верховного жреца за руку.

— Но с моим сыном, — прошептала она, заглядывая ему в глаза, — ничего плохого не случится?

— Ручаюсь тебе, государыня, что ни с кем не случится ничего дурного, раз я ничего не слышал и ничего не знаю. Но царевича надо разлучить с этой девушкой.

— Только никаких крутых мер! Не правда ли, наместник? — просительно промолвила мать.

— Как можно мягче, как можно незаметнее, но это необходимо. Мне казалось, — продолжал верховный жрец как будто про себя, — что я все предусмотрел, все — за исключением обвинения в кошунстве, которое из-за этой женщины может грозить наследнику! — Херихор задумался и прибавил: — Да, государыня! Можно пренебречь многими нашими предрассудками, но одно несомненно: сын фараона не должен связывать свою жизнь с еврейкой.

17

С того вечера, когда Сарра пела в лодке, дворцовая ладья не появлялась больше на Ниле, и царевич Рамсес стал скучать не на шутку. Приближался месяц мехир, декабрь. Вода убывала, освобождая все новые пространства земли, трава с каждым днем становилась все выше и гуще, и среди нее разноцветными брызгами пестрели душистые цветы. Словно островки на зеленом море, появлялись за один день цветущие лужайки — белые, голубые, желтые, розовые ковры, от которых веяло упоительным ароматом.

Несмотря на это, царевич тосковал и даже чего-то страшился. Со дня отъезда отца он не был во дворце, и никто оттуда не приходил к нему, не исключая Тутмоса, который после их последнего разговора скрылся, как змея в траве. Может быть, придворные щадили его уединение, а может быть, хотели ему досадить или просто боялись посещать опального наследника? Рамсес не знал.

«Возможно, отец и меня отстранит от престола, как старших братьев, — думал иногда Рамсес, и на лбу у него выступал пот, а ноги холодели. — Что тогда делать?»

Вдобавок ко всему Сарра была нездорова: худела, бледнела, большие глаза ее ввалились, иногда по утрам она жаловалась на тошноту.

— Уж не сглазил ли кто бедняжку! — стонала хитрая Тафет, которую Рамсес не мог выносить за ее вечную болтовню и дурные повадки. Несколько раз наследник видел, как Тафет отправляет поздним вечером в Мемфис огромные корзины с едой, бельем и даже с посудой. На следующий день она жаловалась, что в доме не хватает муки, вина или посуды. С тех пор как наследник переехал в усадьбу, уходило в десять раз больше продуктов, чем прежде.

«Я уверен, — думал Рамсес, — что эта болтливая ведьма обкрадывает меня для своих евреев, которые днем исчезают из Мемфиса, а ночью шныряют, как крысы, по грязным закоулкам».

В те дни единственным развлечением царевича было наблюдать за сбором фиников.

Голый крестьянин подходил к высокой, прямой и гладкой, как колонна, пальме, обвивал дерево и себя веревочной петлей и, упираясь пятками в ствол, а всем корпусом откинувшись назад, лез вверх. Поднявшись немного, он подвигал петлю еще на несколько дюймов вверх и, рискуя свернуть себе шею, карабкался таким образом все выше и, достигая иногда высоты двух-трех этажей, взбирался на самую макушку, увенчанную пучком огромных листьев и гроздьями фиников.

Свидетелями этих акробатических упражнений были, кроме Рамсеса, еврейские дети. Первое время они не показывались. Потом из-за кустов, из-за ограды стали выглядывать курчавые головки и черные блестящие глаза.

Видя, что царевич не прогоняет их, дети вышли из засады и осторожно приблизились к дереву. Самая смелая девочка подняла с земли прекрасный плод и протянула его Рамсесу, а один из мальчиков, выбрав самый маленький финик, съел его. После этого дети, осмелев, стали и сами есть плоды и угощать Рамсеса. Сначала приносили ему самые лучшие, потом похуже и, наконец, совсем негодные. Будущий властелин мира задумался и сказал про себя: «Они всюду пролезут и всегда будут так меня потчевать: хорошим на приманку, а в благодарность гнилым».

Он поднялся и мрачно удалился; а детвора Израиля, как стайка птичек, накинулась на труд крестьянина, который, сидя высоко над ними, напевал песенку, не думая ни о своем хребте, ни о том, что собирает не для себя.

Непонятная болезнь Сарры, частые ее слезы, заметно исчезающая миловидность, а больше всего шумное хозяйничанье в усадьбе ее родичей, которые уже перестали стесняться, вконец отравили Рамсесу пребывание в этом красивом уголке. Он перестал кататься на лодке и охотиться, не смотрел, как собирают финики, а хмурый бродил по саду или поглядывал с террасы на дворец фараона.

Без приглашения он никогда бы туда не вернулся, но начал подумывать об отъезде в свое поместье, расположенное в Нижнем Египте, неподалеку от моря.

В таком настроении духа застал его Тутмос, который прибыл однажды в парадной дворцовой ладье и привез наследнику приглашение от фараона.

Его святейшество возвращался из Фив и выразил желание, чтобы наследник выехал встречать его.

Царевич бледнел и краснел, читая милостивое письмо царя. Он был так взволнован, что не заметил на Тутмосе ни огромного нового парика, от которого исходил запах пятнадцати различных благовоний, ни туники и плаща, более прозрачного, чем дымка тумана, ни украшенных золотом и бисером сандалий.

Наконец Рамсес пришел в себя и, не глядя на Тутмоса, спросил:

— Что ж ты так давно не был у меня? Тебя испугала немилость, в которую я попал?

— О боги! — воскликнул блестящий фронт. — Когда это ты был в немилости и у кого? Каждый гонец царя справлялся от его имени о твоём здоровье. А досточтимая царица Никотриса и достойнейший Херихор несколько раз подплывали к твоему дому, надеясь, что ты сделаешь им навстречу хоть сто шагов, после того как они сделали несколько тысяч. Об армии я уже не говорю. Солдаты твоих полков молчат во время ученья, как пальмы, и не выходят из казарм. А доблестный Патрокл от огорчения целыми днями пьёт и ругается.

Значит, царевич не был в немилости, а если и был, то она кончилась!.. Эта мысль подействовала на Рамсеса, как кубок хорошего вина. Он быстро принял ванну и умастил своё тело, надел новое бельё и поверх него военный кафтан, взял свой шлем с перьями и направился к Сарре, которая лежала, бледная, под присмотром Тафет.

Сарра вскрикнула, увидев его в таком наряде. Она присела на кровати и, охватив руками его шею, проговорила чуть слышно:

— Ты уезжаешь, господин мой!.. И уже больше не вернешься!

— Почему ты так думаешь? — удивился наследник. — Разве я в первый раз уезжаю?

— Я помню тебя в такой же одежде там... в нашей долине, — продолжала Сарра. — О, где то время?.. Оно так быстро пролетело и, кажется, было так давно...

— Но я вернусь, Сарра! И привезу тебе искуснейшего лекаря.

— Зачем? — вмешалась Тафет. — Она здорова, моя пава... Ей нужно только отдохнуть. А египетские лекари доведут её до настоящей болезни.

Рамсес даже не взглянул на болтливую бабу.

— Это был самый лучший месяц в моей жизни, — сказала Сарра, прижимаясь к Рамсесу. — Но он не принес мне счастья.

С царской ладьи слышался звук рожка, повторяя сигнал, данный выше по реке.

Сарра вздрогнула.

— О, ты слышишь, господин, эти страшные звуки?.. Ты слышишь и улыбаешься и — горе мне! — рвешься из моих объятий. Когда зовет рожок, ничто тебя не удержит, а меньше всех твоя рабыня.

— Ты хотела бы, чтоб я вечно слушал кудахтанье усадебных кур? — перебил её царевич раздражённо. — Прощай! Будь здорова и весела и жди меня...

Сарра выпустила его из объятий и посмотрела на него так жалобно, что наследник смягчился и погладил её.

— Ну, успокойся... Тебя пугают звуки наших рожков... А разве они в тот раз были плохим предзнаменованием?..

— Господин! Я знаю, они тебя удержат там. Так окажи мне последнюю милость... Я дам тебе, — продолжала она, всхлипывая, — клетку с голубями. Они тут

родились и выросли... И вот... как только ты вспомнишь о своей служанке, открой клетку и выпусти одного голубка... Он принесет мне весточку от тебя, а я поцелую его... и приласкаю... как... как... А теперь иди!

Царевич обнял ее и направился к ладье, поручив негру, чтоб тот дождался голубей от Сарры и догнал его в челноке.

При появлении наследника затрещали барабаны, завизжали пищалки, и гребцы приветствовали его громкими криками. Очутившись среди солдат, наследник вздохнул всей грудью и потянулся, точно освободившись от пут.

— Ну, — обратился он к Тутмосу, — надоели мне и бабы и евреи... О Осирис! Лучше повели изжарить меня на медленном огне, но не заставляй сидеть дома.

— Да, — поддакнул Тутмос, — любовь как мед: ее можно отведать, но невозможно в ней купаться. Брр!.. Даже мурашки пробегают по телу, как вспомню, что ты чуть не два месяца провел, питаюсь поцелуями ночью, финиками по утрам и ослиным молоком в полдень.

— Сарра очень хорошая девушка, — остановил его царевич.

— Я говорю не о ней, а о ее родичах, которые облепили усадьбу, как папирус болото. Видишь, вон они смотрят тебе вслед, а может быть, даже шлют прощальные приветствия, — не унимался льстец.

Рамсес с раздражением отвернулся в сторону. Тутмос же игриво подмигнул офицерам, как бы желая дать им понять, что теперь Рамсес не скоро покинет их общество.

Чем дальше продвигались они вверх по реке, тем гуще толпился народ на берегах Нила, тем оживленнее сновали здесь лодки, тем больше плыло цветов, венков и букетов, бросаемых навстречу ладье фараона.

На целую милю за Мемфисом стояли толпы с хоругвями, с изображениями богов и музыкальными инструментами, и слышался гул, напоминающий шум бури.

— А вот и царь! — восторженно воскликнул Тутмос.

Глазам зрителя представилось единственное в своем роде зрелище. Посреди широкой излучины плыла огромная ладья фараона; нос ее был изогнут, как лебединая шея. Справа и слева, словно два огромных крыла, скользили бесчисленные лодки верноподданных, а сзади богатым веером развернулись ладьи сопровождавшей фараона свиты. Все плясали, пели, хлопали в ладоши или бросали цветы навстречу золотистому шатру, на котором развевался черно-голубой флаг — знак присутствия фараона.

Люди в лодках были точно пьяные, люди на берегу — как ошалелые. То и дело какая-нибудь лодка толкала или опрокидывала другую, кто-нибудь падал в воду, откуда, к счастью, бежали крокодилы, вспугнутые небывалым шумом. Люди на берегу толкались, никто не обращал внимания ни на соседа, ни на отца или ребенка и не сводил глаз с золоченого носа ладьи и царского шатра. Воздух оглашался криками:

— Живи вечно, властелин наш!.. Свети, солнце Египта!..

Офицеры, солдаты и гребцы в ладье царевича, сбившись в одну кучу, тоже старались перекричать друг друга. Тутмос, забыв о наследнике престола, вскарабкался на высокий нос судна и чуть было не шлепнулся в воду.

Вдруг на ладье фараона затрубили рога. Им мгновенно ответил рожок с лодки Рамсеса. Второй сигнал — и ладья наследника подплыла к огромной ладье фараона.

Придворный чиновник громко позвал Рамсеса. Между обоими суднами был переброшен кедровый мостик с резными перилами; еще мгновение — и сын предстал перед отцом.

Встреча с фараоном и буря гремевших возгласов так ошеломили царевича, что он не мог вымолвить ни слова. Он припал к ногам отца, который прижал его к своей груди.

Немного спустя полотнища шатра распахнулись, и народ на обоих берегах Нила увидел фараона на троне, а на верхней ступени — коленопреклоненного наследника, голова его лежала на груди отца.

Воцарилась такая тишина, что слышен был шелест знамен на судах. И вдруг раздался всеобщий крик, более могучий, чем раньше; это народ радовался примирению отца с сыном, поздравлял нынешнего фараона и приветствовал будущего. Если кто рассчитывал на нелады в семье фараона, то сейчас он мог убедиться, что новая ветвь царского рода крепко держится на стволе.

У царя был больной вид. Он нежно поздоровался с сыном и, посадив его рядом с тронном, сказал:

— Душа моя рвалась к тебе, Рамсес, тем сильнее, чем лучше были вести о тебе. Теперь я вижу, что ты не только юноша с львиным сердцем, но и рассудительный муж, способный взвешивать свои поступки и сдерживать себя в интересах государства.

Взволнованный Рамсес молча припал к ногам отца. Царь продолжал:

— Ты правильно поступил, отказавшись от двух греческих полков, ибо тебе полагается весь корпус Менфи, и отныне я назначаю тебя командующим.

— Отец!.. — прошептал взволнованно наследник.

— Кроме того, в Нижнем Египте, с трех сторон открытом нападением врага, мне нужен храбрый и рассудительный муж, который видел бы все, умел бы все взвесить и быстро действовать в случае необходимости. Поэтому я назначаю тебя своим наместником в той половине царства.

У Рамсеса слезы полились из глаз: он прощался с юностью и радовался власти, к которой столько лет так страстно стремилась его душа.

— Я устал и болен, — продолжал властелин, — и если бы не беспокойство о будущем государства и о том, что я оставляю тебя в таком юном возрасте, я уже

сейчас просил бы своих вечно живущих предков отозвать меня в обитель своей славы. Но так как с каждым днем мне становится все труднее, ты, Рамсес, начнешь уже сейчас делить со мной бремя власти. Как насадка учит своих цыплят отыскивать зерна и защищаться от ястреба, так я научу тебя многотрудному искусству управления государством и бдительности к коварным козням врагов, чтоб ты мог со временем налетать на них, как орел на пугливых куропаatok.

Царская ладья и ее нарядная свита причалили к дворцовой набережной. Утомленный повелитель сел в носилки. А в это время к наследнику подошел Херихор.

— Разрешите мне, досточтимый царевич, — обратился он к наследнику, — первым выразить свою радость по поводу твоего возвышения. Желаю тебе с равным счастьем предводительствовать полками и управлять важнейшей провинцией государства во славу Египта!

Рамсес крепко пожал ему руку.

— Это ты сделал, Херихор? — спросил он.

— Ты этого заслужил, — ответил министр.

— Прими мою благодарность; ты убедишься, что она чего-нибудь да стоит.

— Твои слова уже достаточная для меня награда, — ответил Херихор.

Рамсес хотел уйти, но Херихор остановил его.

— Одно словечко, наследник, — сказал он ему. — Предостереги свою женщину, Сарру, чтоб она не пела религиозных песен.

И когда Рамсес посмотрел на него с удивлением, он добавил:

— В тот раз, во время прогулки по Нилу, эта девушка пела священнейший наш гимн; слышать его имеют право только фараоны и высшие жрецы. Бедняжка могла бы жестоко поплатиться за свое искусство и неосведомленность.

— Значит, она совершила кощунство? — спросил в смущении наследник.

— Сама того не зная, — ответил верховный жрец. — К счастью, слышал только я один, и считаю, что между этой песней и нашим гимном сходство лишь весьма отдаленное. Во всяком случае, пусть она ее никогда больше не поет.

— Но она должна еще очиститься от греха, — заметил царевич. — Достаточно ли будет для чужеземки, если она пожертвует храму Исиды тридцать коров?..

— Это неплохо, пусть жертвует, — ответил Херихор, слегка поморщившись, — боги не брезгают дарами.

— А ты, благородный Херихор, — сказал Рамсес, — прими этот чудесный щит, который я получил от моего святого деда.

— Мне?.. Щит Аменхотепа?.. — воскликнул растроганный министр. — Достоин ли я?..

— Своей мудростью ты равен моему деду, а своим положением сравнишься с ним.

Херихор низко поклонился. Дар наследника — золотой щит, украшенный дорогими камнями, кроме большой денежной ценности, имел еще значение амулета. Это был царственный подарок.

Но еще большее значение придавал Херихор словам царевича, что он по своему положению будет равен Аменхотепу. Аменхотеп был тестем фараона. Неужели наследник престола принял решение жениться на дочери его, Херихора?..

Это была заветная мечта министра и царицы Никотрисы. Надо, однако, признать, что Рамсес, говоря о будущем положении Херихора, отнюдь не имел в виду женитьбы на его дочери, а думал о предоставлении ему новых высоких постов, которых было немало в храмах и при дворе.

18

С того дня, как Рамсес стал наместником Нижнего Египта, перед ним встали такие трудности, каких он даже не представлял себе, хотя родился и вырос при царском дворе.

Его буквально тиранили, и палачами были всевозможные просители, представлявшие различные общественные слои.

В первый же день при виде толпы людей, которые, толкаясь и стараясь пробиться вперед, топтали газоны в его саду, ломали деревья и разрушали ограду, наследник вызвал караул к своему дворцу. Но на третий день ему пришлось бежать из собственного дома в пределы царского дворца, куда благодаря многочисленной страже, а главное — высоким стенам, было трудно проникнуть.

За декаду, предшествовавшую отъезду Рамсеса, перед глазами его прошли представители всего Египта и чуть ли не всего тогдашнего мира.

Прежде всего к нему были допущены наиболее высокопоставленные лица. Поздравлять царевича приходили верховные жрецы храмов, министры, финикийский, греческий, иудейский, ассирийский, нубийский послы, пестрые одежды которых смешались в его памяти. Затем стали являться правители соседних номов, судьи, писцы, высшие офицеры корпуса Менфи и крупные землевладельцы. Эти люди ничего не требовали и только выражали свою радость. Однако царевич, выслушивая их с утра до полудня и с полудня до позднего вечера, чувствовал полный сумбур в голове и изнемогал от усталости.

Потом явились представители низших классов с подарками: купцы с золотом, янтарем, иноземными тканями, с благовониями и фруктами. Потом банкиры и ростовщики. Далее — архитекторы с планами новых сооружений, скульпторы с эскизами статуй и барельефов, каменщики, мастера, вырабатывающие глиняную

посуду, плотники, простые столяры и искусные мебельщики, кузнецы, литейщики, кожевники, виноградари, ткачи, даже парасхиты, вскрывающие тела покойников для бальзамирования.

Еще не окончилась эта процессия поздравляющих, как потянулась целая толпа просящих: калек, вдов и сирот, хлопотавших о пенсии, аристократов, добивавшихся придворных должностей для своих сыновей. Инженеры предлагали проекты новых способов орошения, лекари — целебные средства против разнообразных болезней, астрологи приносили гороскопы. Родственники заключенных подавали прошения о смягчении наказаний или о помиловании присужденных к смертной казни, больные молили, чтоб наследник прикоснулся к ним или дал им каплю своей слюны.

Приходили также красивые женщины и матери со своими дочерьми, одни смиренно, другие назойливо упрашивая, чтобы наместник взял их к себе в дом. Некоторые даже называли сумму ожидаемого содержания, восхваляя свою добродетель и свои таланты.

Насмотревшись за десять дней на толпы сменявшихся поминутно лиц, наслушавшись просьб, удовлетворить которые могли бы только сокровища всего мира и божественная власть, Рамсес выбился из сил. Он лишился сна и до того извелся, что его раздражало даже жужжанье мухи, и временами он не мог понять, что ему говорят. Тут снова выручил его Херихор: знатным он велел объявить, что царевич больше никого не принимает, а против простого люда, который, несмотря на многократные требования разойтись, продолжал ожидать у ворот, выслал роту нумидийских солдат с дубинками и таким образом очень быстро их успокоил. Не прошло и часу, как просители рассеялись, словно дым, и кое-кому пришлось несколько дней прикладывать к голове или к другим частям тела холодные компрессы.

После всего этого Рамсес почувствовал глубокое презрение к людям и впал в уныние.

Два дня пролежал он на диване, подложив руки под голову и бессмысленно глядя в потолок. Царевича не удивляло больше, что его благочестивый отец проводит время у алтарей богов; но он не мог понять, как Херихор справляется с бездной всяких дел, которые, подобно буре, не только превосходят силы человека, но могут даже раздавить его.

«Как тут проводить в жизнь свои планы, когда толпы просителей подавляют твою волю, пожирают мысли, высасывают всю кровь!.. Прошло всего десять дней, и я уже болен, а через год, пожалуй, совсем одурею. На таком посту немислимы никакие проекты. Хорошо еще, если с ума не сойдешь!»

Он был так встревожен своей беспомощностью в роли правителя, что пригласил Херихора и со слезами в голосе рассказал ему о своих огорчениях.

Министр с улыбкой выслушал жалобы молодого кормчего государственного корабля.

— Тебе известно, царевич, — сказал он, — что огромный дворец, в котором мы живем, построен только одним архитектором по имени Сенеби. Надо сказать, что он не дождался окончания постройки. Так вот, знаешь ли ты, почему этот архитектор мог выполнить свой план, не ведая усталости и никогда не теряя бодрости духа?

— Почему же?

— Потому что он не делал всего сам: не тесал бревен и камня, не месил глины, не обжигал кирпичей, не поднимал их на место, не укладывал и не скреплял известкой. Он только начертил план. Но и для этого у него были помощники. А ты, царевич, хотел сам все сделать — сам и выслушать и удовлетворить всех. Это выше человеческих сил.

— Как же я мог поступить иначе, когда-среди просителей были несправедливо обиженные или обойденные наградой. Ведь основой государства является справедливость, — ответил наследник.

— Сколько человек ты можешь выслушать за день, не уставая? — спросил Херихор.

— Ну... двадцать...

— О, это еще хорошо! Я выслушиваю самое большее шесть — десять человек. Но не просителей, а верховных писцов, высших управителей и министров. Каждый из них докладывает мне лишь о самом важном, что происходит в армии, во владениях фараона, в судах, в номах, а также о делах религии и о движении нильских вод. Поэтому они не сообщают мелочей, но каждый из них, прежде чем явиться ко мне, должен был выслушать десять писцов, стоящих ниже; каждый помощник верховного писца, каждый управляющий предварительно собрал сведения от десяти низших писцов и управляющих, а те, в свою очередь, выслушали доклады десятка еще более мелких чиновников. Таким образом, и я и его святейшество, разговаривая за день только с десятком людей, знаем все наиболее важное, что случилось в сотне тысяч мест страны и всего мира. Караульный со своего поста на улице Мемфиса видит всего несколько домов. Десятский знает всю улицу, сотский — целый квартал, градоначальник — весь город. Фараон же стоит над всеми, словно на высочайшем пилоне храма Птаха, откуда виден не только Мемфис, но и соседние города: Сехем, Он, Херау, Турра, Тетауи[62], их окрестности и часть западной пустыни. С этой высоты царь, правда, не замечает обиженных или обойденных наградой, но может заметить толпы безработных. Он не увидит солдата в харчевне, но узнает, вышел ли полк на ученье. Не увидит, что готовит себе на обед какой-нибудь крестьянин или горожанин, но заметит пожар, вспыхнувший в городе. Этот государственный порядок, — продолжал, оживляясь, Херихор, — наша гордость и наша сила. Когда Снофру[63], один из фараонов первой династии, спросил жреца, какой ему воздвигнуть себе памятник, тот ответил: «Начерти, государь, на земле квадрат и положи на него шесть миллионов неотесанных камней — они представят собой народ. На этот слой положи шестьдесят тысяч обтесанных камней — это твои

низшие служащие. Сверху положи шесть тысяч полированных камней — это высшие чиновники. На них поставь шестьдесят камней, покрытых резьбой, — это твои ближайшие советники и полководцы. А на самый верх водрузи один камень с золотым изображением солнца — это и будешь ты сам». Так и сделал фараон Снофру. Отсюда возникла древнейшая ступенчатая пирамида — верное отражение нашего государства, и от нее пошли все остальные. Это вечные сооружения, с вершины которых видны границы мира и которым будут дивиться отдаленнейшие поколения.

— В таком государственном устройстве, — продолжал министр, — заключается также наше превосходство над соседями. Эфиопы были столь же многочисленны, как и мы. Но их царь сам ходил за своим скотом, сам бил палицей подданных и, не зная, сколько их, не смог собрать, когда вступили наши войска. Не было единой Эфиопии, а было огромное скопище людей. Теперь они наши вассалы. Ливийский князь сам чинит суд, особенно между богатыми, и столько отдает этому времени, что ему некогда оглянуться кругом, а пока у него под боком собираются целые банды разбойников, которых нам приходится уничтожать. Знай еще и то, господин, что, если бы в Финикии был единый повелитель, который ведал бы, что где происходит, и повелевал во всех городах, страна эта не платила бы нам ни одного дебена дани. И счастье наше, что у царей ниневийского и вавилонского только по одному министру и они так же устают от дел, как ты сейчас! Они хотят сами все видеть, сами судить и издавать приказы и потому на сто лет запутали дела государства. Но если бы нашелся какой-нибудь ничтожный египетский писец, который отправился бы туда, объяснил царям их ошибку и ввел у них нашу чиновную иерархию, нашу пирамиду, то за десяток-другой лет ассирийцы захватили бы в свои руки Иудею и Финикию, а через несколько лет с востока и севера, с суши и с моря налетели бы на нас такие могучие армии, с которыми мы, быть может, и не совладали бы.

— Так нападём же на них сейчас, когда там беспорядки! — воскликнул царевич.

— Мы еще не оправились от наших прежних побед, — холодно ответил Херихор и стал прощаться с Рамсесом.

— Неужели победы ослабили нас? — вырвалось у наследника. — Ведь мы навезли горы сокровищ!

— Топор и тот может затупиться от работы, — бросил Херихор и ушел.

Рамсес понял, что всесильный министр, несмотря на то, что сам стоит во главе армии, хочет мира во что бы то ни стало.

— Посмотрим! — прошептал он про себя.

За несколько дней до отъезда Рамсес был приглашен к отцу. Фараон сидел в мраморном зале, где все четыре входа охранялись часовыми-нубийцами.

Рядом с креслом фараона стоял табурет для наследника и небольшой столик, на котором лежали документы, написанные на папирусе. Стены зала были украшены цветными барельефами, которые изображали земледельческие

работы, а по углам стояли безучастные, меланхолически улыбающиеся статуи Осириса.

Когда Рамсес по приглашению отца сел, фараон сказал:

— Вот, мой сын, твои грамоты командующего войсками и наместника. Ну, как? Видно, первые дни управления утомили тебя?

— Служа вашему святейшеству, я обрету силы.

— Лыстец! — улыбнулся фараон. — Помни, я не хочу, чтобы ты переутомлялся. Развлекайся. Молодость требует веселья. Это не значит, однако, что у тебя не будет важных дел.

— Я готов.

— Прежде всего... Прежде всего я открою тебе свои заботы. Казна наша в плохом состоянии; поступление налогов, особенно из Нижнего Египта, с каждым годом уменьшается, а расходы все растут. Да, эти женщины... женщины, Рамсес, поглощают огромные средства не только у простых смертных, но и у меня. В моем дворце их несколько сот, и каждая хочет иметь как можно больше прислужниц, портных, парикмахеров, рабов для носилок, рабов для внутренних покоев, конюхов, лодочников, даже своих любимцев и детей!.. А дети!.. Когда я вернулся из Фив, одна из этих дам, которую я даже не помню, выбежала мне навстречу и, показывая здорового трехлетнего мальчугана, требовала, чтобы я назначил ему содержание, так как это будто бы мой сын... У меня трехлетний сын — можешь себе представить!.. Разумеется, я не стал вступать в пререкания с женщиной, тем более по такому щекотливому вопросу. Знатному человеку легче соблюсти вежливость, чем найти деньги для удовлетворения всяких причуд. — Он покачал головой, вздохнул и продолжал: — А между тем мои доходы с начала царствования уменьшились наполовину, особенно в Нижнем Египте. Я спрашиваю, чем это объяснить?.. Мне отвечают: «Народ обнищал, убыло много населения, море занесло песком часть земель с севера, а пустыня — с востока. Было несколько неурожайных лет». Словом, беда за бедой, а в казне дно все виднее. Так вот, прошу тебя, выясни все это. Осмотрись, познакомься со сведущими и надежными людьми и создай из них следственную комиссию. Но когда будут поступать отчеты, не полагайся слишком на папирус, а тщательно проверяй. Мне говорили, что у тебя зоркое око полководца. Если это верно, то ты с первого же взгляда определишь, насколько представленные отчеты комиссии соответствуют действительности. Не торопись, однако, с выводами, а главное... держи их про себя. Всякую сколько-нибудь важную мысль, какая придет тебе в голову сегодня, запиши, а через несколько дней обдумай еще раз и опять запиши. Это приучит тебя быть осторожным в суждениях и правильно оценивать обстоятельства.

— Все будет сделано так, как ты повелеваешь, — сказал наследник.

— Вторая задача, которую ты должен выполнить, труднее. То, что творится в Ассирии, начинает беспокоить мое правительство. По рассказам наших жрецов,

за Северным морем есть пирамидальная гора, зеленая внизу и покрытая снегом на вершине. И будто эта гора обладает странным свойством: после многих лет покоя она вдруг начинает дымить, содрогаться, греметь, а потом выбрасывает из себя не меньше жидкого огня, чем воды в Ниле. Огонь этот разливается по ее склонам и на огромном пространстве разрушает труд земледельца. Так вот, дорогой мой сын, Ассирия и есть такая гора. Столетия в ней царят покой и тишина. Но вдруг внутри поднимается буря, из страны вырываются неизвестно откуда взявшиеся огромные армии и уничтожают мирных соседей. Сейчас из Ниневии и Вавилона слышен гул: гора дымится. Ты должен узнать, в какой степени это нам угрожает, и обдумай, какие принять меры.

— Справлюсь ли я?.. — тихо спросил наследник.

— Научись смотреть и видеть, — продолжал фараон. — Никогда не довольствуйся свидетельством собственных глаз, а призови на помощь и чужие. Не ограничивайся суждениями египтян, ибо у каждого народа и человека своя точка зрения и никто не угадывает всей правды. Выслушивай поэтому, что думают об ассирийцах финикияне, иудеи, хетты и египтяне, и прими во внимание то, в чем их суждения сходятся. Если все тебе скажут, что со стороны Ассирии угрожает опасность, ты будешь знать, что это действительно так. И если разные люди будут говорить разное, тоже будь настороже, так как мудрость повелевает ожидать скорее дурного, чем хорошего.

— Ты говоришь, о царь, как говорят боги, — прошептал Рамсес.

— Я — старик, а с высоты трона видишь то, о чем смертные даже не подозревают. Если бы ты спросил у солнца, что оно думает о земных делах, оно рассказало бы еще более поучительные вещи.

— В числе людей, у которых я должен спросить мнения об Ассирии, ты не упомянул, отец, греков, — заметил наследник.

Фараон благодушно улыбнулся и покачал головой.

— Греки!.. Греки!.. Вот народ, которому принадлежит великое будущее. По сравнению с нами они еще дети, но какой дух в них живет! Помнишь мое изваяние, сделанное греческим скульптором? Это живой человек, мой двойник... Месяц я держал его во дворце, но в конце концов подарил храму в Фивах. Поверишь ли, мне стало страшно, что этот мой каменный двойник встанет со своего пьедестала и потребует, чтобы я разделил с ним власть... Какое смятение поднялось бы в Египте!.. Греки... Ты видел вазы, которые они лепят, дворцы, которые они строят? Из глины и камня они создают то, что радует мою старость и заставляет забывать о недугах... А их язык?.. О боги! Ведь это музыка, и скульптура, и живопись, взятые вместе!.. Право, если бы Египту суждено было когда-нибудь умереть, как умирает человек, нашими наследниками оказались бы греки. Причем они уверили бы мир, что все это дело их рук, а нас и на свете не было. А между тем все они только ученики наших начальных школ, ибо, как тебе известно, мы не имеем права передавать чужеземцам высшую мудрость.

— Однако, несмотря на это, ты как будто не доверяешь грекам?

— Потому что это особенный народ. Ни финикиянам, ни им нельзя верить, финикиянин, если захочет, увидит и скажет подлинную правду, но ты не угадаешь, когда он захочет ее сказать. Грек же простодушен, как ребенок, и всегда готов говорить правду, но это не в его силах. Он видит мир иначе, чем мы. В его глазах всякая вещь сверкает и переливается всеми красками, как небо Египта и его воды. Так можно ли положиться на мнение греков? Во времена Фиванской династии далеко на севере был маленький городок Троя, какие у нас насчитываются тысячами. На этот курятник стал нападать всякий греческий сброд и так надоел его немногочисленным жителям, что те, после десяти лет тревог и волнений, сожгли эту крепостцу и перебрались в другое место. Словом, обыкновенная разбойническая история!.. А между тем какие песни поют греки о Троянских битвах! Мы смеемся над их чудесами и геройством, потому что обо всех этих событиях получали в свое время самые точные сведения. Мы знаем, что это явная ложь, и все же... слушаем их песни, как дитя слушает сказки своей няньки, и не можем от них оторваться!.. Вот каковы они, эти греки: прирожденные лжецы, но приятный и мужественный народ. Каждый из них скорее расстанется с жизнью, чем скажет правду. И лгут они не ради выгоды, как финикияне, а из духовной потребности.

— А как мне относиться к финикиянам? — спросил наследник.

— Это люди умные, трудолюбивые и смелые, но торгаши: для них вся жизнь в том, чтобы множить наживу. Финикияне как вода: много приносят, много уносят и всюду просачиваются. Вот и надо давать им как можно меньше и следить, чтобы они не пролезли в Египет — сквозь щели, потихоньку. Если хорошо им заплатишь и подашь надежду нажить еще больше — они будут прекрасными агентами. То, что мы знаем сейчас о тайном движении в Ассирии, мы знаем благодаря им.

— А еврей? — прошептал царевич, опустив глаза.

— Это народ сметливый, но все они угрюмые фанатики и прирожденные враги Египта. Когда они почувствуют на своей шее тяжелую, подбитую гвоздями сандалию Ассирии, они обратятся к нам. Только не было бы слишком поздно. Пользоваться же их услугами можно. Не здесь, конечно, в Ниневии и Вавилоне. Видно было, что владыка устал. Рамсес, прощаясь, упал перед ним ниц. Фараон отечески обнял его, после чего царевич направился к матери.

Царица, сидя в своем покое, ткала тонкое полотно для облачения богов, а придворные женщины шили, вышивали или вязали букеты. Молодой жрец курил благовония перед статуей Исиды.

— Я пришел поблагодарить тебя, матушка, и проститься.

Царица встала и, обняв сына, сказала со слезами:

— Как ты изменился!.. Ты уже совсем мужчина! Я тебя так редко вижу, что могла бы забыть твои черты, если бы твой образ не жил всегда в моем сердце. Недобрый... Я столько раз подъезжала к твоей усадьбе с наместником царя, думая, что ты когда-нибудь перестанешь сердиться, а ты вывез мне навстречу свою наложницу.

— Прости!.. Прости!.. — говорил Рамсес, целуя мать.

Царица повела его в сад, где росли редкостные цветы, и, когда они остались одни, сказала:

— Я — женщина, и меня интересует женщина и мать. Ты возьмешь с собой эту девушку, когда уедешь?.. Помни, что и шум и движение могут повредить ей и ребенку. Для беременных лучше всего тишина и покой.

— Ты говоришь про Сарру? — с удивлением спросил Рамсес. — Она беременна?.. Она ничего не говорила мне.

— Быть может, она стыдится или сама не знает... — ответила царица. — Во всяком случае, путешествие...

— Да я и не думаю брать ее с собой! — воскликнул наследник. — Но почему она скрывает от меня?.. Как будто это не мой ребенок...

— Не будь подозрителен! — пожурила его мать. — Это обычная стыдливость девушки. А может быть, она боится, что ты ее бросишь.

— Не брать же мне ее к себе во дворец! — перебил царевич с таким раздражением, что глаза царицы засветились улыбкой, но она прикрыла их ресницами.

— Не следует так грубо отталкивать женщину, которая тебя любила. Я знаю, что ты ее обеспечил. Мы ей тоже дадим что-нибудь от себя. Ребенок царской крови не должен ни в чем нуждаться.

— Разумеется, — ответил Рамсес, — мой первенец, хотя и не будет обладать правами наследника, должен быть воспитан так, чтобы мне не приходилось краснеть за него и чтобы он не мог потом меня упрекнуть.

Пробившись с матерью, Рамсес хотел поехать к Сарре, но сначала вернулся к себе.

Им владели два чувства: гнев — зачем Сарра скрывала от него причину своего недомогания, и гордость, что он скоро будет отцом.

Он — отец!.. Это придавало ему важность, укреплявшую его положение полководца и наместника. Отец — это уже не мальчик, который должен с почтительностью взирать на старших.

Царевич был восхищен и растроган. Ему хотелось увидеть Сарру, побранить ее, а затем обнять и одарить...

Однако, вернувшись к себе, он застал двух номархов из Нижнего Египта, которые явились к нему с докладом. Выслушав их, он почувствовал себя уже усталым.

Кроме того, его ожидал вечерний прием, на который он не хотел опоздать. «Опять не попаду к ней, — подумал он. — Бедняжка не видела меня уже почти две декады». Он позвал негра.

— У тебя клетка, которую дала тебе Сарра, когда мы встречали царя?

— У меня, — ответил негр.

— Так возьми из нее одного голубя и выпусти.

— Голуби уже съедены.

— Кто их съел?

— Я сказал повару, что эти птицы от госпожи Сарры, и он готовил для тебя из них жаркое и паштеты.

— Чтоб вас сожрал крокодил! — вскричал огорченный царевич.

Он велел позвать Тутмоса и, рассказав историю с голубями, приказал ему немедленно ехать к Сарре.

— Свези ей изумрудные серьги, браслеты для ног и для рук и два таланта. Скажи, что я сержусь за то, что она скрывала от меня свою беременность, но прощу ее, если ребенок будет здоровый и красивый. А если родит мальчика, я подарю ей еще одну усадьбу!.. А еще... уговори ее удалить от себя хоть часть евреев и вместо них взять египтян и египтянок. Я не хочу, чтобы мой сын явился на свет в таком окружении. Он еще, пожалуй, будет потом играть с еврейскими детьми, и они научат его угощать отца гнилыми финиками... — закончил он, смеясь.

19

Квартал в Мемфисе для иноземцев был расположен в северо-восточной части города, недалеко от Нила. Там насчитывалось несколько сот домов и около полутора десятка тысяч жителей: ассирийцев, евреев, греков, а больше всего финикиян. Это была зажиточная часть города. Главную артерию составляла широкая, шагов в тридцать, довольно прямая, вымощенная каменными плитами улица. По обеим сторонам ее возвышались дома из кирпича, песчаника или известняка, высотой от трех до пяти этажей. В подвалах помещались склады, в первых этажах — лавки, на втором — квартиры богатых людей, выше — мастерские ткацкие, сапожные, ювелирные, на самом верху тесные жилища ремесленников. Постройки этого квартала, как, впрочем, и во всем городе, были главным образом белые, но среди каменных зданий встречались и зеленые, как луг, желтые, как спелая нива, голубые, как небо, и красные, как кровь.

Многие фасады были украшены росписью, изображавшей занятия их жильцов. На доме ювелира длинный ряд рисунков рассказывал о том, что его владелец выделяет золотые цепи и браслеты, которые раскупаются чужеземными властителями, и те не могут на них надивиться. На стене огромного купеческого особняка были изображены эпизоды, свидетельствующие о трудностях и риске торгового дела: в море людей хватало страшные чудовища с рыбьими хвостами,

в пустыне — крылатые драконы, изрыгающие огонь, а на далеких островах их настигали великаны, сандалии которых были больше финикийских кораблей.

Лекарь на стене своей больницы изобразил пациентов, которым он возвратил не только утерянную способность владеть руками и ногами, но даже зубы и утраченную молодость. На здании, где помещалось управление кварталом, нарисованы были бочки, куда люди бросали золотые перстни, писец, которому кто-то шептал на ухо, распростертый на земле человек и двое других, избивающих его палками.

Улица была всегда полна народу. Вдоль стен стояли люди с носилками, с опахалами, рассыльные и работники, предлагавшие свои услуги. Посередине тянулись непрерывной вереницей повозки с товарами, запряженные ослами либо волами. По тротуарам сновали крикливые продавцы свежей воды, винограда, фиников, копченой рыбы, а также лоточники, цветочницы, музыканты и разного рода фокусники.

Среди этого человеческого потока, где все двигались, толкали друг друга, продавали и покупали, крича на разные голоса, выделялись полицейские в коричневых рубашках до колен, в полосатых передниках в красную и голубую полосу, с голыми ногами, с коротким мечом на боку и большой дубинкой в руке. Эти представители власти разгуливали по тротуару, иногда переговариваясь между собой, а большей частью стояли на каменном возвышении, чтоб лучше видеть суетившуюся у их ног толпу.

При таком надзоре уличным воришкам приходилось действовать очень ловко. Обыкновенно двое затевали между собой драку, а когда собиралась толпа и полицейские начинали лупить дубинками как дерущихся, так и зрителей, остальные компаньоны по воровскому делу обирали карманы.

Почти в самом центре главной улицы находилась гостиница финикиянина родом из Тира, по имени Асархаддон, где для облегчения надзора обязаны были проживать все приезжие чужеземцы. Это был огромный квадратный дом со множеством окон, стоявший особняком, так что можно было обходить вокруг и подсматривать со всех сторон. Над главными воротами висела модель корабля, а на фасаде были нарисованы картины, изображавшие царя Рамсеса XII, совершающего жертвоприношения богам и принимающего иноземцев, среди которых финикияне выделялись высоким ростом и ярко-красным цветом. Окна были узкие, всегда открытые, и лишь по мере надобности завешивались шторами из холста или из разноцветных палочек. Жилище хозяина и комнаты для постояльцев занимали три верхних этажа; внизу помещался винный погреб и харчевня. Матросы, носильщики, ремесленники и всякие приезжие ели и пили во дворе, где был мозаичный пол и полотняный навес, натянутый с таким расчетом, чтобы можно было наблюдать за приезжими. Гости побогаче и благородного происхождения угощались на галереях, окружавших двор. Во дворе гости сидели на полу, перед каменными плитами, заменявшими столы. На галереях, где чувствовалась прохлада, были расставлены столики, скамейки, стулья и даже низенькие мягкие диваны, на которых можно было вздремнуть.

Кроме того, на каждой галерее стоял большой стол, уставленный хлебом, мясными блюдами, рыбой, а также фруктами и большими кувшинами с пивом, вином и водой. Негры и негритянки разносили гостям кушанья, убирали пустые кувшины, приносили из подвала полные, а наблюдавшие за столами писцы тщательно записывали каждый кусок хлеба, каждую головку чеснока и кружку воды. Посреди двора, на возвышении, стояло два надсмотрщика с дубинками; они должны были следить за прислугой и писцами, а также при помощи дубинки улаживать ссоры между беднейшими гостями разных национальностей. Благодаря такому порядку кражи и драки случались здесь редко, чаще — на галереях.

Сам хозяин гостиницы, известный в городе Асархаддон, седеющий человек лет пятидесяти, в длинной рубахе и кисейной накидке, расхаживал между гостями, следя за тем, чтобы каждый получал все, что ему нужно.

— Кушайте и пейте, сыны мои! — говорил он греческим матросам. — Такой свинины и пива вам не подадут нигде в мире. Я слышал, что вас потрепала буря близ Рафии[64]. Вы должны принести богам щедрую жертву за то, что они вас спасли... В Мемфисе можно за всю жизнь не увидеть бури, а на море гром не большая редкость, чем у нас медный дебен. У меня есть и мед, и мука, и благовония для святых жертвоприношений, а вон по углам стоят боги всех народов. В моей гостинице человек может удовлетворить свой голод и свое благочестие по самой сходной цене.

Затем он поднимался на галерею к купцам.

— Кушайте и пейте, достопочтенные господа! — приглашал он их, низко кланяясь. — Времена нынче хорошие. Достоянейший наследник престола — да живет он вечно! — едет в Бубаст с огромной свитой, а из Верхнего царства пришли корабли с золотом. На этом не один из вас хорошо заработает. Есть куропатки, молодая гусятина, живая рыба, отличное жаркое из серны. А какое вино прислали мне с Кипра! Да превратиться мне в еврея, если кубок этого божественного напитка не стоит двух драм! Но вы, отцы и благодетели мои, получите его сегодня по драхме. Только сегодня, для почину!..

— Полдрахмы за кубок, тогда попробуем, — отозвался один из купцов.

— Полдрахмы? — повторил хозяин. — Скорее Нил потечет вспять к Фивам, чем я отдам это вино за полдрахмы! Разве что для тебя, господин Белесис, которого все считают украшением Сидона. Эй, невольники!.. Подайте нашим благодетелям самый большой кувшин кипрского.

Когда он отошел, купец, названный Белесисом, сказал своим товарищам:

— Пусть рука у меня отсохнет, если это вино стоит полдрахмы! Ну, да все равно!.. Меньше будет хлопот с полицией.

Разговоры с гостями, среди которых были люди самых различных национальностей и различного положения, не мешали хозяину следить за писцами, записывавшими, кто что ел и пил, надсмотрщиками, наблюдавшими за

прислугой и писцами, а главное — за одним из приезжих, который расположился на подушках в передней галерее, поджав под себя ноги, и дремал над горстью фиников и кружкой чистой воды. Приезжему было лет около сорока; у него были густые волосы, черная как смоль борода, задумчивые глаза и удивительно благородные черты лица, которых, казалось, никогда не искажал гнев или страх.

«Это опасная крыса!.. — думал про себя хозяин, искоса поглядывая на гостя. — Похож на жреца, а носит темный плащ. Оставил у меня на хранение драгоценностей и золота на целый талант, а не ест мяса и не пьет вина... Должно быть, это или великий пророк, или большой мошенник».

С улицы вошли во двор два голых псилла, или укротителя змей, с мешком ядовитых гадов и начали представление. Младший заиграл на дудочке, а старший стал обвивать себя маленькими и большими змеями, из которых и одной было бы достаточно, чтобы разогнать всех постояльцев гостиницы «У корабля». Дудочка визжала, укротитель извивался, гримасничал, дергался и все время дразнил гадов, пока одна змея не ужалила его в руку, а другая в лицо. Третью, самую маленькую, он проглотил живьем. Гости и прислуга с беспокойством смотрели на эти фокусы. Все дрожали, когда укротитель дразнил змей, пугались и жмурили глаза, когда они жалили укротителя, когда же он проглотил змейку, зрители завывали от восторга.

Только приезжий на передней галерее не покинул своих подушек, даже не соблаговолив взглянуть на представление, и, когда укротитель подошел за монетой, бросил ему на пол два медных дебена и сделал знак рукой, чтобы он не подходил близко.

Зрелище продолжалось с полчаса. После того как псиллы покинули двор, к хозяину подбежал негр, обслуживающий комнаты для приезжих, и стал что-то озабоченно шептать ему, а затем неизвестно откуда появился полицейский и, отведя Асархаддона в отдаленную нишу, долго беседовал с ним, причем почтенный владелец гостиницы то и дело колотил себя в грудь, всплескивал руками и хватался за голову. Наконец, угостив негра пинком в живот, он велел подать десятскому жареного гуся и кувшин кипрского, а сам отправился на переднюю галерею к гостю, который как будто дремал, хотя глаза у него были открыты.

— Печальные у меня для тебя новости, почтенный господин, — проговорил хозяин, садясь рядом с приезжим.

— Боги посылают людям дождь и печаль, когда им заблагорассудится, — равнодушно ответил гость.

— Пока мы смотрели на псиллов, — продолжал хозяин, теребя седоватую бороду, — воры забрались во второй этаж и украли твои вещи — три мешка и ящик, наверно, большой ценности!..

— Ты должен сообщить о моей пропаже в суд.

— Зачем в суд? — шепнул хозяин. — У наших воров свой цех... Мы пошлем за старшиной, оценим вещи, заплатишь ему двадцать процентов стоимости — и все найдется. Я могу тебе помочь.

— В моей стране, — заявил приезжий, — никто не ведет переговоров с ворами, и я тоже не стану. Я живу у тебя, я тебе доверил свое имущество, и ты за него отвечаешь.

Почтенный Асархаддон почесал спину.

— Человек из далекой страны, — заговорил он, понизив голос, — вы, хетты, и мы, финикияне, — братья, и я по совести советую тебе не связываться с египетским судом, так как в нем есть только та дверь, в которую входят, но нет той, из которой выходят.

— Невинного боги проведут через стену, — ответил гость.

— Невинного!.. Кто из нас может считаться невинным в этой стране рабства? — прошептал хозяин. — Вон, погляди — там доедает гуся полицейский, чудесного гуся, которого я сам охотно бы съел. А ты знаешь, почему я отдал ему это лакомство? Потому что он пришел выпрашивать про тебя...

Сказав это, финикиянин искоса посмотрел на приезжего, который, однако, сидел все с тем же невозмутимым видом.

— Он спрашивает меня, — продолжал хозяин. — «Кто этот в черном, что два часа сидит над горсточкой фиников?» Я говорю: «Весьма почтенный человек, господин Пхут». — «Откуда он?» — «Из страны хеттов, из города Харрана^[65]; у него там приличный дом в три этажа и большой участок земли». — «Зачем он сюда приехал?» — «Приехал, говорю, чтобы получить с одного жреца пять талантов, которые дал займы еще его отец». Так знаешь, почтенный господин, что он мне на это ответил?.. Вот что: «Асархаддон, мне известно, что ты верный слуга фараона, что у тебя хороший стол и вино, поэтому предупреждаю тебя — будь осторожен!.. Берегись чужеземцев, которые ни с кем не знакомятся, избегают вина и всяких утех и молчат. Этот Пхут из Харрана, возможно, ассирийский шпион». Сердце у меня замерло, когда я это услышал, — продолжал хозяин. — А тебе, видно, все равно?.. — рассердился он, видя, что даже страшное подозрение в шпионстве не возмутило спокойствия хетта.

— Асархаддон, — сказал, немного помолчав, гость, — я доверил тебе себя и свое имущество, подумай же о том, чтобы вернуть мне мешки и сундук, иначе я пожалуюсь полицейскому, который съел гуся, предназначенного для тебя.

— Ну... тогда разреши мне уплатить ворами хоть пятнадцать процентов стоимости твоих вещей, — сказал хозяин.

— Я запрещаю тебе платить что-либо.

— Дай им хоть тридцать драхм!

— Ни одного дебена!

— Дай беднякам хоть десять драхм.

— Ступай с миром, Асархаддон, и проси богов, чтобы они вернули тебе разум, — ответил приезжий все с тем же спокойствием.

Хозяин, задыхаясь от возмущения, вскочил с подушек.

«Экая гадина! — злился он в душе. — Он приехал не только за долгом. Он тут еще хорошее дельце обделаает... Сердце мне подсказывает, что это богатый купец. А может быть, даже и трактирщик, который в компании с жрецами и судьями откроет где-нибудь у меня под боком вторую гостиницу... Да сожжет тебя огонь небесный! Да источит тебя проказа!.. Скрыга, обманщик, вор, на котором честный человек ничего не заработает!»

Почтенный Асархаддон не успел прийти в себя от возмущения, как на улице раздались звуки флейты и бубна, и минуту спустя во двор вбежали четыре почти нагие танцовщицы. Носильщики и матросы встретили их радостными возгласами, и даже почтенные купцы, сидевшие на галерее, стали с любопытством поглядывать в их сторону и обмениваться замечаниями по поводу их наружности. Танцовщицы движением рук и улыбками приветствовали зрителей. Одна заиграла на двойной флейте, другая вторила ей на бубне, а две самые младшие танцевали во дворе, стараясь задеть всех гостей своими кисейными шарфами. Пьющие за столиками стали петь, кричать и приглашать к себе танцовщиц, а во дворе среди гостей началась драка, которую надсмотрщики без труда прекратили, пустив в ход свои дубинки. Какой-то ливиец при виде дубинок так возмутился, что выхватил было из-за пояса нож, но два негра бросились на него, отобрали несколько медных колец в уплату за съеденное и вышвырнули его на улицу.

Тем временем одна из танцовщиц под села к матросам, две подошли к купцам, которые стали угощать их вином и сладостями, а самая старшая начала обходить столы и собирать деньги.

— На храм божественной Исиды! — восклицала она. — Жертвуйте, благочестивые чужеземцы, на храм Исиды, которая покровительствует всему живущему... Чем больше дадите, тем больше благ и счастья ниспошлют вам боги... На храм, на храм матери Исиды!

Ей бросали в бубен клубки медной проволоки, иногда крупинки золота. Какой-то купец спросил, нельзя ли ее навестить, и жрица с улыбкой кивнула головой.

Когда она поднялась на переднюю галерею, Пхут из Харрана сунул руку в кожаный мешок, и, достав оттуда золотое кольцо, сказал:

— Иштар^[66] — великая и добрая богиня. Возьми это на ее храм.

Жрица внимательно посмотрела на него и прошептала:

— Аннаэль, Сахиэль.

— Амабиэль, Абалидот... — ответил так же тихо приезжий.

— Я вижу, что ты любишь мать Исиду, — проговорила жрица громко. — Ты, должно быть, богат и щедр. Стоит тебе погадать.

Она села рядом с ним, съела несколько фиников и, взяв его руку, заговорила:

— Ты прибыл из далекой страны Бретора и Хагита[67]... Дорога у тебя была благополучная... Уже несколько дней следят за тобой финикияне, — прибавила она тише. — Ты приехал за деньгами, хотя и не купец... Приди ко мне сегодня после заката солнца... Твои желания, — продолжала она вслух, — должны исполниться... Я живу на улице Гробниц, в доме «Под зеленой звездой» (опять шепотом). Только остерегайся воров, зарящихся на твое богатство, — закончила она, видя, что почтенный Асархаддон подслушивает.

— В моей гостинице нет воров! — вскипел финикиянин. — Крадут, должно быть, те, что приходят с улицы.

— Не сердись, старичок, — ответила насмешливо жрица, — а то у тебя сразу выступает на шее красная полоса — знак недоброй смерти.

Услышав это, Асархаддон трижды сплюнул и шепотом произнес заклятие от дурных предсказаний. Когда он удалился, жрица принялась любезничать с харранцем. Дала ему розу из своего венка и, обняв его на прощание, направилась к другим столам.

Приезжий подозвал хозяина.

— Я хочу, — сказал он, — чтобы эта женщина побывала у меня. Вели провести ее ко мне в комнату.

Асархаддон посмотрел ему в глаза, всплеснул руками и захохотал.

— Тифон[68] попутал тебя, харранец!.. — воскликнул он. — Если б что-нибудь подобное случилось в моем доме с египетской жрицей, меня выгнали бы вон из города. Здесь можно принимать только чужеземных женщин.

— В таком случае я пойду к ней, — ответил Пхут. — Это мудрая и благочестивая женщина, она поможет мне во многих делах. После заката солнца дашь мне проводника, чтобы я не заблудился по дороге.

— Все злые духи вселились в твое сердце, — ответил хозяин. — Ведь это знакомство будет тебе стоить не меньше двухсот драхм, а может быть, и все триста, да еще придется дать прислужницам и храму. А почти за такую же сумму, скажем, за пятьсот драхм, ты можешь познакомиться с молодой добродетельной девушкой, моей дочерью; ей уже четырнадцать лет, и, как умная девочка, она собирает себе приданое. Не шатайся же ночью по незнакомому городу; того и гляди, попадешь в руки полиции или воров. Пользуйся лучше тем, что боги посылают тебе дома. Согласен?

— А твоя дочь поедет со мной в Харран?

Хозяин посмотрел на него с изумлением. Вдруг он хлопнул себя по лбу, как будто разгадал тайну, и, схватив приезжего за руку, потащил его в укромный уголок у окна.

— Теперь я все знаю!.. — заговорил он взволнованным шепотом. — Ты торгуешь женщинами. Но помни, что за вывоз египтянки тебя могут лишить имущества и отправить в каменоломни. Разве что... примешь меня в компанию, ибо мне ведомы тут все пути.

— В таком случае расскажи, как пройти к этой жрице, — ответил Пхут. — И не забывай, что после заката солнца ты должен дать мне проводника, а утром — вернуть мои мешки и сундук, иначе я обращусь в суд.

Сказав это, Пхут вышел из харчевни и направился наверх в свою комнату.

Вне себя от негодования Асархаддон подошел к столику, за которым пили финикийские купцы, и отозвал в сторону одного из них. Куша.

— Хороших же постояльцев ты мне присылаешь! — закричал на него хозяин дрожащим от бешенства голосом. — Этот Пхут ничего почти не ест и заставляет меня выкупать у воров украденные у него вещи, а теперь, точно в насмешку, отправляется к египетской танцовщице, вместо того, чтобы одарить моих женщин.

— Что ж тут удивительного, — ответил, смеясь, Куш. — С финикиянками он мог познакомиться и в Сидоне, а здесь предпочитает египтянок. Дурак тот, кто на Кипре не пьет кипрского вина, довольствуясь тирским пивом.

— Я тебе говорю, — перебил его хозяин, — что это опасный человек... Притворяется простым горожанином. А вид у него жреца.

— А у тебя, Асархаддон, вид верховного жреца, хотя ты всего-навсего трактирщик! Скамья останется скамьей даже и тогда, когда покрыта львиной шкурой.

— Но зачем он ходит к жрицам? Я готов поклясться, что это хитрость и что хеттский грубиян идет не на пирушку к женщинам, а на какое-то собрание заговорщиков.

— Злоба и жадность совсем затуманили твой ум, — с упреком сказал ему Куш. — Ты походе на человека, который на смоковнице ищет дыню и не замечает фиг. Для каждого купца ясно, что, если Пхут хочет получить свои пять талантов, он должен снискать себе благоволение у тех, кто вращается среди жрецов. А вот ты этого не понимаешь...

— Потому что сердце мне подсказывает, что это наверно ассирийский шпион, покушающийся на жизнь его святейшества.

Куш презрительно посмотрел на Асархаддона.

— Ну что ж, следи за ним! Ходи за ним по пятам. А если что заметишь, может, и тебе достанется что-нибудь из его имущества.

— Вот когда ты сказал умное слово! Пускай эта крыса идет к своим жрицам и от них куда угодно, а я пошлю за ним свои глаза, от которых ничто не скроется!

20

Часов в девять вечера Пхут вышел из гостиницы «У корабля» в сопровождении негра, несшего факел. За полчаса до этого Асархаддон отправил на улицу Гробниц доверенного человека, которому приказал зорко следить, не выйдет ли харранец тайком из дома «Под зеленой звездой» и куда пойдет.

Другой соглядатай хозяина шел за Пхутом на некотором расстоянии; в узких улочках он жался к стенам домов, на более широких — притворялся пьяным.

Улицы были уже пусты, носильщики и разносчики спали. Свет горел только в жилищах ремесленников, торопившихся окончить работу, да у богатых людей, которые пировали, расположившись на плоских крышах. С разных сторон доносились звуки арф и флейт, песни, смех, удары молота, визг пилы столяра. Иногда раздавался пьяный возглас или крик о помощи.

Улицы, по которым шли Пхут и негр, были большей частью узкие, кривые, в выбоинах. Но по мере того как они приближались к цели своего путешествия, дома становились все ниже, все больше попадалось садов, вернее, пальм, смоковниц и жалких акаций, которые свешивались через ограду, словно собираясь убежать.

На улице Гробниц вид сразу изменился. Вместо каменных домов появились обширные сады, а среди них — красивые особняки. У одних ворот негр остановился и потушил факел.

— Вот это «Зеленая звезда», — сказал он и, низко поклонившись Пхуту, повернул домой.

Харранец постучал в ворота. Вскоре появился привратник, внимательно осмотрел пришельца и пробормотал:

— Аннаэль, Сахиэль.

— Амабиэль, Абалидот, — ответил Пхут.

— Привет тебе, — проговорил привратник и быстро открыл калитку.

Пройдя шагов двадцать садом, Пхут очутился в сенях особняка, где его встретила знакомая жрица. В глубине стоял какой-то человек с черной бородой и волосами, до того похожий на самого харранца, что тот не мог скрыть своего удивления.

— Он заменит тебя для тех, кто следит за тобой, — проговорила, улыбаясь, жрица.

Человек, загримированный под Пхута, возложил себе на голову венок из роз и в сопровождении жрицы поднялся на второй этаж, откуда вскоре послышались звуки флейты и звон бокалов. Самого же Пхута двое низших жрецов повели в баню, помещавшуюся в саду. Там, обмыв его и умастив ему волосы, они надели на него белые одежды.

Из бани все трое вышли снова в аллею и долго шли садами, пока не попали на пустынную площадь.

— В той стороне, — обратился к Пхуту один из жрецов, — находятся древние гробницы, с этой стороны — город, а вот здесь — храм. Иди куда хочешь. Мудрость укажет тебе путь, а святые слова охранят тебя от опасностей.

Оба жреца вернулись в сад. Пхут остался один. Безлунная ночь была не очень темна. Вдали, окутанный туманом, поблескивал Нил. В вышине искрились семь звезд Большой Медведицы. Над головой путешественника сверкал Орион, а над темными пилонами — звезда Сириус.

«У нас звезды светят ярче» — подумал Пхут. Он стал шептать молитву на незнакомом языке и направился к храму.

Не успел он пройти и несколько десятков шагов, как из-за ограды сада выглянул человек и пошел за ним следом. Но как раз в это время спустился такой густой туман, что на площади нельзя было ничего разглядеть, кроме крыши храма.

Пройдя еще немного, харранец наткнулся на высокую каменную стену и, посмотрев на небо, направился в западную сторону. Над головой его летали ночные птицы и огромные летучие мыши. Туман так сгустился, что харранцу приходилось идти вдоль стены ощупью, чтоб не потерять ее. Путешествие продолжалось довольно долго. Но вот Пхут очутился перед низкой калиткой, в которую было вбито множество бронзовых гвоздей. Он стал считать их от левого угла вниз — и одни крепко нажимал, другие поворачивал.

Когда он дотронулся до последнего гвоздя, калитка тихо открылась. Харранец сделал несколько шагов и очутился в узкой нише, где было совсем темно.

Осторожно нащупывая ногой пол, он наткнулся как бы на края колодца, из которого веяло холодом. Он спустил ноги и безбоязненно соскользнул вниз, хотя был в этом месте и вообще в этой стране впервые. Колодец оказался неглубоким. Пхут очутился в узком коридоре с наклонным полом и стал спускаться вниз с такой уверенностью, как будто давно знал дорогу.

В конце коридора была дверь. Пришедший ощупью нашел деревянную колотушку и трижды постучал. В ответ неведомо откуда послышался голос:

— Ты, в ночной час нарушающий покой святого места, имеешь ли ты право входить сюда?

— «Я не обидел ни мужа, ни жены, ни ребенка. Рук моих не запятнала кровь. Я не ел нечистой пищи. Не присвоил чужого имущества. Не лгал и не выдал великой тайны...»[69] — спокойно ответил харранец.

— Ты тот, кого ожидают, или тот, за кого выдаешь себя? — спросил голос немного спустя.

— Я тот, кто должен был прийти от братьев с Востока. Но и второе имя — тоже мое. В северном городе у меня есть дом и земля, как я и сказал чужим, — ответил Пхут.

Дверь открылась, и харранец вошел в просторное подземелье, освещенное светильником, горевшим на столике перед пурпурной завесой. На завесе был вышит золотом крылатый шар с двумя змеями. В стороне стоял египетский жрец в белой одежде.

— Скажи, вошедший сюда, — проговорил жрец, указывая рукой на Пхута, — известно ли тебе, что означает этот символ на завесе?

— Шар, — ответил вошедший, — есть образ мира, в котором мы живем, а крылья указывают, что мир этот парит в пространстве, подобно орлу.

— А змеи?.. — спросил жрец.

— Две змеи напоминают мудрецу, что тот, кто выдаст эту великую тайну, умрет дважды: и телом и духом.

После минутного молчания жрец снова спросил:

— Если ты в самом деле Бероэс (тут жрец склонил голову), великий пророк Хали (он снова склонил голову), для которого нет тайн ни на земле, ни на небе, то соблаговоли сказать слуге твоему, какая звезда всех чудесней?

— Чудесен Хор-сет[70], обходящий небо в течение двенадцати лет, ибо вокруг него вращаются четыре меньших звезды. Но еще чудеснее Хор-ка[71], обходящий небо за тридцать лет, ибо у него есть не только подвластные ему звезды, но и большое кольцо, которое иногда исчезает.

Выслушав это, египетский жрец пал ниц перед халдеем[72]. Затем он подал ему пурпурный шарф и кисейное покрывало, указал, где стоят благовония, и с низкими поклонами покинул подземелье.

Халдей остался один. Он перекинул шарф через правое плечо, закрыл лицо покрывалом и, взяв золотую ложку, насыпал в нее благовония, которые зажег у лампы перед завесой. Шепча какие-то слова, он трижды повернулся кругом, так что дым от благовоний опоясал его как бы тройным кольцом.

Между тем пустая пещера наполнилась странным движением. Казалось, что потолок поднимается вверх и раздвигаются стены. Пурпурная завеса у алтаря заколыхалась, словно колеблемая невидимыми руками. Воздух затрепетал, как будто пролетели стаи незримых птиц.

Халдей распахнул одежду на груди и достал золотой медальон, покрытый таинственными знаками. Все подземелье дрогнуло, священная завеса порывисто дернулась, в темноте вспыхнули огоньки.

Тогда маг воздел руки и произнес:

— «Отец небесный, кроткий и милостивый, очисти душу мою...

Благослови недостойного раба твоего и простри всемогущую руку на души непокорных, дабы я мог дать свидетельство всемогущества твоего...

Вот знак, к которому прикасаюсь в присутствии вашем.

Вот я — опирающийся на помощь божью, я — провидящий и неустрашимый... Я — могучий — призываю вас и заклинаю... Явитесь мне, послушные, — во имя Айе, Сарайе, Айе, Сарайе...»

В то же мгновение с разных сторон слышались голоса, мимо светильника пролетела сначала птица, потом какое-то желтое одеяние, затем человек с хвостом, наконец петух в короне, который встал на столик перед завесой.

Халдей продолжал:

— «Во имя всемогущего и вечного бога... Аморуль, Танеха, Рабур, Латистен...»

Снова слышались далекие голоса.

— «Во имя истинного и вечно живущего Элои, Арехима, Рабур, заклинаю вас и призываю... Именем звезды, которая есть солнце, вот этим знаком, славным и грозным именем бога живого...»^[73]

Вдруг все стихло. Перед алтарем показался призрак в короне, с жезлом в руке, верхом на льве.

— Бероэс!.. Бероэс!.. — произнес призрак глухим голосом. — Зачем ты меня вызываешь?

— Я хочу, чтобы братья мои в этом храме приняли меня с открытым сердцем и склонили ухо к словам, которые я приношу им от братьев из Вавилона, — ответил халдей.

— Да будет так! — проговорил призрак и исчез.

Халдей стоял без движения, как статуя, с откинутой назад головой, с вознесенными руками. Он простоял так больше получаса в позе, несвойственной обыкновенному человеку. В это время часть стены подземелья отодвинулась, и вошли три египетских жреца. Увидев халдея, который как бы парил в воздухе, опираясь спиной на невидимую опору, жрецы с изумлением переглянулись. Старший из них произнес:

— Прежде бывали у нас такие, но сейчас никто этого не умеет.

Они обходили его со всех сторон, прикасались к оцепеневшему телу и с тревогой смотрели на лицо: желтое и бескровное, как у мертвеца.

— Он умер? — спросил младший.

При этих словах откинувшееся назад тело халдея стало возвращаться в вертикальное положение. На лице появился легкий румянец, поднятые руки опустились. Он вздохнул, провел рукой по глазам, как будто проснувшись, посмотрел на вошедших и после минутной паузы заговорил.

— Ты, — обратился он к старшему, — Мефрес^[74], верховный жрец храма Птаха в Мемфисе. Ты — Херихор, верховный жрец Амона в Фивах, самый могущественный после фараона человек в этом государстве. Ты, — указал он на младшего, — Пентуэр, второй пророк в храме Амона и советник Херихора...

— А ты, несомненно, Бероэс, великий жрец и мудрец вавилонский, приход которого был нам возвещен год назад, — ответил Мефрес.

— Истину сказал ты, — подтвердил халдей.

Он обнял всех по очереди. Они же склонили перед ним головы.

— Я приношу вам великую весть из нашего общего отечества, которое есть мудрость, — продолжал Бероэс. — Выслушайте ее и поступите, как надо.

По знаку Херихора Пентуэр направился в глубь пещеры и принес три кресла из легкого дерева для старших и низкий табурет для себя. Затем сел неподалеку от светильника и вынул спрятанную на груди небольшую палочку и дощечку, покрытую воском. Когда все трое уселись в кресла, халдей начал:

— К тебе, Мефрес, обращается верховная коллегия вавилонских жрецов. Священная каста жрецов в Египте приходит в упадок. Многие копят деньги, имеют женщин и проводят жизнь в утехах. Мудрость у вас в небрежении. Вы не властны ни над миром незримым, ни даже над собственными душами. Некоторые из вас утратили высшую веру, и будущее сокрыто от ваших глаз. Но что еще хуже, многие жрецы, сознавая свою духовную немощь, вступили на путь лжи и ловкими фокусами обманывают невежд. Так говорит верховная коллегия: если вы хотите вернуться на путь истины, Бероэс останется с вами на несколько лет, дабы при помощи искры, принесенной с великого алтаря вавилонского, возжечь свет истины над Нилом.

— Все, что ты говоришь, справедливо, — ответил с прискорбием в голосе Мефрес. — Остайся же с нами на несколько лет, дабы подрастающая молодежь познала вашу мудрость.

— А теперь к тебе, Херихор, слова от верховной коллегии.

Херихор склонил голову.

— Пренебрегая великими таинствами, ваши жрецы недосмотрели, что для Египта приближаются черные годы. Вам угрожают внутренние бедствия, и предотвратить их могут лишь добродетель и мудрость. Хуже, однако, другое: если вы в ближайшие десять лет начнете войну с Ассирией, войска ее разгромит ваши войска. Они явятся на берега Нила и уничтожат все, что здесь существует испокон веков. Такое зловещее расположение звезд, как ныне, было над Египтом впервые в эпоху XIV династии[75], когда вашу страну и покорили и разграбили гиксосы. В третий раз оно повторится через пятьсот или семьсот лет, когда вам будет угрожать опасность со стороны Ассирии и народа парсуа[76], который живет на восток от Халдеи.

Жрецы внимали в ужасе. Херихор побледнел. У Пентуэра выпала из рук дощечка. Мефрес ухватился за висевший на груди амулет и запекшимися губами шептал молитву.

— Берегитесь же Ассирии, — продолжал халдей, — ибо ныне ее час. Это жестокий народ!.. Он презирает труд и живет войной. Победенных ассирийцы сажают на

кол или сдирают с них кожу. Они разрушают покоренные города, а население уводят в неволю. Их отдых — охота на диких зверей, а забавляются они, стреляя в пленников из лука или выкалывая им глаза. Храмы они превращают в развалины, священными сосудами пользуются во время своих пирушек, а мудрых жрецов делают своими шутами. Они украшают стены жилищ кожей, снятой с живых людей, и ставят на пиршественные столы окровавленные головы врагов.

Когда халдей умолк, заговорил досточтимый Мефрес.

— Великий пророк! Ты заронил страх в души наши, но не указываешь спасения. Возможно — и даже наверно так, коль скоро ты это говоришь, — что судьба временно будет немилостива к нам. Но как же этого избежать? Есть на Ниле опасные места, где не уцелеть ни одной лодке, но мудрость кормчих огибает опасные водовороты. То же с несчастьем народов. Народ — ладья, а время — река, которую иногда возмущают бурные вихри. Но если утлому рыбацьему челну удастся спастись от бедствия, почему же многомиллионный народ не может, попав в беду, избежать гибели?

— Слова твои мудры, — ответил Берозс, — но не на все я могу тебе ответить.

— Разве тебе не ведомо все, что будет? — спросил Херихор.

— Не спрашивай меня о том, что я знаю, но чего не могу поведать. Важнее всего для вас в ближайшие десять лет сохранить мир с Ассирией, а это в ваших силах. Ассирия пока еще боится вас; она ничего не знает о неблагоприятном для вашей страны стечении судеб и хочет начать войну с народами, живущими на берегу моря к северу и востоку. Сейчас вы могли бы заключить с ней мирный договор...

— На каких условиях? — спросил Херихор.

— На очень выгодных. Ассирия уступит вам землю израильскую вплоть до города Акко[77] и страну Эдом до города Элат[78]. Таким образом, без войны границы ваши продвинулись на десять дней пути к северу и на десять дней к востоку.

— А Финикия? — спросил Херихор.

— Берегитесь соблазна!.. — воскликнул Берозс. — Если ныне фараон протянет руку за Финикией, то через месяц ассирийские армии, предназначенные для севера и востока, повернут на юг, и не пройдет и года, как кони их будут купаться в Ниле.

— Но Египет не может отказаться от влияния на Финикию! — горячо перебил его Херихор.

— Если он не откажется, то накличет на себя беду, — ответил халдей. — Вот слова верховной коллегии: «Поведай Египту, — наказывали братья из Вавилона, — чтобы он на десять лет, как куропатка, прижался к земле, ибо его подстерегает ястреб злой судьбы. Поведай, что мы, халдеи, ненавидим ассирийцев еще больше, чем египтяне, ибо несем на себе бремя их власти. Тем не менее мы советуем Египту сохранить мир с этим кровожадным народом. Десять

лет — небольшой срок, после которого вы можете не только отвоевать свое прежнее положение, но и нас спасти».

— Это верно! — согласился Мефрес.

— Рассудите сами! — продолжал халдей. — Если Ассирия вступит с вами в войну, она потянет за собой Вавилон, который не любит войны, она истощит наши богатства и задержит расцвет мудрости. Даже если вы и не будете покорены, страна ваша на долгие годы подвергнется опустошению и потеряет не только много людей, но и плодородные земли, ибо без ваших усилий их за один год занесет песками.

— Это мы понимаем, — вмешался Херихор, — а потому и не думаем задевать Ассирию. Но Финикия...

— Что вам до того, — ответил Бероэс, — если ассирийский разбойник прижмет финикийского вора? От этого только выиграют наши и ваши купцы. А если вы захотите иметь в своей власти финикийян, разрешите им селиться на ваших берегах. Я уверен, что самые богатые из них и самые ловкие убегут от ассирийцев.

— А что будет с нашим флотом, если Ассирия начнет хозяйничать в Финикии? — спросил Херихор.

— Ведь на самом деле это не ваш флот, а финикийский, — ответил халдей. — Когда в вашем распоряжении не будет тирских и сидонских судов, вы начнете строить свои и станете обучать египтян искусству мореплавания. И если вы проявите ум и деловитость, вам удастся вырвать из рук финикийян торговлю на всем западе.

Херихор махнул рукой.

— Я сказал, что было ведено, — заявил Бероэс, — а вы поступайте, как найдете нужным. Но помните, что ближайшие десять лет для вас неблагоприятны...

— Помнится, святой муж, — вмешался Пентуэр, — ты говорил о внутренних бедствиях, угрожающих Египту в будущем. В чем это выразится, — не соблаговолишь ли ответить слуге твоему.

— Об этом не спрашивайте меня. Это вы должны знать лучше, чем я, чужой человек. Ваша зоркость откроет вам болезнь, а опыт укажет средства исцеления.

— Народ живет под тяжким гнетом сильных и богатых! — прошептал Пентуэр.

— Благочестие упало! — сказал Мефрес.

— Есть много людей, мечтающих о завоевательной войне, — прибавил Херихор. — А я давно уже вижу, что мы не в силах ее вести. Разве что лет через десять.

— Так вы заключите союз с Ассирией? — спросил халдей.

— Амон, читающий в моем сердце, — ответил Херихор, — знает, как противен мне подобный союз. Еще не так давно презренные ассирийцы платили нам дань! Но если ты, святой отец, и верховная коллегия говорите, что судьба против нас, мы вынуждены заключить союз...

— Да, вынуждены... — поддакнул Мефрес.

— В таком случае о вашем решении сообщите вавилонской коллегии; они уж устроят так, что царь Ассар[79] пришлет к вам посольство. Поверьте мне, этот договор очень выгоден для вас: вы без войны увеличиваете свои владения! И об этом подумала наша жреческая коллегия.

— Да снизойдет на вас всякая благодать: богатство, власть и высокая мудрость! — сказал Мефрес. — Ты прав, надо поднять нашу жреческую касту, и ты, святой муж Бероэс, поможешь нам.

— Необходимо облегчить тяжелое положение народа, — вставил Пентуэр.

— Жрецы... народа!.. — сказал как бы про себя Херихор. — Прежде всего надо обуздать тех, кто жаждет войны. Правда, фараон на моей стороне, и мне кажется, что я добился некоторого влияния на наследника, — да живут они вечно! Но Нитагор, которому война нужна, как рыбе вода... И начальники наемных войск, которые только во время войны приобретают у нас значение... И наша аристократия, которая думает, что война даст им возможность покрыть долги финикийским ростовщикам и принесет богатство...

— А между тем земледельцы падают под бременем непосильного труда, а работающие на общественных работах бунтуют против жестокости управителей, — вставил Пентуэр.

— Этот — все свое! — отозвался погруженный в свои мысли Херихор. — Ты, Пентуэр, думай о крестьянах и рабочих, а ты, Мефрес, о жрецах. Не знаю, что вам удастся сделать. Но клянусь, что даже если бы мой собственный сын толкал Египет к войне, я не пощадил бы его.

— Так и поступай, — проговорил халдей. — Впрочем, те, кто хочет, пускай воюют, только не там, где они могут столкнуться с Ассирией.

На этом совещание закончилось. Халдей накинул шарф на плечо и опустил на лицо покрывало. Мефрес и Херихор стали по бокам, а Пентуэр позади, все лицом к алтарю.

В то время как Бероэс шептал что-то, скрестивши руки на груди, в подземелье снова началось движение; раздался отдаленный гул. Присутствующие с удивлением прислушивались. Тогда маг громко возгласил:

— Бараланенсис, Балдахиенсис, Паумахия, взываю к вам, дабы вы были свидетелями наших уговоров и оказывали нам покровительство.

Вдруг раздался звук труб, столь ясный, что Мефрес припал к земле, Херихор, пораженный, оглянулся, а Пентуэр бросился на колени и, весь дрожа, зажал уши.

Пурпуровая завеса на алтаре зашевелилась, и ее складки приняли такие очертания, как будто оттуда хотел выйти человек.

— Будьте свидетелями, — взывал халдей изменившимся голосом, — вы, небесные и адские силы! А кто не сдержит клятвы или выдаст тайну договора, да будет проклят...

«Проклят...» — повторил чей-то голос.

— И погибнет...

«И погибнет...»

— В этой, видимой, и в той, невидимой, жизни. Неизреченным именем Иеговы, при звуке которого содрогается земля, море отступает от берегов, гаснет пламя и все в природе разлагается на частицы.

В подземелье, казалось, разразилась настоящая гроза. Звуки труб смешивались с раскатами далекого грома. Завеса с алтаря спала и улетела, волоочась по земле, а из-за нее среди непрерывных молний появились какие-то причудливые существа, полулюди, полурастения и полужвери, все вперемешку свиваясь в клубки...

Вдруг все стихло, и Берозс медленно поднялся в воздух над головами трех жрецов.

В восемь часов утра харранец Пхут вернулся в финикийскую гостиницу «У корабля», где его мешки и сундук оказались уже найденными. Спустя несколько минут явился и доверенный слуга Асархаддона; хозяин повел его в подвал и торопливо спросил:

— Ну как?

— Я стоял всю ночь, — ответил слуга, — на площади, где находится храм Сета. Часов около десяти вечера из сада, расположенного на расстоянии пяти владений от дома «Зеленой звезды», вышли трое жрецов. Один из них, с черными волосами и бородой, направился через площадь к храму Сета. Я побежал за ним, но спустился туман, и я потерял его из виду. Вернулся ли он в «Зеленую звезду» и когда — я не знаю.

Хозяин гостиницы, выслушав посланного, хлопнул себя по лбу и стал бормотать:

— Если мой харранец одевается, как жрец, и ходит в храм, то, должно быть, он и есть жрец; а поскольку он носит бороду и волосы, — очевидно, халдейский жрец. И то, что он тайком встречается со здешними жрецами, наводит на подозрения. Полиции я не скажу об этом, а то как бы мне же еще не попало, но сообщу кому-нибудь из влиятельных сидонцев. Из этого, пожалуй, можно извлечь выгоду если и не для себя, то для наших.

Вскоре вернулся второй посланец. Асархаддон и с ним спустился в подвал и услышал следующее:

— Я всю ночь стоял против дома «Под зеленой звездой». Харранец был там, напился и так орал, что полицейский даже сделал замечание привратнику...

— Как так?.. — спросил хозяин. — Харранец был всю ночь под «Зеленой звездой»? И ты его видел?..

— Не только я, но и полицейский...

Асархаддон вызвал первого слугу и велел каждому повторить свой рассказ. Те повторили в точности, каждый свое. Из их рассказов следовало, что харранец Пхут всю ночь веселился под «Зеленой звездой», ни на минуту не уходя оттуда, и что в то же время он поздно ночью отправился в храм Сета, откуда не возвращался.

— Ого!.. — пробормотал про себя финикиянин. — Здесь кроется великое надувательство... Надо поскорее сообщить старейшинам финикийской общины, что этот хетт умеет бывать одновременно в двух местах. И, кстати, попрошу его убраться поскорее из моей гостиницы. Не люблю тех, у кого два лица: одно свое, другое — про запас, на всякий случай. Такой человек — или большой мошенник, или чародей, или заговорщик.

Поскольку Асархаддон боялся и того, и другого, и третьего, он поспешил сотворить молитвы перед всеми богами, украшавшими его гостиницу, и заклинания против колдовства, а потом побежал в город сообщить о происшедшем старшине финикийской общины и старшине воровского цеха. Проделав все это и вернувшись домой, он вызвал полицейского и заявил ему, что Пхут, по всем признакам, человек опасный. От харранца же потребовал, чтобы тот покинул гостиницу: он не приносит ему никакой прибыли, а только навлекает на его заведение подозрения полиции.

Пхут охотно согласился, заявив, что сегодня же вечером отплывает в Фивы.

«Чтоб тебе оттуда не вернуться! — подумал гостеприимный хозяин. — Чтоб тебе сгнить в каменоломнях или попасть в зубы крокодилу».

21

Путешествие наследника престола началось в самое лучшее время года, в месяце фаменот (конец декабря, начало января).

Вода убыла до половины своего обычного уровня, обнажая все новые пространства земли. Со стороны Фив плыли к морю многочисленные плоты с пшеницей. В Нижнем Египте убирали клевер и кассию. Апельсиновые и гранатовые деревья покрылись цветами. На полях сеяли люпин, лен, ячмень, бобы, фасоль, огурцы и другие овощи.

Провожаемый до мемфисской пристани жрецами, высшими государственными сановниками, гвардией его святейшества фараона и народом, часов в десять утра

царевич-наместник Рамсес ступил на раззолоченную барку. Под палубой, на которой были раскинута роскошные шатры, сидело на веслах двадцать солдат. У мачты, на носу и на корме заняли места лучшие судовые техники. Одни наблюдали за парусом, другие управляли рулем, третьи командовали гребцами.

Рамсес пригласил к себе на барку верховного жреца достопочтенного Мефреса и святого отца Ментесуфиса, которые должны были сопровождать его в пути, а затем помогать в делах управления. Был приглашен также мемфисский номарх, проводивший царевича до границ своей провинции.

На некотором расстоянии впереди барки наместника плыло красивое судно благородного Отоя[80], номарха соседней с Мемфисом области Аа[81], а позади — бесчисленные лодки с придворными, жрецами, офицерами и чиновниками.

Суда с продовольствием и прислугой отплыли раньше.

До Мемфиса Нил течет между двумя горными грядами. Дальше горы сворачивают на восток и на запад, река же разбивается на несколько рукавов, воды которых катятся к морю по широкой равнине.

Когда судно отчалило от пристани, царевич хотел было побеседовать с верховным жрецом, но тут раздались такие громкие клики толпы, что наследнику пришлось выйти из шатра и показаться народу. Однако шум усилился, берега были сплошь усеяны толпами полуголых или одетых в праздничные одежды горожан. У многих были на голове венки и почти у всех — зеленые ветки в руках. Слышались песни, раздавались звуки бубна и флейт.

Густо расставленные вдоль берегов журавли с ведрами сегодня бездействовали. Зато по Нилу шныряли челноки, и гребцы бросали цветы навстречу барке наследника. Некоторые сами прыгали в воду и плыли за его судном.

«Они приветствуют меня, как самого фараона», — подумал Рамсес, и сердце его преисполнилось гордости при виде стольких нарядных судов, которые он мог остановить одним мановением руки, и тысяч людей, которые бросили свою работу и рисковали пострадать и даже погибнуть в сутолоке, царившей на реке, лишь бы взглянуть на его божественный лик. Особенно опьяняли Рамсеса громкие крики толпы, которые не прекращались ни на минуту. Крики эти переполняли радостью его грудь, ударяли в голову и тешили самолюбие. Царевичу казалось, что если б он прыгнул с помоста, то не коснулся бы даже воды, ибо восторг толпы подхватил бы его и поднял над землей, как птицу.

Когда барка приблизилась к левому берегу, фигуры отдельных людей в толпе стали вырисовываться яснее, и Рамсес заметил нечто для себя неожиданное. В то время как в первых рядах люди пели и хлопали в ладоши, в дальних то и дело взлетали дубинки, опускаясь на невидимые спины. Удивленный наместник обратился к мемфисскому номарху:

— Что это, достойнейший?.. Там, кажется, работают дубинки?

Номарх поднес руку к глазам, — даже шея у него покраснела.

— Прости, высокочтимый господин, я плохо вижу...

— Там избивают народ... Ну да, конечно, избивают, — повторил Рамсес.

— Возможно... — ответил номарх, — возможно, что полиция поймала шайку воров.

Не вполне удовлетворенный ответом, наследник прошел на корму, к судовым техникам, которые вдруг повернули лодку к середине реки, и посмотрел оттуда в сторону Мемфиса.

Выше по Нилу берега были почти пусты, лодки исчезли. Журавли, черпавшие воду, работали, как будто ничего не происходило.

— Что, праздник окончился? — спросил наместник одного из техников.

— Да, люди вернулись к работе, — ответил тот.

— Так скоро!

— Им надо наверстать потерянное время, — ответил неосторожный техник.

Наследника передернуло. Он пристально посмотрел на говорившего, но быстро овладел собой и вернулся в шатер. Крики толпы уже больше не радовали его. Он нахмурился и молчал. После вспышки уязвленной гордости царевич почувствовал презрение к этой толпе, которая так быстро переходит от восторга к своей будничной работе, к журавлям, черпающим грязную воду.

Нил начинал разбиваться на рукава. Судно номарха области Аа повернуло к западу и час спустя пристало к берегу. Здесь толпа была еще многочисленнее, чем под Мемфисом. Повсюду стояли триумфальные арки, обвитые зеленью, и столбы с флагами. Все чаще попадались чужеземные лица, одежда.

Когда Рамсес вышел на берег, к нему подошли жрецы, несшие балдахин, и достойный номарх Отой обратился к наместнику с речью:

— Привет тебе, наместник божественного фараона, на земле нома Аа. В знак своей милости, которая для нас равноценна небесной росе, соблаговоли принести жертву богу Птаху, нашему покровителю, и прими под свое покровительство и власть этот ном с его храмами, правителями, народом, скотом, хлебом и всем, что в нем есть.

Затем номарх представил ему группу молодых щеголей, раздушенных, наруганных, одетых в шитое золотом платье. Это была местная аристократия — в большинстве своем близкие и дальние родственники номарха.

Рамсес присматривался к ним с большим вниманием.

— Ага! — воскликнул он. — Мне все казалось, что им чего-то не хватает. Теперь я вижу: они без париков...

— Так как ты, достойнейший царевич, сам не носишь парика, то и наша молодежь отказалась носить это украшение, — ответил номарх.

После этого один из молодых людей стал за спиной наместника с опахалом, другой со щитом, третий с копьем, и шествие началось. Наследник шел под балдахином, а впереди — жрец с кадиланицей, в которой курились благовония, и несколько девушек, бросавших розы на тропу, по которой должен был ступать царевич. Народ в праздничных одеждах с ветками в руках стоял вдоль пути и оглашал воздух криками и песнями или падал ниц перед наместником фараона. Рамсес заметил, однако, что, несмотря на громкие выражения радости, лица у людей пасмурные и озабоченные. Он заметил также, что толпа разделена на группы, которыми управляют какие-то люди, и снова почувствовал к ней холодное презрение, ибо она не умела даже радоваться.

Шествие медленно приблизилось к мраморной колонне, обозначавшей границу между номами Аа и Мемфисом. На колонне с трех сторон были сделаны надписи с обозначением количества земельной площади, населения и числа городов провинции. С четвертой стороны стояло изваяние бога Птаха, окутанного до плеч покрывалом, с обычным чепцом на голове и жезлом в руке.

Один из жрецов подал царевичу золотую ложку с курящимися благовониями. Наследник, шепча молитвы, высоко взмахнул кадиланицей и несколько раз низко поклонился.

Крики народа и жрецов стали еще громче, на лицах же аристократической молодежи можно было увидеть насмешливую улыбку. Наследник, с момента примирения с Херихором оказывавший большие почести богам и жрецам, слегка нахмурился, и сразу же все приняли серьезный вид, а некоторые даже пали ниц перед столпом.

«В самом деле, — подумал царевич, — насколько люди благородного происхождения лучше, чем эта чернь!.. Они участвуют сердцем в том, что делают, не так, как те, что, накричавшись в мою честь, рады вернуться поскорее к своим колодцам и верстакам».

Теперь Рамсес больше, чем когда-либо, ощущал разницу между собою и простым людом и понял, что только аристократия есть тот класс, с которым связывают его одни и те же чувства. Если бы вдруг исчезли эти стройные юноши и красивые женщины, которые горящими глазами ловят каждое его движение, чтобы мгновенно услужить ему и исполнить его приказание, — если бы они исчезли, он почувствовал бы себя среди этой несметной толпы более одиноким, нежели в пустыне.

Восемь негров принесли носилки с балдахином, украшенным страусовыми перьями, и наместник направился в столицу нома, Сехем, где и поселился в правительственном дворце.

В этой области, отстоящей от Мемфиса на несколько миль, Рамсес провел около месяца. Все это время прошло в приеме посетителей, всевозможных чествованиях и представлениях чиновников, а также и пиршествах.

Пиршества были двоякого рода: одни происходили во дворце, и в них принимала участие только аристократия, другие — во внутреннем дворе, где жарились целые быки, съедались сотни хлебов и выпивались сотни кувшинов пива. Здесь угощали служащих наместника и его низших чиновников.

Рамсес поражался щедрости номарха и преданности местной знати, которая днем и ночью окружала наместника, откликаясь на каждый его жест, готовая исполнить всякое его приказание.

Наконец, утомленный развлечениями, наследник заявил Отою, что согласно повелению его святейшества фараона хочет ближе познакомиться с хозяйством области.

Желание его было исполнено. Номарх предложил ему сесть в носилки, которые несли только два человека, и в сопровождении большой свиты отправиться в храм богини Хатор[82]. Там свита осталась в преддверии. Рамсеса же номарх велел поднять на вышку одного из пилонов, причем сам сопутствовал ему.

С вершины шестизэтажной башни, откуда жрецы наблюдали небо и посредством цветных флагов сносились с соседними храмами Мемфиса, Атриба[83], Она, взор охватывал почти всю провинцию радиусом в несколько миль.

Отсюда Отой показал наместнику, где расположены поля и виноградники фараона, какой канал подвергается сейчас очистке, какая плотина чинится, где находятся печи для выплавки бронзы, где фараоновы житницы и болота, заросшие лотосом и папирусом, какие поля занесены песком, и так далее.

Рамсес был в восторге от прекрасного вида и горячо благодарил Отоя за доставленное ему удовольствие. Вернувшись, однако, во дворец и принявшись, по совету отца, записывать свои впечатления, он убедился, что его сведения о состоянии нома Аа нисколько не расширились.

Несколько дней спустя он снова потребовал от Отоя объяснений, касающихся управления области. Тогда достойный номарх велел обратиться всем чиновникам и пройти перед наследником, восседавшим на возвышении у дворца.

Мимо Рамсеса проходили старшие и младшие казначеи, писцы, подсчитывающие урожай, вино, скот, ткани, старшины каменщиков, землекопов, сухопутные и водные инженеры, врачеватели всевозможных болезней, надсмотрщики рабочих полков, полицейские, писцы, судьи, смотрители тюрем, даже парасхиты и палачи. После них достойный номарх представил Рамсесу весь штат его, царевича, личной дворцовой челяди. Царевич, к немалому своему удивлению, узнал, что в номе Аа и городе Сехеме у него на службе числятся: возничий, лучник, щитоносец, копыносец и секироносец, десятка полтора-два носильщиков, несколько поваров, виночерпиев, цирюльников и множество других слуг, преисполненных к нему любви и преданности, тогда как он не имел о них никакого понятия.

Наместник устал от этого скучного и бессмысленного смотра и пал духом. Его ужасала мысль, что он ничего не понимает и, значит, не способен управлять государством, но он даже самому себе боялся признаться в этом.

Ведь если он не в состоянии управлять Египтом и люди узнают об этом, — что ему остается?.. Только смерть. Рамсес чувствовал, что вне трона для него не существует счастья, что, не имея власти, он не может жить.

Однако, отдохнув несколько дней, насколько можно было отдохнуть в сутолоке придворной жизни, он снова призвал к себе Отоя и сказал ему:

— Я просил тебя, достойнейший номарх, посвятить меня в то, как ты управляешь своим номом. Ты показал мне страну и чиновников, но я ничего еще не понимаю. Напротив, я чувствую себя, как человек в подземельях наших храмов, который видит вокруг столько дорог, что не знает, по какой идти, чтобы выбраться наружу.

Номарх огорчился.

— Что же мне делать? — воскликнул он. — Чего ты хочешь от меня, повелитель? Скажи только слово, и я отдам тебе свою власть, богатство, даже голову.

И, видя, что наследник милостиво выслушивает эти уверения, продолжал:

— Во время путешествия ты видел народ этого нома. Ты скажешь, что были не все. Правильно. Но я прикажу, чтобы вышло все население, а его насчитывается — мужчин, женщин, стариков и детей — около двухсот тысяч. С вершины пилона ты изволил созерцать наши земли. Но если ты желаешь, мы можем осмотреть вблизи каждое поле, каждую деревню, каждую улицу Сехема. Наконец, я показал тебе чиновников, среди которых отсутствовали, правда, самые низшие, но повели — и все предстанут завтра и падут ниц перед тобой. Что я должен еще сделать? Ответь мне, государь!

— Я верю в твою преданность, — ответил царевич. — Но объясни мне две вещи: первое — почему уменьшились доходы его святейшества фараона; второе — что ты сам делаешь, управляя номом?

Отой смутился. Наместник поспешил пояснить:

— Я хочу это знать, так как я молод и только еще учусь управлять.

— Но мудрость твоя сделала бы честь столетнему старику! — пролепетал номарх.

— Вот почему, — продолжал свою мысль Рамсес, — мне необходимы советы и указания опытных людей. Будь же моим учителем.

— Я все покажу и расскажу тебе. Дай только выбраться отсюда в такое место, где нет этого шума...

Действительно, во дворце, занимаемом наместником, во внутренних и наружных дворах народ толпился, как на ярмарке. Все пили, ели, пели песни или состязались в беге, борьбе, и все — во славу наместника, которому служили.

В половине третьего пополудни номарх приказал привести из конюшни двух лошадей и вместе с Рамсесом выехал за город. Придворные остались во дворце и продолжали пировать еще веселее.

День был прекрасный, прохладный, земля покрыта зеленью и цветами. Над головами всадников раздавалось пение птиц. Воздух был полон благоуханий.

— Как тут приятно — воскликнул Рамсес. — Первый раз за весь месяц я могу собраться с мыслями. А мне уже начинало казаться, что у меня в голове остановилась на постой целая колонна военных колесниц и проводит все дни и ночи в ученьях.

— Такова участь повелителей мира, — ответил номарх.

Они остановились на холме. У ног их расстился широкий луг, перерезанный голубым потоком. На севере и на юге белели стены городков. За лугом до самого горизонта тянулись красноватые пески западной пустыни, из которой, словно из жаркой печи, доносилось по временам дыхание знойного ветра.

На лугу паслись бесчисленные стада домашних животных: рогатые и безрогие быки, овцы, козы, ослы, антилопы, даже носороги. Тут и там виднелись зеленые пятна болот, поросших водной растительностью, кишевших дикими гусями, утками, голубями, аистами, ибисами и пеликанами.

— Взгляни, государь, — сказал номарх, — вот картина нашей страны Кене^[84], Египта. Осирис возлюбил эту полоску земли среди пустыни. Он одарил ее обильной растительностью и животными, дабы от них была польза. Потом добрый бог принял на себя человеческий облик и стал первым фараоном. Когда же он почувствовал, что тело его дряхлеет, он покинул его и вселился в своего сына, а затем и в его сына. Таким образом, Осирис живет среди нас уже много столетий в образе фараона, пользуясь богатствами Египта, которые он сам создал. Бог наш и господин разросся, подобно могучему дереву. Его мощные ветви — это египетские цари, сучья — жрецы и номархи, а листья — аристократия. Бог зримый восседает на земном престоле и взимает со страны положенную ему дань. Бог незримый принимает жертвоприношения в храм и устами жрецов изъясляет свою волю.

— Это правда, — заметил царевич. — Об этом и в священных книгах написано.

— Так как Осирис-фараон, — продолжал номарх, — не может сам заниматься земным хозяйством, то он поручил наблюдать за своим достоянием нам, номархам, ведущим от него свой род.

— И это верно, — подхватил Рамсес. — Иногда лучезарный бог даже воплощается в номарха и дает начало новой династии. Так возникли Мемфисская, Элефантинская, Фиванская, Ксоисская династии.

— Все это совершенно справедливо, государь, — продолжал Отой. — А теперь я отвечу тебе на то, о чем ты меня спрашивал. Что я делаю здесь, в номе?.. Я охраняю достояние Осириса-фараона и свою долю в нем. Взгляни на эти стада —

ты видишь разных животных: одни дают молоко, другие мясо, третьи шерсть и кожу. Так же и население Египта: одни доставляют хлеб, другие — вино, ткани, утварь, третьи строят дома. Мое дело заключается в том, чтобы получить с каждого что следует и повергнуть к стопам фараона. Я не мог бы сам углядеть за столь многочисленным стадом. Поэтому я подобрал себе верных собак и мудрых пастухов: одни доят животных, стригут их, снимают с них шкуры; другие сторожат, чтоб не украли их воры или не растерзали хищники. Так и с номом: я не попевал бы собирать все налоги и оберегать людей от зла; для этого у меня есть чиновники, которые делают то, что считают правильным, а мне отдают отчет в своих действиях.

— Все это верно, — перебил Рамсес. — Я это знаю и понимаю. Однако меня удивляет, отчего уменьшились доходы его святейшества, хотя их так усердно охраняют?

— Вспомни, — ответил номарх, — что бог Сет, хотя и приходится родным братом лучезарному Осирису, ненавидит его, воюет с ним и препятствует добрым его начинаниям. Он насылет мор на людей и скот, он делает так, что разлив Нила бывает слишком мал или слишком бурен. В жаркое время года он наносит на Египет тучи песку. В хороший год Нил доходит до пустыни, в плохой — пустыня подходит к Нилу, и царские доходы поневоле уменьшаются. Взгляни, — продолжал он, указывая на луг, — как многочисленны эти стада, но в дни моей молодости они были еще больше. А кто виноват в этом? Не кто иной, как Сет, против которого не устоять человеческим силам. Этот луг, и ныне огромный, когда-то был так велик, что с нашего места не видно было пустыни, которая теперь наводит на нас ужас. Там, где борются между собой боги, человек бессилен; где Сет побеждает Осириса, что могут сделать люди?

Отой умолк. Царевич поник головой. Немало наслушался он в школе о благодати Осириса и злокозненности Сета и, еще будучи ребенком, возмущался, как это до сих пор не разделились с последним.

«Когда я вырасту, — думал он тогда, — и смогу держать в руке копьё, я разыщу Сета, и мы померяемся с ним силами!»

А вот сейчас он смотрел на беспредельное пространство песков, царство злокозненного бога, сокращавшего доходы Египта, но не думал о борьбе с ним. Как бороться с пустыней? Ее можно только обойти или погибнуть в ней.

22

Пребывание в номе Аа так утомило наследника, что он велел прекратить все торжества в его честь и объявить, чтобы во время его путешествия народ не выходил его приветствовать. Свита удивлялась и даже слегка роптала. Приказ, однако, был выполнен, и жизнь Рамсеса снова стала несколько спокойнее. У него оставалось время для занятий с солдатами — его любимого дела — и для того, чтобы привести в порядок свои мысли.

Уединившись в самом отдаленном углу дворца, царевич много размышлял о том, в какой мере он выполнил повеление отца. Он собственными глазами осмотрел ном Аа, его поля, города, познакомился с его населением и чиновниками. Сам проверил и убедился, что восточная часть провинции подверглась вторжению пустыни, видел, что трудовое население, тупое и ко всему безучастное, делает только то, что ему прикажут, — и то неохотно; и, наконец, пришел к выводу, что истинно и беззаветно преданных людей он может найти только среди аристократии, представители которой или состоят в родстве с фараоном, или принадлежат к военному сословию и являются внуками солдат, воевавших под знаменем Рамсеса Великого.

Во всяком случае, эти люди искренне привязаны к династии и готовы служить ей с неподдельным рвением. Не то, что простолюдины, которые, прокричав приветствия, бегут скорее к своим волам и свиньям.

Но главная задача не была разрешена. Рамсес не только не выяснил причин уменьшения царских доходов, но не был в состоянии даже как следует уяснить себе, в чем корень зла и как исправить дело. Он чувствовал только, что легендарная борьба бога Сета с богом Осирисом ничего не разъясняет и не указывает никаких средств, чтобы помочь беде.

Между тем наследник, как будущий фараон, хотел получать большие доходы, такие, какие получали прежние повелители Египта, и кипел гневом при одной мысли, что, вступив на престол, может оказаться таким же бедняком, как его отец, если не беднее. «Никогда!» — говорил он, сжимая кулаки.

Для того чтобы увеличить царские богатства, он готов был броситься с мечом на самого бога Сета и так же безжалостно изрубить его на куски, как сам Сет сделал это со своим братом Осирисом. Но вместо жестокого бога и его легионов перед ним была пустота, безмолвие и неизвестность.

Терзаемый этими мыслями, он однажды обратился к верховному жрецу Мефресу.

— Скажи мне, святой отец, преисполненный всякой премудрости, почему доходы государства уменьшаются и каким образом можно было бы их увеличить?

Верховный жрец воздел руки к небу.

— Благословен дух, — воскликнул он, — подсказавший тебе, достойный господин, такие мысли... Молю богов, чтобы ты пошел по стопам великих фараонов, воздвиг по всему Египту богатые храмы и с помощью плотин и каналов увеличил площадь плодородных земель!..

Старик был так растроган, что даже прослезился.

— Прежде всего, — перебил его царевич, — ответь мне на то, о чем я тебя спрашиваю. Разве можно думать о постройке каналов и храмов, когда казна пуста? Египет постигло величайшее бедствие: его повелителям грозит нищета. Это первое, что нужно расследовать и исправить. Остальное само собой приложится.

— Это, государь, ты узнаешь только в храмах, у подножия алтарей, — ответил верховный жрец. — Только там может быть удовлетворено твое благородное любопытство.

Рамсес сделал нетерпеливое движение.

— Забота о храмах заслоняет перед вашим преосвященством интересы всей страны, даже казну фараонов!.. — воскликнул он. — Я сам ученик жрецов, и воспитывался под сенью храмов, и видел таинственные обряды, в которых вы изображаете злокозненность Сета, смерть и возрождение Осириса, но какой мне в этом толк? Когда отец спросит меня, как наполнить государственную казну, мне нечего будет ему ответить. Разве просить его, чтоб он еще больше и чаще молился, чем делал это до сих пор.

— Ты богохульствуешь, царевич, ибо не знаешь высоких таинств религии. Зная их, ты сам ответил бы на многие вопросы, которые тебя мучат. А если бы ты видел то, что я видел, то поверил бы, что для Египта самое важное — это возвышение храмов и их служителей.

«Старики всегда впадают в детство», — подумал Рамсес и прервал беседу. Верховный жрец Мефрес всегда был очень набожным, но в последнее время стал проявлять в этом отношении даже странности.

«Хорош бы я был, — размышлял про себя Рамсес, — если б отдал себя в руки жрецов, чтобы участвовать в их ребяческих обрядах. Пожалуй, Мефрес заставил бы и меня по целым часам простаивать перед алтарем с воздетыми к небу руками, как делает он сам, очевидно, в ожидании чуда».

В месяце фармути (конец января — начало февраля) царевич простился с Отоем, собираясь, переехать в ном Хак. Он поблагодарил номарха и знатных сановников за великолепный прием, но в душе уносил печальное сознание, что не справился с отцовским поручением.

В сопровождении родственников и приближенных Отоя наместник переправился на другой берег Нила, где его встретил достойный номарх Ранусер с вельможами и жрецами. Как только он вступил на землю Хак, жрецы подняли ввысь статую бога Атума, покровителя области, чиновники пали ниц, а сам номарх преподнес ему золотой серп, прося, чтоб он, как наместник фараона, начал жатву. Начиналась уборка ячменя.

Рамсес взял серп, срезал несколько пучков колосьев и сжег их вместе с благовониями перед статуей бога, охраняющего межи. После него то же самое сделали номарх и знатные вельможи. И, наконец, начали жатву крестьяне. Они собирали только колосья, бросая их в мешки. Солома же оставалась в поле.

После выполнения этих обрядов, которые показались ему очень томительными, наместник взошел на колесницу; впереди выступал небольшой отряд солдат, за ним жрецы; двое знатных вельмож вели под уздцы лошадей наместника. Вслед за наместником, на другой колеснице, ехал номарх Ранусер, а за ним

многолюдная свита вельмож и придворных. Народ, по приказанию Рамсеса, не выходил навстречу, но работавшие в поле крестьяне при виде их падали ниц.

Проехав таким образом несколько понтонных мостов, переброшенных через рукава Нила и каналы, они к вечеру прибыли в город Он — столицу области.

Несколько дней продолжались приветственные пиршества, оказание почестей наместнику, представление ему чиновников. Наконец Рамсес потребовал прекращения торжеств и попросил номарха познакомить его с богатствами нома.

Осмотр начался на следующий день и продолжался несколько недель. Каждый день на площади перед дворцом, где жил наместник, собирались различные цехи ремесленников под предводительством цеховых старшин, чтобы показать ему свои изделия.

Приходили по очереди оружейники с мечами, копьями и секирами, мастера музыкальных инструментов с дудками, рожками, бубнами и арфами. За ними следовал многолюдный цех столяров; они тащили кресла, столы, диваны, носилки и колесницы, украшенные богатыми рисунками, отделанные разноцветным деревом, перламутром и слоновой костью. Потом несли металлическую кухонную посуду и утварь: кочерги, ухваты, двуухие горшки, плоские жаровни с крышками. Ювелиры хвалились золотыми перстнями необычайной красоты, ручными и ножными браслетами из сплава золота с серебром, цепями; все это было покрыто искусной художественной резьбой, усеяно драгоценными камнями или расцвечено эмалью.

Замыкали шествие гончары, несшие больше ста сортов глиняной посуды. Там были вазы, горшки, чаши, кувшины и кружки самой разнообразной величины и формы, покрытые разноцветными рисунками, украшенные головами животных и птиц.

Каждый цех преподносил наследнику в подарок свои лучшие изделия. Они заполнили большой зал, хотя между ними не нашлось бы и двух одинаковых вещей. По окончании интересной, но утомительной церемонии номарх спросил Рамсеса, доволен ли он. Тот ответил не сразу.

— Более красивые вещи я видел лишь в храмах или во дворцах моего отца. Но так как их могут покупать только богатые люди, то я не знаю, получает ли государство от них достаточный доход.

Номарха удивило это равнодушие молодого повелителя к произведениям искусства и встревожила такая забота о государственных доходах. Желая, однако, угодить Рамсесу, он стал водить его с тех пор по царским фабрикам и мастерским.

Они посетили мельницы, где рабы с помощью нескольких сотен жерновов и ступ превращали зерно в муку; побывали в пекарнях, где пекли хлеб и сухари для армии, и на фабриках, где заготавливали впрок рыбу и мясо; осматривали крупные кожевенные заводы и мастерские, где делали сандалии; плавильни, где

выплавляли бронзу для посуды и оружия; кирпичные заводы, сапожные и портняжные мастерские.

Предприятия эти помещались в восточной части города. Рамсес осматривал их сперва с любопытством, но скоро ему наскучил вид рабочих, запуганных, исхудалых, с болезненным цветом лица и рубцами от дубинок на спине.

Он старался проводить как можно меньше времени в мастерских, предпочитая осматривать окрестности города Она. Далеко на востоке видна была пустыня, где в прошлом году происходили маневры. Как на ладони видел он тракт, по которому маршировали его полки, место, где из-за попавшихся навстречу скарабеев метательные машины вынуждены были свернуть в пустыню, видел, может быть, даже и дерево, на котором повесился крестьянин, вырывший канал. Вон с той возвышенности он вместе с Тутмосом смотрел на цветущую землю Гошен и бранил жрецов. Там между холмами он встретил Сарру, к которой вспылало любовью его сердце.

Как сейчас все изменилось!.. С тех пор как Рамсес благодаря Херихору получил корпус и наместничество, он перестал ненавидеть жрецов. Сарра уже стала ему безразлична как возлюбленная, зато все больше и больше интересовал его ребенок, которому она должна была дать жизнь.

«Как она там живет? — думал царевич. — Давно уже нет от нее вестей».

Когда он смотрел так вдаль, на восточные возвышенности, вспоминая недавнее прошлое, возглавлявший его свиту номарх Ранусер решил, что наместник заметил какие-то злоупотребления и думает о том, как наказать его.

«Что он мог увидеть? — волновался достопочтенный номарх. — То ли, что половина кирпича продана финикийским купцам? Или что на складе не хватает десяти тысяч сандалий? Или, может быть, какой-нибудь негодяй шепнул ему что-нибудь о плавильнях?..»

Ранусер был страшно обеспокоен.

Вдруг царевич повернулся к свите и подозвал Тутмоса, который обязан был всегда находиться при его особе.

Он тотчас подбежал, и наследник отошел с ним в сторону.

— Послушай, — сказал он, указывая на пустыню, — видишь вон те горы?

— Мы были там в прошлом году, — со вздохом вспомнил щеголь.

— Мне вспомнилась Сарра...

— Я сейчас воскурю благовония богам! — воскликнул Тутмос. — А то мне уже начало казаться, что, став наместником, ты изволил забыть своих верных слуг!..

Рамсес посмотрел на него и пожал плечами.

— Выбери, — сказал он, — из подарков, которые мне принесли, несколько самых красивых ваз, что-либо из утвари, а главное — запястий и цепей, и отвези все Сарре...

— Живи вечно, Рамсес! — тихо проговорил щеголь. — Ты благородный господин!

— Скажи ей, — продолжал царевич, — что сердце мое всегда полно милости к ней. Скажи, что я хочу, чтобы она берегла свое здоровье и думала о ребенке. Когда же подойдет время родов и я выполню поручение отца, тогда, скажи Сарре, я возьму ее к себе, и она будет жить в моем доме. Я не могу допустить, чтоб мать моего ребенка тосковала в одиночестве... Поезжай, сделай, что я сказал, и возвращайся с хорошими вестями.

Тутмос пал ниц перед своим повелителем и тотчас же отправился в путь. Свита наместника не могла догадаться о содержании их разговора, но, видя благоволение его к Тутмосу, завидовала молодому вельможе. Досточтимый же Ранусер продолжал предаваться еще более тревожным размышлениям.

«Не пришлось бы мне, — думал он с огорчением, — наложить на себя руки и в цвете лет осиротить свой дом. Как это я, несчастный, присваивал себе добро фараона, не подумав о часе расплаты!»

Лицо его пожелтело, ноги подкашивались. Но Рамсес, охваченный волной воспоминаний, не замечал его тревоги.

23

Теперь в городе Оне началась полоса пиршеств и развлечений. Номарх Ранусер достал из подвала лучшие вина, из трех соседних номов съехались самые красивые танцовщицы, знаменитейшие музыканты, искуснейшие фокусники. Весь день Рамсеса был заполнен. С утра военные учения, прием сановников, потом обед, зрелища, охота и, наконец, званый ужин. Но как раз когда номарх Хака был уверен, что наместнику надоели уже вопросы управления и хозяйства, тот пригласил его к себе и спросил:

— Твой ном один из самых богатых в Египте?

— Да... хотя нам пришлось пережить несколько трудных лет... — ответил Ранусер, и опять сердце у него замерло, а ноги задрожали.

— Вот это-то меня и удивляет, — продолжал Рамсес, — потому что из года в год доходы его святейшества уменьшаются. Не можешь ли ты объяснить мне причину?

— Государь, — сказал номарх, склоняясь перед царевичем до земли, — я вижу, что мои враги посеяли недоверие в твоей душе, и, что бы я ни сказал, мне трудно будет тебя убедить. Позволь мне поэтому не говорить больше. Пусть придут сюда лучше писцы с документами, которые ты сам можешь пощупать рукой и проверить...

Наследника несколько удивил такой неожиданный ответ, однако он принял предложение и даже обрадовался ему. Он подумал, что доклады писцов разъяснят ему тайну управления.

И вот на следующий день явился великий писец нома Хак^[85] со своими помощниками, которые принесли с собой целый ворох свитков папируса, исписанных с обеих сторон. Когда их развернули, они образовали ленту шириной в три пяди, длиной же в шестьдесят шагов. Рамсес впервые видел такой огромный документ, в котором заключались сведения относительно только одной провинции за год.

Великий писец уселся на полу, поджав под себя ноги, и начал:

— «На тридцать третьем году царствования Мери-Амон-Рамсеса Нил запоздал с разливом. Крестьяне, приписывая это несчастье колдовству чужеземцев, проживающих в провинции Хак, стали разрушать дома неверных иудеев, хеттов и финикийян, причем несколько человек было убито. По повелению достойнейшего номарха, виновных предали суду: двадцать пять крестьян, двое художников и пять ремесленников были присуждены к работе в каменоломнях, а один рыбак — удушен».

— Что это за документ? — спросил наместник.

— Это судебный отчет, составленный для того, чтоб повергнуть его к стопам его святейшества.

— Отложи его и читай о доходах казны.

Помощники великого писца свернули в трубку отброшенный документ и подали ему другой. Великий писец стал снова читать:

— «В пятый день месяца тот привезли в царские житницы шестьсот мер пшеницы, в чем главный смотритель выдал расписку. В седьмой день месяца тот великий казначей узнал и проверил, что из прошлогоднего урожая убыло сто сорок восемь мер пшеницы. Во время проверки двое рабочих украли меру зерна и спрятали его между кирпичами. Когда это было открыто, оба были отданы под суд и сосланы в каменоломни за то, что посягнули на имущество его святейшества...»

— А те сто сорок восемь мер? — спросил наследник.

— Их съели мыши, — ответил писец и стал читать дальше: — «Восьмого числа месяца тот было прислано на убой двадцать коров и восемьдесят четыре овцы, которых смотритель скотного двора велел отдать полку „Ястреб“ под соответствующую расписку».

Таким образом, наместник узнавал день за днем, сколько ячменя, пшеницы, фасоли и семян лотоса было свезено в житницы, сколько сдано на мельницу, сколько украдено и сколько рабочих было за это сослано в каменоломни.

Отчет был такой скучный и беспорядочный, что на половине месяца паопи наместник велел прекратить чтение.

— Скажи мне, великий писец, — спросил Рамсес, — что ты понял из всего прочитанного?..

— Все, что угодно сыну царя! — И он стал повторять все сначала, но уже наизусть: — В пятый день месяца тот было привезено в царские житницы...

— Довольно! — с раздражением крикнул Рамсес и велел писцам убраться.

Писцы пали ниц, торопливо собрали свои папирусы, снова пали ниц и поспешили скрыться за дверь. Наследник призвал к себе номарха Ранусера. Тот явился со сложенными на груди руками, однако лицо его было спокойно. Писцы успели сообщить ему, что наместник ничего не может понять из донесений и далее не выслушал их.

— Скажи мне, достойнейший номарх, тебе тоже читают эти отчеты?

— Каждый день.

— И ты понимаешь в них что-нибудь?

— Прости, государь, но без этого я не мог бы управлять номом.

Рамсес смутился. Может быть, и в самом деле он так непонятлив?.. А тогда каким же он будет правителем?

— Садись, — сказал он, немного помолчав, и указал Ранусеру на стул. — Садись и расскажи мне, как ты управляешь номом.

Вельможа побледнел и закатил глаза под лоб. Рамсес заметил это и поспешил его успокоить:

— Не думай, что я не доверяю твоей мудрости. Напротив, я не знаю человека, который управлял бы лучше тебя. Но я молод и любознателен. Мне хочется знать, в чем состоит искусство управления. И вот я прошу тебя уделить мне частицу твоего опыта. Ты управляешь номом, так объясни мне, как это делается.

Номарх вздохнул с облегчением и сказал:

— Я опишу тебе весь распорядок моего дня, чтоб ты знал, как многотрудны мои обязанности. Утром после ванны я приношу жертвы богу Атуму[86], потом приглашаю казначея и спрашиваю его, исправно ли поступают налоги для его святейшества. Если он говорит, что да, я хвалю его. Когда же он скажет, что такие-то и такие-то не заплатили, я отдаю приказ об аресте непокорных. Затем я призываю смотрителя царских житниц, чтоб знать, сколько прибыло хлеба. Если много — хвалю его. Если мало — приказываю высечь виновных. Потом приходит великий писец и докладывает мне, сколько чего нужно получить из владений царя для армии, чиновников, работников. Я приказываю выдать под расписку. Если он израсходует меньше, я хвалю его, если больше — возбуждаю следствие. После полудня приходят ко мне финикийские купцы, которым я продаю хлеб, а деньги вношу в казну фараона. Потом молюсь и утверждаю судебные приговоры. Вечером полиция сообщает мне о происшествиях. Не далее как третьего дня люди из моего нома проникли на территорию соседней области Ка[87] и

оскорбили статую бога Собека[88]. В душе я порадовался — он ведь не нам покровительствует. Тем не менее я присудил нескольких виновных к удушению, значительную часть — к работе в каменоломнях и всех к палочным ударам. Поэтому у меня в номе царят спокойствие и добрые нравы и налоги притекают каждый день...

— Между тем доходы фараона сократились и у вас, — заметил наследник.

— Слова твои справедливы, господин, — сказал со вздохом Ранусер. — Жрецы говорят, что боги разгневались на Египет за то, что у нас появилось много чужеземцев. Я вижу, однако, что и боги не брезгают финикийским золотом и драгоценными камнями.

Тут в зал вошел дежурный офицер и доложил о жреце Ментесуфисе, пришедшем пригласить наместника и номарха на богослужение. И тот и другой выразили согласие, причем номарх Ранусер проявил столько благочестия, что даже удивил Рамсеса.

Когда Ранусер с поклонами удалился, наместник обратился к жрецу:

— Поскольку ты, святой пророк, состоишь при мне заместителем высокочтимейшего Херихора, объясни мне одну вещь, которая меня очень беспокоит.

— Сумею ли я? — ответил жрец.

— Сумеешь, так как ты исполнен мудрости, которой служишь. Подумай только хорошенько над тем, что я тебе скажу. Ты знаешь, зачем послал меня сюда фараон?

— Чтобы познакомиться с управлением страны и ее богатствами, — ответил Ментесуфис.

— Я это и делаю. Я расспрашиваю номархов, присматриваюсь к стране и людям, выслушиваю доклады писцов, но ничего не понимаю. Это удивляет меня и мучит. Когда я имею дело с воинами, мне все ясно: я знаю, сколько у них солдат, лошадей, колесниц, повозок, кто из офицеров пьет или относится небрежно к службе, а кто добросовестно исполняет свои обязанности. Я знаю, как надо действовать на войне. Если неприятельский корпус стоит на ровной местности, то, чтоб его победить, я должен взять два корпуса. Если неприятель стоит в оборонительной позиции, я двинусь против него, имея не меньше трех корпусов. Когда враг неопытен и сражается беспорядочной толпой, я могу против его тысячи выставить пятьсот своих солдат, и они одолеют его. Когда у него тысяча секироносцев и у меня столько же, я смогу разбить войско врага, если мне на помощь придут сто пращников. В военном деле, святой отец, — продолжал Рамсес, — у меня все как на ладони и на всякий вопрос готов ясный ответ. А что касается управления номами, я не только ничего не могу понять, но у меня такая путаница в голове, что иногда я забываю, зачем сюда приехал. Объясни же мне чистосердечно, как жрец и воин, что это значит? Обманывают ли меня номархи, или я уж: такой неспособный?

Святой пророк задумался.

— Осмелились ли они обманывать тебя, я не знаю, ибо не следил за их поведением. Но мне кажется, что они потому не могут ничего объяснить тебе, что сами ничего не понимают. Номархи и писцы, — продолжал жрец, — как десятские в армии: каждый знает свою десятку и докладывает о ней высшим офицерам. Каждый командует своим маленьким отрядом; общего же плана, составляемого главнокомандующим армией, он не знает. Правители номов и писцы записывают все, что бы ни случилось в их провинции, и повергают свои донесения к стопам фараона. И лишь верховная коллегия извлекает из этих донесений мед мудрости.

— Но вот этого-то меда я и хочу! Почему же мне его не дают?..

Ментесуфис покачал головой.

— Государственная мудрость, — сказал он, — принадлежит к числу жреческих тайн. Ее может постичь только человек, посвятивший себя богам. Между тем, хоть тебя и воспитывали жрецы, ты избегаешь храмов...

— Как так? Значит, если я не стану жрецом — вы не научите меня?

— Есть вещи, которые ты можешь узнать и сейчас как наследник престола. Есть такие, которые ты узнаешь, когда станешь фараоном. Но есть и такие, о которых может знать только верховный жрец.

— Каждый фараон есть в то же время верховный жрец, — перебил его наследник.

— Нет, не каждый. Да и между верховными жрецами есть различие.

— Значит, — вскричал в негодовании наследник, — вы скрываете от меня искусство управления государством и мне не выполнить поручения моего отца!

— То, что нужно тебе, ты можешь узнать, ибо посвящен в низший жреческий сан. Но эти вещи скрыты в храмах за завесой, которую никто не решится приподнять без соблюдения должных обрядов, — спокойно ответил жрец.

— Я приподниму!

— Да хранят боги Египет от такого несчастья! — воскликнул жрец, воздев руки. — Разве ты не знаешь, что боги поразят всякого, кто без надлежащего обряда прикоснется к завесе! Вели это сделать при тебе в храме какому-нибудь рабу или присужденному к смертной казни преступнику, и ты убедишься, что он умрет на месте...

— Потому что вы его убьете!

— Каждый из нас погибнет так же, как и он, если святотатственно приблизится к алтарю. Перед богом фараон, жрец и раб равны.

— Что же мне делать? — спросил Рамсес.

— Искать ответа в храме, очистившись молитвой и постом, — ответил жрец. — С тех пор как существует Египет, ни один повелитель не овладел иным путем государственной мудростью.

— Я подумаю об этом, — сказал царевич, — хотя вижу по всему, что и досточтимейший Мефрес и ты, святой пророк, хотите заставить меня служить богам, как сделали это с моим отцом.

— Нисколько. Если ты, став фараоном, ограничишься командованием армией, тебе придется всего лишь несколько раз в год принимать участие в богослужениях, в остальных случаях тебя будут заменять верховные жрецы. Но если ты хочешь постигнуть тайны храмов, ты должен воздавать почести богам, ибо это они являются источником мудрости.

24

Теперь Рамсесу стало ясно: или он не выполнит поручения фараона, или будет вынужден подчиниться воле жрецов. Это вызывало в нем негодование и злобу.

Он не торопился познать тайны, скрывающиеся в храмах, зато усердно стал принимать участие в пиршествах, которые устраивались в его честь.

Кстати вернулся и Тутмос, большой мастер по части развлечений. Он привез царевичу хорошие вести от Сарры. Она здорова и прекрасно выглядит. Но это сейчас уже мало трогало Рамсеса. Жрецы составили будущему ребенку такой хороший гороскоп, что царевич был в восторге. Они утверждали, что у Сарры будет сын, щедро одаренный богами, и что если отец полюбит ребенка, тот достигнет в жизни высокого положения.

Наследник смеялся над второй частью этого предсказания.

— Странные люди эти мудрецы! — говорил он Тутмосу. — Они знают, что будет сын, чего не знаю я, отец, и сомневаются, буду ли я его любить, хотя нетрудно догадаться, что я буду любить ребенка, даже если это будет дочь. О его славной будущности пусть не беспокоятся. Об этом я позабочусь сам!..

В месяце пахон (январь — февраль) наследник переехал в ном Ка, где его торжественно встретил номарх Софра. От города Она до Атриба было всего семь часов пешего пути. Рамсес, однако, затратил на это путешествие три дня. При мысли о молитвах и постах, ожидавших его при посвящении в тайны храмов, он испытывал все большее влечение к развлечениям. Его свита поняла это, и пиры последовали за пирами.

Опять на дорогах, по которым проезжал наследник, появились толпы народа с радостными криками, цветами и музыкой. Когда подъезжали к Атрибу, радость населения дошла до предела. Какой-то рабочий огромного роста даже бросился под колесницу. Когда же Рамсес остановил лошадей, от толпы отделилась группа молодых женщин и обвила его колесницу цветами.

«Все же они любят меня!» — подумал Рамсес.

В области Ка он уже не спрашивал номарха про доходы фараона, не посещал мастерские, не заставлял читать ему отчеты писцов. Он знал, что ничего не поймет, и отложил эти занятия до тех пор, пока будет посвящен в тайны жрецов.

Только однажды, увидев стоявший на возвышенности храм бога Собека, Рамсес выразил желание подняться на его пилон, чтобы взглянуть на окрестности.

Достойный Софра немедленно исполнил желание наследника, и Рамсес провел на башне несколько отрядных часов.

Область Ка представляла собой плодородную равнину. Десятка два каналов и рукавов Нила пересекало ее во всех направлениях, словно сеть, сплетенная из серебряных и голубых нитей. Посаженные в ноябре дыни и пшеница уже поспевали. На полях копошились нагие люди, которые собирали огурцы или сеяли хлопок. Всюду были разбросаны постройки; кое-где попадались целые городки. Большинство построек, особенно расположенных в поле, представляли собой глиняные мазанки, покрытые соломой и пальмовыми листьями. Зато в городах дома были каменные, с плоскими крышами, похожие издали на белые кубы, с темными отверстиями дверей и окон. Очень часто на одном таком кубе стоял другой, чуть-чуть поменьше, а на нем третий, еще меньше, и каждый был выкрашен в другой цвет. Под ярким солнцем Египта дома эти, разбросанные среди зелени полей и окруженные пальмами и акациями, казались гигантскими жемчужинами, рубинами и сапфирами.

С высоты башни Рамсесу открылось зрелище, которое привлекло его внимание. Он заметил, что дома в окрестностях храмов самые красивые и на полях вокруг них трудится больше людей.

«У жрецов самые богатые поместья!..» — мелькнуло в голове Рамсеса, и он еще раз окинул взглядом храмы и часовни, которые были видны с башни.

Но так как он помирился с Херихором и нуждался теперь в услугах жрецов, то ему не хотелось слишком долго задумываться над этим.

В последующие дни достойный Софра устроил для наследника несколько охот в восточных окрестностях города Атриба. Сначала стреляли над каналами птиц из лука и ловили их огромными силками, куда попадало сразу по несколько десятков, или спускали на них соколов. Затем наследник и его свита углубились в восточную пустыню, и началась большая охота с собаками и пантерой на зверей, которых за эти дни было убито и изловлено несколько сотен.

Когда достойный Софра заметил, что наместнику надоели развлечения под открытым небом и ночевки в шатрах, он прекратил охоту и вернулся со своими гостями в Атриб.

Они прибыли в город около четырех часов пополудни, и номарх пригласил всех к себе во дворец на парадный обед.

Софра сам проводил царевича в купальню, оставался там, пока тот принимал ванну, и достал из собственной шкатулки благовония для умащения его. Потом присматривал за парикмахером, приводившим в порядок волосы наместника, и, наконец, на коленях умолил Рамсеса оказать ему милость и принять от него новую одежду. Она состояла из только что сотканной и вышитой рубашки,

передника, обшитого жемчугом, и затканной золотом накидки из очень прочной материи, но такой тонкой и мягкой, что всю ее можно было зажать в ладонях.

Наследник милостиво согласился и заявил, что никогда еще не получал столь прекрасного подарка.

Солнце уже зашло, когда номарх ввел Рамсеса в пиршественную залу.

Это был большой двор, окруженный колоннами и выложенный мозаикой. Все стены были украшены живописью, изображавшей сцены из жизни предков Софры: войны, морские путешествия и охоту. Вместо крыши над двором парила в воздухе огромная бабочка с разноцветными крыльями, которые для освежения воздуха приводились в движение невидимыми рабами. В бронзовых светильниках, прикрепленных к колоннам, горели яркие факелы, распространяя благовонный дым.

Зал был разделен на две части: одна была пустая, другая заполнена столиками и креслами для участников трапезы. В глубине возвышался помост, на котором под роскошным шатром с откинутыми стенками были приготовлены стол и ложе для Рамсеса.

У каждого столика стояли большие вазоны или кадки с пальмами, акациями и смоковницами. Стол наследника был окружен хвойными растениями, которые струили в зал свой аромат.

Собравшиеся гости встретили царевича радостными возгласами. Когда Рамсес занял место под балдахином, откуда виден был весь зал, свита его уселась за столы. Зазвучали арфы. В зал вошли женщины в богатых прозрачных нарядах, с открытой грудью, сверкавшей драгоценными украшениями. Четыре самые красивые девушки окружили Рамсеса, другие подсели к знатным членам его свиты.

В воздухе реял аромат роз, ландышей и фиалок. Рамсес почувствовал, как в висках у него застучала кровь.

Рабы и рабыни в белых, розовых и голубых рубашках стали разносить сладости, жареную птицу, дичь, рыбу, вино и фрукты, а также венки из цветов, которые обедающие возлагали на голову. Исполинская бабочка все чаще и чаще махала крыльями. В пустой половине зала началось представление. Выступали по очереди танцовщицы, гимнасты, шуты, фокусники и фехтовальщики. Когда кто-нибудь проявлял особенную ловкость, зрители бросали ему цветы из своих венков или золотые кольца.

Обед длился несколько часов, прерываясь возгласами в честь наместника, номарха и его семьи.

Рамсесу, который полулежал на ложе, покрытом львиной шкурой с золотыми когтями, прислуживали четыре дамы. Одна обвевала его опахалом, другая меняла ему венки на голове, остальные подносили блюда. В конце обеда та, с

которой он разговаривал всего охотнее, поднесла ему бокал вина. Половину его Рамсес выпил сам, остальное подал ей и, когда она выпила, поцеловал ее в губы.

Тогда невольники быстро погасили факелы, бабочка перестала шевелить крыльями, и в темном зале наступила тишина, прерываемая лишь нервическим смехом женщин.

Вдруг раздался топот торопливо приближавшихся людей и хриплый мужской голос.

— Пустите меня!.. — кричал мужчина. — Где наследник?.. Где наместник?..

В зале поднялось смятение. Женщины в испуге плакали, мужчины кричали:

— Что это?.. Покушение на наследника?! Эй, стража!

Слышен был звон разбитой посуды, треск ломаемых стульев.

— Где наследник? — кричал ворвавшийся незнакомец.

— Стража!.. Охраняйте наследника!.. — отвечали из зала.

— Зажгите свет!.. — раздался юношеский голос наследника. — Кто меня ищет? Я здесь!..

Внесли факелы. В зале валялась беспорядочной грудой опрокинутая и сломанная мебель, за которой прятались участники пиршества. На возвышении наследник рвался из рук обнимавших его с плачем женщин. Тутмос — в растрепанном парике, подняв бронзовый кувшин, готов был хватить им по голове всякого, кто приблизился бы к царевичу. В дверях показалось несколько вооруженных солдат.

— Что это?.. Кто здесь?.. — кричал в испуге номарх.

Тут только увидели виновника смятения. Какой-то голый, огромного роста человек, покрытый грязью, с кровавыми рубцами на спине, стоял на коленях у самого помоста, протягивая руки к наследнику.

— Вот разбойник! — вскричал номарх. — Возьмите его!

Тутмос поднял свой кувшин, стоявшие у дверей солдаты побежали к помосту.

Израненный человек, припав лицом к ступенькам, взывал:

— Смилуйся, солнце Египта!..

Солдаты собрались уже его схватить, но в это время Рамсес, вырвавшись из рук женщин, подошел к бедняге.

— Не троньте его!.. — крикнул Рамсес солдатам. — Чего тебе нужно от меня? — обратился он к великану.

— Я хочу поведать тебе о наших обидах, государь...

Софра, подойдя к наследнику, шепнул ему:

— Это гиксос. Взгляни на его лохматую бороду и волосы. К тому же наглость, с какой он ворвался сюда, доказывает, что этот злодей не коренной египтянин.

— Кто ты такой? — спросил Рамсес.

— Я — Бакура, из отряда землекопов в Сехеме. У нас сейчас нет работы, так номарх Отой приказал нам...

— Это пьяница и сумасшедший!.. — шептал в ярости Софра на ухо наследнику. — Как он говорит с тобой, государь...

Но Рамсес так посмотрел на номарха, что вельможа с подобострастным поклоном попятился назад.

— Что приказал вам достойный Отой? — спросил Бакуру наместник.

— Он приказал нам, государь, ходить толпой по берегу Нила, бросаться в воду, останавливаться на перекрестках дорог и приветствовать тебя радостными кликами. И обещал заплатить за это, что полагается... Вот уже два месяца, государь, как мы ничего не получали! Ни ячменных лепешек, ни рыбы, ни оливкового масла для натирания тела.

— Что ты на это скажешь? — обратился наместник к номарху.

— Пьяница и разбойник... Наглый лжец!.. — ответил Софра.

— Что же вы там кричали в мою честь?

— Что было приказано! — отвечал великан. — Моя жена и дочь кричали вместе с другими: «Да живет вечно!» — а я прыгал в воду и бросал венки в твою лодку. За это мне должны были заплатить полдебена. Когда же ты изволил все милостивейше въезжать в город Атриб, я по приказу бросился под копыта лошадей и остановил колесницу...

Наместник расхохотался.

— Право, — сказал он, — я не ожидал, что наше пиршество закончится так весело!.. А сколько же тебе заплатили за то, что ты бросился под колесницу?

— Обещали три дебена, но ничего не заплатили — ни мне, ни жене, ни дочери. Да и весь отряд заставили голодать целых два месяца.

— Чем же вы живете?

— Милостыней или тем, что удастся заработать у крестьян. Из-за такой тяжелой нужды мы три раза бунтовали и хотели вернуться домой, но офицеры и писцы то обещали нам, что заплатят, то приказывали нас бить...

— В награду за эти крики в мою честь? — вставил, смеясь, наследник.

— Да, господин... Вчера у нас был самый большой бунт, за что достойнейший номарх Софра приказал избить каждого десятого. Всем досталось, а больше всего мне, потому что я самый рослый и мне приходится кормить три рта: себя, жену и дочь. Избитый, я вырвался из их рук, чтобы пасть ниц перед тобой и принести тебе наши жалобы. Бей нас, если мы виноваты, но пусть писцы выплатят нам, что следует, иначе мы помрем с голоду, мы сами, жены и дети наши...

— Это одержимый!.. — вскричал Софра. — Извольте взглянуть, ваше высочество, сколько он мне наделал убытку. Десять талантов не взял бы я за эти столы, чаши и кувшины.

В толпе гостей, пришедших понемногу в себя, поднялся ропот.

— Это какой-то разбойник!.. — шептали гости. — Смотрите, это в самом деле гиксос, в нем бурлит еще проклятая кровь его дедов, опустошивших Египет. Такая драгоценная мебель... такая дорогая посуда... разбиты вдребезги!..

— Один бунт работников, не получивших платы, причиняет больше вреда государству, чем стоят все эти богатства, — строго сказал Рамсес.

— Святые слова!.. Надо записать их на памятниках!.. — раздались голоса в толпе гостей. — Бунт отрывает людей от работы и наполняет скорбью сердце царя... Недопустимо, чтоб работники по два месяца не получали жалованья...

Наместник с нескрываемым презрением посмотрел на изменчивых, как облака, придворных и строго обратился к номарху:

— Поручаю твоему попечению этого замученного человека. Я уверен, что и волос не упадет с его головы. Я желаю завтра же увидеть весь отряд и проверить, верно ли то, что он здесь говорил.

Сказав это, Рамсес вышел, оставив номарха и гостей в полной растерянности.

На следующий день наследник, одеваясь с помощью Тутмоса, спросил его:

— Пришли работники?..

— Да, государь, они с рассвета ожидают твоих приказаний...

— А этот... Бакура — с ними?

Тутмос поморщился и ответил:

— Произошел странный случай: достойнейший Софра приказал запереть его в пустом подвале своего дворца. И вот этот негодяй, страшнейший силач, выломал дверь в другой подвал, где стояло вино, опрокинул несколько ценнейших кувшинов и напился так, что...

— Что, что?.. — спросил Рамсес.

— Что... умер...

— И ты веришь, — воскликнул он, — что он умер от вина?

— Приходится верить, у меня нет доказательств, что его убили, — ответил Тутмос.

— А я их поищу!.. — вскричал Рамсес.

Он забегал по комнате, фыркая, как рассерженный львенок. Когда он успокоился, Тутмос сказал:

— Не ищи, государь, вины там, где ее не видно; ты даже свидетелей не найдешь. Если кто-нибудь действительно удушил этого рабочего по приказу номарха, — он не признается. Сам покойник тоже ничего не скажет. Да, впрочем, какое значение могла бы иметь его жалоба на номарха!.. Тут ни один суд не согласится начать следствие.

— А если я прикажу?.. — спросил наместник.

— Тогда они проведут следствие и докажут невиновность Софры. Тебе, государь, будет неловко, а все номархи, их родня и челядь станут твоими врагами.

Царевич стоял посреди комнаты в раздумье.

— Наконец, — проговорил Тутмос, — все как будто бы говорит за то, что несчастный Бакура был пьяница или сумасшедший, а главное — чужой. Разве настоящий и здравомыслящий египтянин, — если бы ему даже год не платили жалованья и задали еще большую трепку — решился ворваться во дворец номарха и с такими воплями звать наследника?..

Рамсес поник головой, и, видя, что в соседней комнате стоят придворные, сказал, понизив голос:

— Знаешь, Тутмос, с тех пор как я отправился в это путешествие, Египет мне кажется каким-то другим. Иногда я спрашиваю себя, не в чужой ли я стране? Иногда асе мое сердце охватывает тревога, как будто у меня на глазах пелена: рядом творятся подлости, а я их не вижу..

— Да ты и не старайся их видеть, а то тебе еще покажется, что всех нас следует отправить в каменоломни, — ответил, смеясь, Тутмос. — Помни: номарх и чиновники — это пастыри твоего стада. Если кто-нибудь выдоит кринку молока для себя или зарежет овцу, ты же не убьешь его и не прогонишь. Овец у тебя много, а найти пастухов — дело нелегкое.

Наместник, уже одетый, перешел в приемную, где собралась вся его свита: жрецы, офицеры и чиновники. Вместе с ними он вышел из дворца на наружный двор.

Это была широкая площадь, обсаженная акациями, под сенью которых и ожидали наместника работники. При звуке рожка они вскочили с земли и выстроились в пять рядов.

Рамсес, окруженный блестящей свитой вельмож, вдруг остановился, желая сперва издали взглянуть на землекопов. Это были нагие люди в белых чепцах и в таких же набедренниках. Среди них нетрудно было различить коричневых египтян, черных негров, желтых азиатов и белых обитателей Ливии и островов Средиземного моря.

В первом ряду стояли землекопы с кирками, во втором — с мотыгами, в третьем — с лопатами. Четвертый ряд составляли носильщики, каждый из них держал шест и два ведра, пятый — тоже носильщики, но с большими носилками-ящиками, по два человека на каждые носилки. Они уносили вырытую землю.

Впереди, на расстоянии десяти с лишним шагов, стояли мастера; у каждого в руках была толстая жердь и большой деревянный циркуль или угольник.

Когда Рамсес подошел к ним, они прокричали хором: «Да живешь ты вечно!» — и, опустившись на колени, пали ниц. Он велел им встать, а сам продолжал внимательно их разглядывать.

Это были здоровые сильные люди; не похоже было, что они два месяца живут одной милостыней.

К наместнику подошел номарх Софра со своей свитой, но Рамсес, сделав вид, что не заметил его, обратился к одному из мастеров:

— Вы землекопы?

Тот грохнулся на землю и молчал.

Рамсес пожал плечами и крикнул рабочим:

— Вы из Сехема?

— Мы землекопы из Сехема! — ответили все хором.

— Жалованье получили?..

— Получили — мы сыты и счастливы, слуги его святейшества фараона, — ответил хор, отчеканивая каждое слово.

— Налево кругом! — скомандовал наместник.

Рабочие повернулись. Почти у каждого на спине были глубокие и частые рубцы от палок, но свежих рубцов не было.

«Обманывают меня!» — подумал наследник. Он приказал рабочим вернуться в казармы и, по-прежнему не замечая номарха, ушел к себе во дворец.

— Ты тоже скажешь мне, — обратился он по дороге к Тутмосу, — что эти люди — рабочие из Сехема?

— Они же сами тебе сказали! — ответил Тутмос.

Рамсес велел подать лошадь и поехал к своим полкам, стоявшим лагерем за городом.

Весь день он провел, обучая солдат. Около полудня на площадке для учений в сопровождении номарха появилось несколько десятков носильщиков с шатрами, утварью, едой и вином. Но наместник отправил их обратно, в Атриб. Когда же наступило время обеда для солдат, он велел подать себе овсяные лепешки с сушеным мясом.

Это были наемные ливийские полки. Когда наследник к вечеру велел им оставить оружие и простился с ними, ему казалось, что солдаты и офицеры сошли с ума. С кликами «живи вечно!» они целовали ему руки и ноги, устроили носилки из копий и плащей и с песнями донесли до дворца, споря по дороге за честь нести его на плечах.

Номарх и провинциальные чиновники, видя восторженную любовь ливийских варваров к наследнику и его милостивое отношение к ним, встревожились.

— Вот это повелитель!.. — шепнул Софре великий писец. — Если б он захотел, эти люди перебили бы мечами нас и наших детей...

Огорченный номарх вздохнул, мысленно обращаясь к богам и поручая себя их милостивому покровительству.

Поздно ночью Рамсес вернулся в свой дворец, где прислуга сообщила, что ему отвели под спальню другую комнату.

— Это почему?

— Потому что в том покое видели ядовитую змею, которая спряталась так, что ее невозможно найти.

Новая спальня помещалась во флигеле, прилегавшем к дому номарха. Это была четырехугольная комната, окруженная колоннами. Алебастровые стены ее были покрыты цветными барельефами, изображавшими внизу растения в горшках, а выше — гирлянды из листьев оливы и лавра.

Почти посередине стояло широкое ложе, отделанное черным деревом, слоновой костью и золотом. Спальня освещалась двумя благовонными факелами. Под колоннадой стояли столики с вином, яствами и венками из роз. В потолке было большое четырехугольное отверстие, задернутое холстом.

Рамсес принял ванну и улегся на мягкой постели. Прислуга ушла в отдаленные комнаты. Факелы догорали. По спальне пронесся прохладный ветер, насыщенный ароматами цветов. Где-то вверху послышалась тихая музыка арф.

Рамсес поднял голову.

Холщовая крыша спальни раздвинулась, сквозь прорезь в потолке показалось созвездие Льва и в нем яркая звезда Регул. Музыка арф стала громче.

«Уж: не боги ли собираются ко мне в гости?» — подумал с усмешкой Рамсес.

В отверстии потолка блеснула широкая полоса света, яркого, но не резкого. Немного спустя вверху показалась золотая ладья с беседкой из цветов; столбы ее были увиты гирляндами из роз, а кровля украшена фиалками и лотосом. На обвитых зеленью шнурах золотая ладья бесшумно спустилась на пол; из цветов вышла нагая женщина необычайной красоты. Тело ее казалось выточенным из белого мрамора, а янтарные волны волос упоительно благоухали.

Выйдя из своей воздушной ладьи, она преклонила колени.

— Ты — дочь Софры? — спросил ее наследник.

— Ты угадал, государь...

— И, несмотря на это, пришла ко мне!..

— Молить, чтобы ты простил моего отца... Он несчастен!.. С полудня он в отчаянии проливает слезы, лежа во прахе.

— А если я не прощу его, ты уйдешь?

— Нет, — тихо прошептала девушка.

Рамсес привлек ее к себе и страстно поцеловал. Глаза его горели.

— За это я прощу его, — сказал он.

— О, какой ты добрый, — воскликнула девушка, прижимаясь к царевичу. Потом прибавила, ласкаясь: — И прикажешь возместить убытки, которые причинил ему этот сумасшедший рабочий?..

— Прикажу!..

— И возьмешь меня к себе во дворец?

Рамсес посмотрел на нее.

— Возьму, ты прекрасна.

— В самом деле?.. — ответила она, обвивая руками его шею. — Посмотри на меня поближе... Среди красавиц Египта я занимаю лишь четвертое место.

— Что это значит?

— В Мемфисе или неподалеку от Мемфиса живет твоя первая. К счастью, она еврейка. В Сехеме — вторая...

— Я ничего об этом не знаю, — заметил Рамсес.

— Ах ты, голубь невинный! Наверно, не знаешь и про третью, в Оне?..

— Она разве тоже принадлежит моему дому?

— Неблагодарный! — воскликнула красавица, ударив его цветком лотоса. — Через месяц ты скажешь то же обо мне... Но я не дам себя в обиду...

— Как и твой отец...

— Ты еще не простил его? Помни, я уйду...

— Нет, останься... останься!..

На следующий день наместник присутствовал на празднике, которым почтил его Софра, похвалил перед всеми его управление провинцией и, в награду за убытки, причиненные пьяным работником, подарил половину сосудов и утвари из тех, что преподнесли ему в городе Оне.

Вторую половину этих подарков получила дочь номарха, красавица Абеб, уже как придворная дама. Кроме того, она заставила выдать себе из казны Рамсеса пять талантов на наряды, лошадей и рабынь.

Вечером наследник, зевая, сказал Тутмосу:

— Царь, отец мой, преподал мне великую истину: женщины стоят дорого!

— Хуже, когда их нет, — ответил щеголь.

— Но у меня их четыре, и я даже не знаю, как это случилось. Двух я бы мог уступить...

— И Сарру тоже?

— Ее — нет, особенно если у нее родится сын.

— Если ты назначишь этим горлицам хорошее приданое, мужья для них найдутся...

Наследник опять зевнул.

— Не люблю слушать о приданом, — сказал он. — А-а-а! Какое счастье, что я вырвусь наконец отсюда и буду жить среди жрецов...

— Ты в самом деле думаешь об этом?..

— Приходится. Может быть, я узнаю от них наконец, отчего беднеют фараоны... А-а-а!.. Ну, и отдохну...

25

В тот же день в Мемфисе финикийнин Дагон, достопочтенный банкир наследника престола, лежал на диване под колоннадой своего дворца. Его окружали благоухающие хвойные растения, выращенные в кадках. Два черных раба охлаждали богача опахалами, а сам он, забавляясь обезьянкой, слушал доклад писца.

Но вот раб, вооруженный мечом и копьем, в шлеме и со щитом (банкиру нравились военные доспехи), доложил о приходе почтенного Рабсуна, финикийского купца, проживающего в Мемфисе.

Гость вошел, низко кланяясь, и искоса так посмотрел на Дагона, что тот приказал писцу и рабам удалиться. Затем, как человек осторожный, осмотрел все углы и сказал, обращаясь к гостю:

— Ну, можно говорить.

Рабсун сразу же приступил к делу.

— Известно ли вашей чести, что из Тира приехал князь Хирам?

Дагон привскочил на диване.

— Да поразит проказа его и его княжество! — вскричал он.

— Он мне как раз говорил, — продолжал хладнокровно гость, — что между вами вышло недоразумение.

— Что называется недоразумением?.. — продолжал кричать Дагон. — Этот разбойник обокрал меня, ограбил, разорил... Когда я послал свои суда вслед за другими тирскими на запад за серебром, кормчие этого негодяя Хирама хотели поджечь их, посадить на мель... В результате мои корабли вернулись ни с чем,

обгорелые, изломанные... Да сожжет его огонь небесный!.. — закончил в бешенстве ростовщик.

— А если у Хирама есть для вашей чести выгодное дело? — спросил хладнокровно гость.

Буря, бушевавшая в груди Дагона, сразу улеглась.

— Какое у него может быть для меня дело? — спросил он уже вполне спокойным тоном.

— Он сам расскажет это вашей чести, но ему надо сначала повидаться с вами.

— Ну, так пусть придет ко мне.

— А он думает, что это вы должны явиться к нему. Ведь он член Высшего совета Тира.

— Так он сдохнет, прежде чем я пойду к нему!..

Гость придвинул кресло к дивану, на котором возлежал Дагон, и похлопал его по ляжке.

— Дагон, — сказал он, — будь благоразумен.

— Почему это я неблагоразумен и почему ты не говоришь мне «ваша честь».

— Не будь дураком, Дагон, — ответил гость. — Если он не пойдет к тебе и ты не пойдешь к нему, как же вы договоритесь о делах?

— Это ты дурак, Рабсун! — снова рассердился банкир. — Потому что если я пойду к Хираму, то пусть у меня рука отсохнет, если я из-за этой вежливости не потеряю половины моего заработка.

Гость подумал и сказал:

— Вот это мудрые слова. Так вот что я тебе скажу. Ты приходи ко мне, и Хирам придет ко мне, и вы у меня все обсудите.

Дагон склонил голову набок и, лукаво подмигнув, спросил:

— Эй, Рабсун, скажи прямо, сколько ты за это получил?

— За что?

— За то, что я приду к тебе и сговорюсь с этим мерзавцем?

— В этом деле заинтересована вся Финикия, и я зарабатывать на нем не собираюсь, — ответил Рабсун с возмущением.

— Пусть тебе так долги платят, как это правда!

— Ну, так пусть мне их совсем не платят, если я на этом что-нибудь заработаю! Лишь бы Финикия на этом ничего не потеряла! — гневно закричал Рабсун.

И они расстались.

Под вечер Дагон сел в носилки, которые несли шесть рабов. Впереди бежали два гонца с жезлами и два с факелами; за носилками шло четверо слуг, вооруженных с ног до головы не ради безопасности, а потому что Дагон с некоторых пор любил окружать себя вооруженными людьми, словно воин.

Он вылез из носилок с важным видом и, поддерживаемый двумя рабами (третий нес над ним зонтик), вошел в дом Рабсуна.

— Где же он, этот... Хирам? — высокомерно спросил он хозяина.

— Его нет.

— Как? Мне его ждать?

— Его нет в этой комнате, но он находится в третьей отсюда, у моей жены, — ответил хозяин. — Сейчас он в гостях у нее.

— Я туда не пойду!.. — заявил ростовщик, усаживаясь на диван.

— Ты пойдешь в соседнюю комнату, и он придет туда же.

После не слишком долгих пререканий Дагон уступил и немного спустя по знаку, данному хозяином дома, прошел в соседнюю комнату. Одновременно из следующей комнаты вышел человек невысокого роста с седой бородой, облаченный в золотистое одеяние, с золотым обручем на голове.

— Вот, — заявил хозяин, стоя посередине, — его милость князь Хирам, член Высшего совета Тира. А это достопочтенный Дагон, банкир его высочества — наследника престола и наместника Нижнего Египта.

Оба знатных гостя поклонились друг другу, скрестив на груди руки, и присели за отдельные столики посреди комнаты. Хирам чуть-чуть распахнул одежду, чтобы показать огромную золотую медаль, висевшую у него на шее. В ответ на это Дагон стал играть толстой золотой цепью, полученной от царевича Рамсеса.

— Я, Хирам, — начал старик, — приветствую вас, господин Дагон, и желаю вам большого богатства и успеха в делах.

— Я, Дагон, приветствую вас, господин Хирам, и желаю вам того же, чего вы мне желаете.

— Вы что, ссориться со мной хотите? — накинулся на него Хирам.

— Где же я ссорюсь?.. Рабсун, скажи, разве я ссорюсь? — возразил Дагон.

— Лучше уж пусть ваша честь говорит о деле, — успокаивал его хозяин.

Минуту подумав, Хирам сказал:

— Ваши друзья из Тира шлют вам через меня горячий привет.

— А больше они мне ничего не шлют? — спросил насмешливо Дагон.

— А чего же вам еще от них надо? — ответил Хирам, повышая голос.

— Тише!.. Не ссорьтесь!.. — вмешался хозяин.

Хирам несколько раз глубоко вздохнул и сказал:

— Это верно, нам не надо ссориться. Тяжелые времена наступают для Финикии...

— А что? Море затопило ваш Тир или Сидон?.. — насмешливо спросил Дагон.

Хирам сплюнул и спросил:

— С чего это вы сегодня такой злой?..

— Я всегда злой, когда меня не называют «ваша честь».

— А почему вы не называете меня «ваша милость»?.. Ведь я, кажется, князь!..

— Может быть — в Финикии, — ответил Дагон. — Но уже в Ассирии у любого вельможи вы три дня ожидаете в прихожей аудиенции. А когда вас примут — лежите на животе, как всякий финикийский торговец.

— А что бы вы делали перед дикарем, который может вас посадить на кол?.. — вскричал Хирам.

— Что бы я делал, не знаю, — ответил Дагон. — Но в Египте я сижу на одном диване с наследником, который теперь вдобавок еще и наместник.

— Побольше согласия, ваша честь!.. Побольше согласия, ваша милость!.. — увещевал обоих хозяин.

— Согласия!.. Я согласен, что этот господин — простой финикийский торговец, а не хочет относиться ко мне с должным почтением... — крикнул Дагон.

— У меня сто кораблей!.. — крикнул еще громче Хирам.

— А у его святейшества фараона двадцать тысяч городов, городков и селений!

— Вы погубите все дело и всю Финикию!.. — вмешался Рабсун, повышая голос.

Хирам сжал кулаки, но промолчал.

— Вы должны, однако, признать, ваша честь, — сказал он минуту спустя, обращаясь к Дагону, — что из этих двадцати тысяч городов фараону принадлежит в действительности не так уж много.

— Вы хотите сказать, ваша милость, — ответил Дагон, — что семь тысяч городов принадлежат храмам и семь тысяч — знатым вельможам?.. Во всяком случае, царю остается еще семь тысяч целиком...

— Не совсем! Если из этого, ваша честь, вычтете около трех тысяч, находящихся в закладе у жрецов, и около двух тысяч — в аренде у наших финикийян...

— Ваша милость говорит правду, — согласился Дагон, — но все-таки у фараона остается около двух тысяч очень богатых городов...

— Тифон вас попутал!.. — рявкнул, в свою очередь, Рабсун. — Станете тут считать города фараона, чтоб его...

— Тсс!.. — прошептал Дагон, вскакивая с кресла.

— Когда над Финикией нависла беда!.. — закончил Рабсун.

— Разрешите же мне наконец узнать, какая беда, — перебил Дагон.

— Дай сказать Хираму, тогда узнаешь, — ответил хозяин.

— Пусть говорит...

— Известно ли вашей чести, что случилось в гостинице «У корабля» нашего брата Асархаддона? — спросил Хирам.

— У меня нет братьев среди трактирщиков!.. — презрительно отрезал Дагон.

— Молчи!.. — крикнул с негодованием Рабсун, хватаясь за рукоять кинжала. — Ты глуп, как пес, который лает со сна...

— Чего он сердится, этот... этот... торговец костями?.. — ответил Дагон, тоже хватаясь за нож.

— Тише!.. Не ссорьтесь!.. — успокаивал их седобородый князь, в свою очередь, протягивая руку к поясу.

С минуту у всех троих раздувались ноздри и сверкали глаза. Наконец Хирам, успокоившийся раньше других, начал как ни в чем не бывало:

— Несколько месяцев назад в гостинице Асархаддона остановился некий Пхут из города Харран...

— Он приезжал, чтоб получить пять талантов с какого-то жреца, — вставил Дагон.

— Ну и что дальше? — спросил Хирам.

— Ничего. Он заручился покровительством одной жрицы и по ее совету отправился искать своего должника в Фивы.

— Ум у тебя, как у ребенка, а язык, как у бабы... — сказал Хирам. — Этот харранец — не харранец, а халдей, и зовут его не Пхут, а Бероэс...

— Бероэс?.. Бероэс?.. — повторил, вспоминая что-то, Дагон. — Где-то я слышал это имя.

— Слышал?.. — проговорил презрительно Хирам. — Бероэс — мудрейший жрец в Вавилоне, советник ассирийских князей и самого царя.

— Пусть его будет чьим угодно советником, только бы не фараона... Какое мне до этого дело? — сказал ростовщик.

Рабсун вскочил с кресла и, грозя кулаком у самого носа Дагона, крикнул:

— Ты — боров, откормленный на помоях с фараоновой кухни. Тебе столько же дела до Финикии, сколько мне до Египта... Если б ты мог, ты бы за драхму продал родину. Пес!.. Прокаженный!..

Дагон побледнел, однако ответил спокойным тоном:

— Что говорит этот лавочник?.. В Тире у меня сыновья обучаются мореплаванию; в Сидоне живет моя дочь с мужем. Половину своего состояния я ссудил Высшему совету, хотя не получаю за это даже десяти процентов. А этот лавочник говорит, что мне нет дела до Финикии... Послушай, Рабсун, — прибавил он, — я желаю твоей жене и детям и теням твоих отцов, чтобы ты столько же заботился о них, сколько я о каждом финикийском корабле, о каждом камне Тира, сидона и даже Зарпата и Ашибу[89].

— Дагон говорит правду, — вставил Хирам.

— Я не забочусь о Финикии? — продолжал банкир, начиная опять горячиться. — А сколько финикийян я перетянул сюда, чтоб они тут богатели, и какой мне от этого прок? Я не забочусь?.. Хирам привел в негодность два моих корабля и лишил меня больших заработков, а ведь вот, когда дело касается Финикии, я все-таки сижу с ним в одной комнате...

— Потому что ты думал, что разговор будет у вас о том, чтобы кого-то надуть, — заметил Рабсун.

— Чтоб ты так думал о смерти, дурак!.. — ответил Дагон. — Как будто я ребенок и не понимаю, что если Хирам приезжает в Мемфис, так уж, наверно, не ради торговых дел. Эх, Рабсун! Тебе бы прослужить у меня годика два мальчишкой, подметающим конюшню...

— Довольно!.. — крикнул Хирам, ударя кулаком по столику.

— Мы никогда не кончим с этим халдейским жрецом, — пробурчал Рабсун с таким хладнокровием, как будто не его только что обругали.

Хирам откашлялся.

— У этого человека действительно есть дом и земля в Харране, — сказал он, — и там он именуется Пхутом. Он получил письма от хеттских купцов к сидонским, и потому его прихватил с собой наш караван. Сам он хорошо говорит по-финикийски, расплачивался честно, ничего лишнего не требовал, так что наши люди очень его полюбили. Но, — продолжал Хирам, почесав бороду, — когда лев наденет на себя воловью шкуру, у него всегда будет торчать из-под нее хотя бы кончик хвоста. И так как этот Пхут большой умница и держал себя очень уверенно, то предводитель каравана взял да и просмотрел потихоньку его багаж. Ничего особенного он не нашел, кроме медали с изображением богини Ашторет. При виде этой медали у предводителя каравана сердце замерло. Откуда вдруг у хетта финикийская медаль?.. И когда приехали в Сидон, он тотчас же заявил об этом старейшинам, и с тех пор наша тайная полиция глаз с Пхута не спускала. Однако он оказался таким умницей, что за несколько дней, что он прожил в Сидоне, все его полюбили. Он молился и приносил жертвы богине Ашторет, платил золотом, не занимал и не давал займы, вел знакомство только с финикийянами. Словом, напустил такого туману, что наблюдение за ним ослабело, и он спокойно доехал до Мемфиса. Тут наши старейшины стали опять наблюдать за ним, но ничего не обнаружили, догадывались только, что это, должно быть,

важная персона, а не простой харранский горожанин. Только Асархаддону удалось случайно выследить, — а вернее, лишь напасть на след, — что этот якобы Пхут провел целую ночь в старом храме Сета, который здесь пользуется большим влиянием.

— Там собираются только верховные жрецы на важные совещания, — заметил Дагон.

— И это бы еще ничего не значило, — продолжал Хирам, — но один из наших купцов месяц тому назад вернулся из Вавилона со странными известиями. За щедрый подарок кто-то из придворных вавилонского наместника рассказал ему, что Финикии грозит беда... «Вас хотят захватить ассирийцы, — говорил этот придворный нашему купцу, — а израильтян заберут египтяне. Великий халдейский жрец Бероэс был послан к фиванским жрецам, чтобы заключить с ними договор». Вы должны знать, — продолжал Хирам, — что халдейские жрецы считают египетских своими братьями. А так как Бероэс пользуется большим влиянием при дворе царя Ассара, то слухи об этом договоре весьма правдоподобны.

— А на что ассирийцам Финикия? — спросил Дагон, грызя ногти.

— А на что вору чужой амбар? — ответил Хирам.

— Какое значение может иметь договор Бероэса с египетскими жрецами? — вставил сидевший в задумчивости Рабсун.

— Дурак ты!.. — возразил Дагон. — Ведь фараон делает только то, что решают на своих совещаниях жрецы.

— Будет и договор с фараоном, не беспокойтесь, — перебил Хирам. — В Тире известно, что в Египет едет с большой свитой и подарками ассирийский посол Саргон. Он будто бы хочет побывать в Египте и договориться с министрами о том, чтобы в египетских документах не писали, что Ассирия платит дань фараонам. В действительности же он едет для заключения договора о разделе стран, расположенных между нашим морем и рекой Евфратом.

— Провались они все! — выругался Рабсун.

— А что ты думаешь об этом, Дагон? — спросил Хирам.

— А как бы вы поступили, если бы на вас в самом деле напал Ассар?

Хирам весь затрясся от негодования.

— Что?.. Мы сели бы на корабли с семьями и со всем добром, а этим собакам оставили бы одни развалины и гниющие трупы рабов. Разве мы не знаем стран больше и красивее Финикии, где можно основать новую родину, богаче, чем эта?..

— Да хранят нас боги от такой крайности! — сказал Дагон.

— Вот в том-то и дело. Нужно спасти нынешнюю Финикию от полного уничтожения, — продолжал Хирам. — И ты, Дагон, можешь многое для этого сделать.

— Что, например?..

— Можешь узнать у жрецов, был ли у них Бероэс и заключил ли с ними такой договор.

— Это страшно трудно! — проговорил шепотом Дагон. — Но, может быть, мне удастся найти такого жреца, который все расскажет.

— А можешь ли ты, — продолжал Хирам, — через кого-нибудь из придворных помешать заключению договора с Саргоном?

— Это тоже очень трудно. Одному мне этого не добиться.

— Я буду тебе помогать. А золото доставит Финикия. Уже сейчас там устраивают сбор.

— Я сам дал два таланта, — заявил вполголоса Рабсун.

— Я дам десять, — сказал Дагон. — Но что я получу за свои труды?..

— Что?.. Ну, десять кораблей, — ответил Хирам.

— А сколько ты заработаешь? — спросил Дагон.

— Мало тебе?.. Ну, получишь пятнадцать.

— Я спрашиваю, что ты заработаешь? — настаивал Дагон.

— Дадим тебе двадцать. Довольно?

— Ну хорошо. А вы покажете мне дорогу в страну серебра?

— Покажем.

— И туда, где вы добываете олово?

— Ладно...

— И туда, где родится янтарь? — заключил Дагон.

— Чтоб тебе когда-нибудь сдохнуть! — ответил князь Хирам, милостиво протягивая ему руку. — Но ты не будешь больше злиться на меня за те два судна?..

Дагон вздохнул.

— Я постараюсь забыть. Но... Какие были бы у меня богатства, если б вы меня тогда не прогнали!..

— Довольно!.. — вмешался Рабсун. — Говорите о Финикии.

— Через кого ты узнаешь про Бероэса и про договор? — спросил Дагона Хирам.

— Не спрашивай. Об этом опасно говорить, потому что тут замешаны жрецы.

— А через кого ты можешь помешать договору?

— Я думаю... Я думаю, что, пожалуй, через наследника. У меня много его расписок.

Хирам поднял руку.

— Наследник? Очень хорошо. Он ведь будет фараоном, и, может быть, даже скоро...

— Тс... — остановил его Дагон, ударив кулаком по столу. — Чтоб у тебя язык отнялся за такие разговоры!

— Вот боров... — вскричал Рабсун, размахивая кулаком перед самым носом ростовщика.

— Вот глупый торгаш! — ответил Дагон с насмешливой улыбкой. — Тебе бы, Рабсун, продавать сушеную рыбу и воду на улице, а не соваться в государственные дела. В бычьем копыте, выпачканном египетской грязью, больше ума, чем у тебя, пять лет прожившего в столице Египта!.. Чтоб тебя свиньи слопали!

— Тише!.. Тише!.. — вмешался Хирам. — Вы не даете мне кончить.

— Говори, ибо ты мудр и тебе внимает мое сердце, — заявил Рабсун.

— Раз ты, Дагон, имеешь влияние на наследника, то это очень хорошо, — продолжал Хирам, — так как если наследник пожелает заключить договор с Ассирией, то договор будет заключен, и напишут его нашей кровью на нашей же шкуре. Если же наследник захочет войны с Ассирией, то он добьется войны, хотя бы жрецы призвали против него всех богов.

— Ерунда! — возразил Дагон. — Стоит лишь жрецам очень захотеть — и договор будет. Но, может быть, они не захотят...

— Вот потому-то, Дагон, — продолжал Хирам, нам необходимо иметь на своей стороне всех военачальников.

— Это можно...

— И номархов...

— Можно и номархов...

— И наследника, — продолжал Хирам. — Но если ты один будешь его толкать на войну с Ассирией, то ничего из этого не выйдет. Человек — как арфа: у него много струн, и играть на них нужно десятью пальцами. А ты, Дагон, — только один палец.

— Не разорваться же мне на десять частей.

— Но ты можешь быть как рука, на которой пять пальцев. Ты должен сделать так, чтобы никто не знал, что ты хочешь войны, но чтобы каждый поваренок наследника хотел войны, каждый парикмахер хотел войны, чтобы все банщики, носильщики, писцы, офицеры, возничие — чтобы все они хотели войны с Ассирией и чтобы наследник слышал об этом с утра до ночи, и даже когда спит.

— Так и будет.

— А ты знаешь его любовниц? — спросил Хирам.

Дагон махнул рукой.

— Глупые девчонки, — ответил он. — Только и думают, как бы принарядиться, накраситься и умастить себя благовониями. А откуда берутся эти благовония и кто их привозит в Египет — это уж не их дело.

— Надо подсунуть ему такую любовницу, которая знала бы это, — сказал Хирам.

— Откуда ее взять?.. — спросил Дагон. — Впрочем, есть!.. — воскликнул он. — Ты знаешь Каму, жрицу Ашторет?

— Что? — перебил Рабсун. — Жрица святой богини Ашторет будет любовницей египтянина?..

— А ты бы предпочел, чтобы она была твоей, — съязвил Дагон. — Мы сделаем ее даже верховной жрицей, если понадобится приблизить ее ко двору...

— Это ты правильно говоришь, — согласился Хирам.

— Но ведь это же кощунство!.. — возмутился Рабсун.

— Ну что же, жрица, которая его совершит, может и умереть, — заметил престарелый Хирам.

— Как бы нам только не помешала эта еврейка Сарра, — сказал после минутного молчания Дагон. — Она ожидает ребенка, которого наследник уже сейчас любит. А если родится сын, все остальные отойдут на второй план.

— У нас найдутся деньги и для Сарры, — заявил Хирам.

— Она ничего не возьмет!.. — рассвирепел Дагон. — Эта негодница отвергла драгоценный золотой кубок, который я сам ей принес.

— Она думала, что ты хочешь ее надуть, — вставил Рабсун.

Хирам покачал головой.

— Не о чем беспокоиться, — проговорил он, — куда не проникнет золото, туда проникнут отец, мать, любовница... А куда не проникнет любовница — проникнет...

— Нож... — прошипел Рабсун.

— Яд... — прошептал Дагон.

— Нож — это слишком грубый способ... — заключил Хирам. Он погладил бороду, задумался, наконец встал и вынул из складок одежды пурпурную ленту, на которой были нанизаны три золотых амулета с изображением богини Ашторет, затем вытащил из-за пояса нож, разрезал ленту на три части и два куса с амулетами вручил Дагону и Рабсуну.

Потом все трое направились в угол, где стояла крылатая статуя богини, скрестили руки на груди, и Хирам вполголоса, однако вполне отчетливо произнес:

— Тебе, мать жизни, клянемся верно блюсти наш договор, не зная отдыха, до тех пор, пока священные города не будут ограждены от врагов, которых да истребит голод, мор и огонь!.. Если же кто-нибудь из нас не сдержит клятвы или выдаст тайну — да падут на него все бедствия и всякий позор... Пусть голод терзает его внутренности и сон бежит от налившихся кровью глаз. Пусть отсохнет рука у того, кто поспешит ему на помощь, сжалившись над несчастным. Пусть на столе его хлеб превратится в гниль, а вино — в зловонную сукровицу. Пусть родные его дети перемерут, и дом его наполнится незаконнорожденными, которые оплюют его и выгонят. Пусть сам он умрет, всеми покинутый, после долгих дней страдания в одиночестве, и пусть подлое его тело не примет ни земля, ни вода, пусть не сожжет его огонь, не пожрут дикие звери... Да будет так!..

После этой страшной клятвы, половину которой произнес Хирам, а половину повторили все трое дрожащими от бешенства голосами, когда гости перевели дух, Рабсун пригласил их на трапезу, где вино, музыка и танцовщицы заставили их пока забыть о предстоящем деле.